

Пер Андерс Рудлинг
Тимоти Шнайдер
Гжегож Россолински – Либе

**«ОУН И УПА:
ИССЛЕДОВАНИЯ О СОЗДАНИИ
«ИСТОРИЧЕСКИХ» МИФОВ»**

Киев 2012

**СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА»
Том II**

**Пер Андерс Рудлинг, Тимоти Шнайдер,
Гжегож Россолински-Либе**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**«ОУН И УПА:
ИССЛЕДОВАНИЯ О СОЗДАНИИ
«ИСТОРИЧЕСКИХ» МИФОВ»**

Киев – 2012

УДК 329.73(477)(09)(082)
ББК 66.79г(4Укр)я43
П83

Международный антифашистский фронт искренне благодарит народного депутата Украины, Президента Международного благотворительного фонда «Днипро-Сич» Вячеслава Александровича Богуслаева поддержавшего издание этого сборника исследований.

Сборник статей «ОУН и УПА: исследования о создании «исторических» мифов» является вторым изданием в серии «Историческая правда», основанной Международным антифашистским фронтом в 2011 году.

В издании представлены исследования современных западных ученых - Пера Андерса Рудлинга, Тимоти Д. Шнайдера, Гжегожа Россолинского–Либе на тему украинского радикального национализма, фашизма, создания антиисторических мифов вокруг ОУН-УПА, преступлений против человечности, попыток героизации и реабилитации этих организаций и их членов.

Большинство исследований в Украине публикуются впервые.

ISBN978-966-2246-16-2

© Пер Андерс Рудлинг,
Тимоти Шнайдер,
Гжегож Россолински-Либе

© Все материалы книги

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Еще раз об исторической правде и построении современной Украины»

К сожалению, в украинском обществе продолжают существовать и даже развиваться антидемократического и тоталитарного толка идеи – неонацизма, радикального национализма, экстремизма, ксенофобии.

Украинцы регулярно становятся жертвами попыток фальсификации истории лишаящих наше общество возможности объективно оценивать наше прошлое и делать конструктивные выводы на будущее.

Особенно это касается событий периода Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Так за последние 5-7 лет в Украине процессы политической героизации и реабилитации лидеров и участников ОУН-УПА, «сотрудничавших с нацизмом»¹ приобрели системный характер. Во время президентства Ющенко бурно развили свою деятельность различные институты управления памятью и создания мифов, целью которых и стало «отбеливание» истории ОУН-УПА, фальсификация отдельных ее моментов и замалчивание причастности к Холокосту, геноциду поляков и террору против украинцев, имевших иные политические убеждения.

Сборник научных статей **«ОУН и УПА: исследования о создании «исторических» мифов»** является вторым изданием в серии «Историческая правда», основанной Международным антифашистским фронтом в 2011 году.

Первым изданием серии стала книга канадского историка украинского происхождения Виктора Полищука «Горькая правда. Преступность ОУН-УПА (исповедь украинца)», которая была издана в 2011 г. тиражом более 10000 экземпляров на русском и украинском языках, распространена во всех

¹ Из резолюции Европейского парламента «О ситуации в Украине» от 25 февраля 2012 года.

библиотеках Украины. В «Горькой правде» честно без купюр рассказывается о преступлениях ОУН-УПА во время проведения так называемой «Волынской резни» - геноцида поляков западной Украины 1941-1944 гг. Книга была написана на архивных материалах Польши, Германии, Канады, широких личных воспоминаниях людей переживших геноцид, и исследованиях, практически неизвестных ни в Украине, ни в России.

"Изначально это издание планировалось как публикация исследований доктора философии истории, научного сотрудника Департамента истории в Университете Ландау в Швеции, гражданина США и Швеции Пера Андерса Рудлинга. Но во время подготовки сборника коллеги из международного антифашистского движения буквально «завалили» Международный антифашистский фронт научными публикациями и исследованиями других авторов - западных ученых изобличающих украинских нацистов из ОУН-УПА. Поэтому только небольшая часть этих широко известных в цивилизованном мире работ (и практически неизвестных в Украине) вошла в этот сборник. Остальные публикации выйдут в 3-м и 4-м томах «Исторической правды»".

Логично, что автором первой статьи сборника – **«ОУН, УПА и Холокост: исследование о создании исторических мифов»** стал **Пер Андерс Рудлинг**, который уже несколько десятилетий занимается глубоким исследованием европейской истории, и в особенности деятельности ОУН и УПА.

Его исследование «обнажает» историческую правду, раскрывая все фальшивые исторические повествования, написанные легитимизированными Виктором Ющенко историками.

Одним из самых важных аспектов исследования Пера Андерса Рудлинга является изучение реального отношения бандеровского крыла организации украинских националистов или ОУН (б) и ее вооруженной силы украинской повстанческой армии или УПА – к евреям. Важность этого аспекта, обусловлена не только необходимостью восстановления исторической правды, а также и необходимостью изучения политического использования

истории, манипуляции на основе исторических записей, путем отслеживания генеалогии множества исторических мифов.

Во времена Ющенко были организованы несколько институтов по управлению памятью (Институт национальной памяти, Центр исследований освободительного движения, и так далее – авт.) и созданию мифов, ключевой функцией которых было приуменьшение зверств ОУН-УПА.

Очень точно об этом написал именно Пер Андерс Рудлинг:

«Легитимизированные Виктором Ющенко историки (Владимир Вятрович и другие – ред.) презентовали ОУН и УПА как плюралистические и открытые организации, которые не только спасли евреев во время Холокоста, но и пригласили их в свои ряды для того, чтобы сражаться плечом к плечу против Гитлера и Сталина. Эти мифические повествования опирались на ОУНовские собственные послевоенные фальшивки, нацеленные на прикрытие проблематичного прошлого организации. Так как сотрудники украинской спецслужбы работали в офисе бывшего КГБ (при полном содействии Главы Службы безопасности Украины того времени Валентина Наливайченко – авт.), легитимизированные историки иронично отталкивали научную критику как советские мифы».

Первая часть статьи «ОУН, УПА и Холокост: исследование о создании исторических мифов» раскрывает политическую идеологию, ориентацию, цели и наследие ОУН-УПА; вторая часть - историю создания легенд об этих организациях и генеалогию мифов. Таким образом, книга имеет большое значение для украинской истории, так как исследования мифотворчества вокруг ОУН и УПА показывает нашу настоящую, правдивую историю.

Пер Андерс Рудлинг имеет свой взгляд на эту страницу украинской истории и в некоторых моментах с ним сложно согласиться. Вместе с тем заслуживает глубокого внимания и уважения логичность, последовательность и аргументированность исследователя, глубина изучения вопроса.

Два другие ученые и исследователи, публикации которых вошли в это издание, – **Тимоти Д. Шнайдер** и **Гжегож**

Россолински-Либе также относятся к тем западным историкам, которые занимаются глубоким и основательным изучением вопросов, связанных с национализмом, фашизмом, тоталитаризмом, мифотворчеством, формированием индивидуальной и коллективной памяти в обществе.

Оба этих исследователя получили прекрасное образование в старейших университетах Европы и США: Гжегож Россолински-Либе – в Европейском университете Виадрины (нем. *Europa-Universität Viadrina in Frankfurt (Oder)*), Университете Гамбурга (нем. *Universität Hamburg*), Тимоти Д.Шнайдер – в Брауновском университете (англ. *Brown University*) и Оксфордском (англ. *University of Oxford*); долгое время специализируются на изучении истории стран Восточной Европы, в частности Украины.

Тимоти Д. Шнайдер также является профессором Йельского университета (англ. *Yale University*). Его книги получили ряд наград, в том числе Лейпцигскую премию за европейское понимание (the Leipzig Prize for European Understanding), а также премию Ральфа Валдо Эмерсона в области гуманитарных наук (the Ralph Waldo Emerson Award in the Humanities).

Что касается **Гжегожа Россолински-Либе**, он является аспирантом Гамбургского университета и, по мнению коллег по науке, - перспективным историком. С 2007 года работает над диссертацией «Степан Бандера. Жизнь украинского фашиста и память о нём. 1909-2009 гг.». Для её написания он исследовал соответствующие документы в около 10 городах Германии, Украины, Польши, презентовал наработки в Канаде и в Германии. Проект диссертации уже составляет более 600 страниц.

Гжегож Россолински-Либе также совершенно новым взглядом, основанном на изучении огромного числа документов и материалов, оценивает роль украинской диаспоры в Эдмонтоне (Канада) в становлении мифа о Бандере.

В феврале-марте 2012 года лекции Гжегожа Россолински-Либе должны были состояться во Львове, Киеве, Днепропетровске, но под давлением украинских праворадикалов и неонацистов большинство академических площадок и ВУЗов в последний момент отказалось от их проведения.

Широкомасштабное представление результатов исследований немецкого ученого фактически было сорвано.

Сам Гжегож Россолински-Либе заявил о поступивших в его адрес угрозах, а в фонде им. Белля, который организовал приезд ученого на Украину, выразили официальный протест украинским властям. В частности в заявлении международного фонда констатировались нарушения принципа свободы, в том числе – свободы академических исследований в Украине. Заявление фонда им. Белля имело громадный резонанс в западной Европе и, безусловно, негативно отобразилось на имидже Украины и украинской науки.

В конечном результате лекция на тему "**Степан Бандера: жизнь украинского революционного ультранационалиста и память о нем**" состоялась 1 марта только в помещении посольства Германии в Украине (в Киеве) при усиленных мерах охраны, и, несмотря на то, что члены праворадикальной «Свободы» в знак протеста устроили возле здания посольства пикет.

Поэтому публикация конспекта лекции Гжегожа Россолински-Либе на тему «Степан Бандера: жизнь украинского революционного ультранационалиста и память о нем» и других его исследований послужит хорошим знаком для цивилизованного мира, о том, что академические свободы в Украине, несмотря на выпады праворадикалов, существуют, а поиск исторической правды (а не построение мифов) является осознанно важным делом для нашей страны, общества и научной общественности.

Уверен, что это издание будет исключительно интересно и полезно для студентов, преподавателей, исследователей, - всех, кому интересно знать правду о трагических событиях Великой Отечественной и Второй мировой войн на территории Украины.

**Народный депутат Украины, Сопредседатель
Международного антифашистского фронта**

Вадим КОЛЕСНИЧЕНКО

ОБ АВТОРЕ

Пер Андерс РУДЛИНГ

Пер Андерс Рудлинг – авторитетный западный историк шведского происхождения, который специализируется на вопросах национализма, мифотворчества, истории, коллективной памяти, еврейских студиях, холокоста, национальной идентичности, в том числе, её становления в Украине и Белоруссии.

В его многочисленных исследованиях значительное внимание уделено изучению деятельности ОУН-УПА, целям и результатам их акций. Автор использует компаративный метод, методы синтеза и анализа, а также другие методики в своих работах.

Жизненный путь профессора Андерса Рудлинга насыщен и поразительными академическими успехами, и научными исследованиями, многочисленным числом выигранных грантов от различных научных и академических институций.

В ноябре 1998 он получает степень магистра (мастера искусств) по основной специальности «Русский язык» и дополнительной - «Политология» (minor) в Уппсальском университете (Uppsala University, Sweden), старейшем публичном университете Швеции и всей Скандинавии. После этого продолжает образование в Государственном университете в Сан-Диего, Калифорния (San Diego State University), прослушивает определённые курсы – CLAD (по межкультурной коммуникации и академическому развитию), социальным наукам и русскому языку, получает диплом в ноябре 2002 года, дающий право преподавания истории, социальных наук, русского языка.

В мае 2003 года получает степень магистра (мастера искусств) по специальности «История» в этом же университете, специализируется на изучении сравнительной истории – новейшей восточноевропейской и иудейской. Наконец, в июне 2010 года становится доктором философии истории, защищает диссертацию, посвящённую истории белорусского национального движения в 1906-1931 годах, в Университете Альберты, Канада (University of Alberta, Canada).

Ещё во время своего обучения Пер Андерс Рудлинг занимается преподаванием русского языка в среднеобразовательной школе в Калифорнии (Helix Charter High School, California, 2000-2003 гг.), истории - в Университете Альберты в Канаде (University of Alberta, Canada, сентябрь – декабрь 2005, январь 2009 – июнь 2010), а также в колледже в Эдмонтоне в Канаде (Grant MacEwan College, Canada, 2009).

С июля 2010 по декабрь 2011 работает научным сотрудником, преподавателем истории в Университете Эрнст-Моритц в Германии (Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Germany), ведёт курс «Балтийская приграничная область: преодоление границы разума и культуры на окраинах Балтийского региона».

А с января 2012 года занимает должность научного сотрудника Департамента истории в Университете Ландау в Швеции (Lund University, Sweden).

Гражданин США и Швеции, постоянный житель Канады.

Среди работ Пера Андерса Рудлинга значительное место занимают исследования посвященные изучению деятельности ОУН-УПА. В частности, этой тематике посвящены:

Статьи в научных журналах:

- ОУН, УПА и Холокост: Исследования творения исторических мифов. Питсбургский университет: *Центр*

русских и восточноевропейских исследований, 2011 (Pittsburgh Universit), 71 стр.

- «Мультикультурализм, память и ритуализация: памятники украинским националистам в Эдмонтоне, Альберта», *Исследования национализма*, том 39, № 5 (сентябрь, 2011): стр. 733-768.

- «Теория и практика: Историческая репрезентация деятельности ОУН-УПА (Организации украинских националистов - Украинской повстанческой армии) во времена войны» *Вопросы еврейства в Восточной Европе* 36: 2 (Декабрь 2006): 163-189.

- «Организованный антисемитизм в современной Украине: структура, влияние, и идеология», *Канадские славянские документы / XLVIII*: 1-2 (март - июнь 2006): 81-119.

Материалы конференций:

- «Исторические истоки украинской праворадикальной партии «Свобода». 43-й ежегодный съезд Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, Вашингтон, округ Колумбия, 19 ноября 2011 года.

- «Голодомор и национал-социализм в украинской коллективной памяти»/ Реконструкция национального мифа: Франции, Германии и Украины в сравнении, Университет Ростока, Германия, 8 октября 2011 года.

- «Украинская Повстанческая Армия (УПА) и Холокост». 41-й ежегодный съезд Американской ассоциации содействия развитию славистики, Бостон, Массачусетс, 13 ноября 2009 года.

- «Культ Шухевича в Украине: мифотворчество с осложнениями». Вторая мировая война и (вос) создание исторической памяти в современной Украине, Киев, 25 сентября 2009 года. В наличии в режиме онлайн, http://ww2-historicalmemory.org.ua/abstract_e.html (на 11 октября 2009 года)

- Обсуждения. «Антисемитизм в Восточной Европе: исторические и литературные рассказы». Ежегодная конференция Канадской ассоциации славистов, Конгресс Университета гуманитарных и общественных наук провинции Саскачеван, Саскатун, SK 26 мая 2007 года.

- «Теория и практика: Подведение итогов деятельности ООН – УПА» (Организации украинских националистов - Украинской повстанческой армии) в военное время. Университет Альберты, семинар, посвящённый вопросам Холокоста, 21 апреля 2006 года.

- «Антисемитизм и оранжевая революция». Международный симпозиум аспирантов: «Новые перспективы современной Украины: политика, история и культура», Центр европейских, русских и евразийских исследований Университета Торонто, 18 марта 2006 года.

- «Тенденции в современном украинском антисемитизме». Университет Альберты, семинар, посвящённый вопросам Холокоста, 14 октября 2005 года.

В 2012 году ожидается также выход в свет следующих статей Пера Андерса Рудлинга, которые уже приняты к печати, и касаются украинского вопроса:

- «Антисемитизм и крайне правые в современной Украине», (Андреа Маммоне, Эммануэлем Годиным и Брайаном Дженкинс (ред.). *Сопоставление крайне правых в современной Европе: начиная с местного масштаба, заканчивая транснациональным.* – Ожидается в апреле 2012 года.

- «Культ Шухевича в Украине: мифотворение с осложнениями». *Вторая мировая война и (вос) создание исторической памяти в современной Украине*, Центр европейских и польских исследований, Киево-Могилянская академия, Украина. - *Готовится к изданию в 2012 г.*

Интервью с доктором Пером Андерсом Рудлингом на тему коллаборационизма, военных преступлений и национальной памяти

Кристофер Хейл, 29 января 2012.

СС Дивизии и национальная память, дело Die 14. Ваффен-гренадерская дивизия СС (SS-galizische Nr. 1)

<http://blog.hitlersforeignexecutioners.com/2012/01/interview-with-dr-per-anders-rudling-on-collaboration-war-crimes-national-memory/>

Националистические апологеты национального ополчения СС (имеются ввиду две латвийские дивизии СС и украинская дивизия СС «Галичина») утверждают, что нет достоверных документальных доказательств того, что деятельность этих военных объединений связана с «убийствами гражданских лиц» – поляков, евреев, либо и тех, и других. Действительно ли это так?

Латвия частично выходит за рамки моего исследования. Недавнее исследование, проведенное шведским исследователем Метом Деландом относительно предполагаемых военных преступников в Швеции, показывает, что Швеция не желала их преследовать, и игнорировала звонки из Центра Визенталя («Wiesenthal Center»), Германии и от других заинтересованных групп, целью которых было привлечение их к ответственности. Многие из таких преступников были укрыты государством и натурализованы, чтобы избежать экстрадиции в Германию или другие страны с последующим судебным осуждением. Сотрудничество местного населения во времена Холокоста в Латвии было значительным, но латвийские дивизии СС были созданы, следует помнить, после того, как Холокост, по сути, был завершён.

В случае с Эстонией, Латвией, Белоруссией и Украиной, мужчины в дивизии СС частично были набраны из людей,

которые выполняли ряд функций, служили немецкой власти, в том числе, из местных полицейских формирований, таких как Schutzmannschaften, то есть сил, которые принимали самое активное участие в реализации идей Холокоста.

Существовала система ротации, что означало, что большая часть латвийской полиции провела, по крайней мере, некоторое время в Schutzmannschaft батальонах и других формированиях. Латвийские батальоны были использованы в первую очередь в борьбе с партизанской деятельностью, большая часть которой велась в Беларуси и западной части России.

В этой антипартизанской борьбе было некое разделение между партизанами 'бандитами' и евреями, и латвийские Schutzmäner были вовлечены в серьезные злодеяния против мирного населения. Латышский легион был сформирован путем слияния этих батальонов, а также расширен за счет принудительной мобилизации. Она вобрала в себя, среди многих других образований, командос Арайса, который играл центральную роль в совершении убийств латвийских евреев. Таким образом, фатки биографии отдельных участников дивизии СС, в частности, местонахождение мужчин в 1941-1943 годах, более интересны, чем местонахождение самого объединения.

Латвийские дивизии СС отличаются от Украинской «Галичины» только лишь в том, что они были сформированы в основном принудительно, в то время как украинцы присоединялись к ним добровольно. Это важное различие. В то время как Международный трибунал в Нюрнберге признал дивизию СС, в полном объеме преступной организацией, были сделаны некоторые оговорки относительно тех, кто был насильственно призван.

Офицеры и унтер-офицеры из дивизии СС «Галичина» прошли обучение в Дахау, в непосредственной близости с концлагерем. Нацистское мировоззрение было

неотъемлемым компонентом образования дивизии СС. Оно было официально расистским и антисемитским.

В своем выступлении перед офицерами СС «Галичина» Генрих Гиммлер пошутил, что 'Я знаю, что если бы я приказал дивизии уничтожить поляков в этой или иной области, я стал бы очень популярным человеком'.

Дивизии СС вели себя осторожно, своей деятельностью не раскрывая того, что намерены уделять большое внимание последующим проверкам и совершению преступлений против местного польского и еврейского населения. В случае с дивизией СС «Галичина», объединение участвовало в убийствах гражданских лиц. В Гуте Пеняцкой они были наиболее жестокими. Размах убийств, ею совершённых, оценивается в диапазоне от 500 до 1200 жертв. Но были и 'умиротворения' и польских деревень: Витсин, Паликровы, Малинска, Черницы, Ясеница Полська, Камьянка Струмилова, Будки Незнановские, Павлове и Чатках. Были массовые убийства и в других селах, например, в деревне Забуце.

Наиболее детальное исследование Холокоста в Восточной Галиции приводит к выводу, что существует 'высокая вероятность' того, что солдаты из дивизии СС «Галичина» принимали участие в облавах на евреев в Бродах в феврале 1944 года. Позднее эвакуированная из Восточной Галиции дивизия СС 'Галичина' была использована для подавления Словацкого национального восстания. Это было хаотическое время, когда нацистская Германия и союзники ее оси рухнули. Записи об этом являются спорадическими. Новые исследования из Словакии показывают, что части объединения принимали участие в уничтожении деревни Нижна Бока в области Смеричане.

Доказательства этих зверств можно найти, проанализировав ряд источников, а также в архивах бывшего КГБ в Украине, Яд-Вашеме, коллекциях в Словакии, польском Институте национальной памяти и в коллекции украинской диаспоры в США и Канаде.

Злодеяния Гуты Пениака хорошо известны как серьезным историкам, так и защитникам дивизии. Но это ли не тот случай, когда свидетельства о том, что произошло, о жертвах и преступниках по-прежнему открыты для дискуссий?

Зависит от того, на каком уровне. Польские и украинские исторические комиссии согласны с тем, что 4-й отряд полиции, который состоял из добровольцев дивизии СС «Галичина», но не сделал первого удара ('the first cut'), участвовал в убийствах людей, при поддержке Украинской повстанческой армии, УПА.

Что по-прежнему обсуждается, так это число жертв. Оно отличается весьма существенно: колеблется в промежутке от 500 до 1200 человек. Польская комиссия предоставляет цифры (статистику), значительно превышая украинские данные. Стоит отметить, что Владимир Вятрович, который является директором квази-академического учреждения Центра по изучению украинского освободительного движения, в своей последней книге по ОУН-УПА (резня поляков на Волыни и Галиции) не отрицает, что дивизия СС «Галичина», совместно с УПА, проводили злодеяния. А благородные цели Вятровича состоят в том, чтобы реабилитировать ОУН (б) путем релятивизации массовых убийств Восточных поляков, и тем самым - возложения ответственности за зверства и на другие украинские образования. Однако, когда собственные пропагандисты ОУН (б) подтверждают участие дивизии СС «Галичина» в этом злодеянии, это означает, что спор уже позади.

В то же время, всеукраинская ультра-националистическая партия Свобода, которая имеет значительную поддержку во Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областях, участвует в масштабной кампании по реабилитации объединения. Она представляет его как «сокровище нации», настаивает на том, что участники дивизии «защищали Украину».

Но ведь их добровольцы давали личную клятву Адольфу Гитлеру и боролись за победу Германии в войне.

Свобода недавно разместила рекламные щиты на украинском и английском языках на месте, где когда-то стояла Гута Пеняцкая, отрицая участие дивизии СС в резне. В годовщину основания объединения, Свобода, вместе с так называемыми «автономными националистами», по образцу аналогичных групп в Германии, проводит массовые празднования. В апреле прошлого года значительные протесты, в которых участвовали от 800 до 2000 человек – пожилого возраста ветераны дивизии СС, а в основном – молодые неофашисты, прошли по центру Львова с песнопениями в честь дивизии СС «Галичина», Бандеры, Шухевича, и «украинской расы».

Конечно, эти группы отрицают, что объединение вело себя жестоко, и никакие первичные документы, никакие научные комиссии, независимо от их квалификации, вероятно, не изменят ум националистических верующих.

Кроме того, на протяжении десятилетий, националистические группировки в диаспоре, многие из которых находятся в Канаде, поощряли, героизировали и, защищая участников дивизии СС «Галичина», как героев, утверждали, что «членство в объединении никогда не рассматривалась ветеранами в качестве причины для стыда. И что «богатство документальных доказательств показывает, что деятельность объединения не может быть связана с преступлениями против человечества».

Такой «отказ» возник вместе с людьми, которые зачислили себя в ряды профессоров. Два поколения украинской диаспоры поднялись для увековечения украинских участников дивизии СС – мужчин, как героев и жертв. В день памяти в 2010 году украинский канадский Конгресс приветствовал украинских ветеранов дивизии СС, в 2011 году Канадский институт украинских исследований при Университете Альберты инициировал три новых вида пожертвований: в честь двух недавно умерших и одного очень

пожилого галицкого ветерана дивизии СС. Историки-ветераны призвали уважать и чтить объединение, но взяли обещание с бывшего украинского президента Ющенко формально не реабилитировать ветеранов дивизии СС «Галичина». Националистически настроенные историки диаспоры либо отрицают участие дивизии СС «Галичина» в массовых убийствах, в том числе и в Гуте Пеняцкой, винят определенные немецкие части, либо просто игнорируют всё, утверждая, что люди убивают друг друга на войне, и что это не будет препятствием для празднования годовщины объединения.

Такого рода героические жертвования поддерживаются хорошо организованными и финансируемыми правительством лобби-группами в диаспоре, которые имеют доступ к политикам, издательствам и другим средствам массовой информации. В Канаде правительство брало на себя расходы на возведение ультранационалистических памятников ветеранам дивизии СС. «Общение» с националистической диаспорой, которая имеет хорошо-разветвлённую структуру, в частности, в стране, где мультикультурализм является официальной политикой, представляется трудным и ресурсы распределены неравномерно. Тем не менее, все меняется, шаг за шагом. Приверженцы дивизии СС стареют, и рост их последующего числа ограничен. Доступ к советским архивам и другим архивам делает этот вид 'отказа' сложнее. Тем не менее, выделение новых жертвований для дивизии СС добровольцами в крупных канадских университетах в 2011 году не привели к какому-либо протесту. Но это, несомненно, произойдёт в Германии, Швеции или в большинстве других западноевропейских стран.

На основании всех доказательств, которые теперь есть у вас, уверены ли вы в том, что всё-таки произошло в феврале 1944 в с. Гута Пеняцкой?

Реконструкция событий, которые произошли почти семьдесят лет назад, особенно когда большинство свидетелей были убиты, никогда не будет полной. Существует несогласие относительно точного числа жертв. Но материалы демонстрируют, что деревня была сожжена главным образом с ее польскими жителями, а также отдельными еврейскими беженцами из региона. Не только польская и украинская комиссии согласны с этим. То, что четвертый полк полиции СС «Галичина» принимал участие в этой резне подтверждается современными документами о деятельности украинских националистов. Польские и еврейские ветераны, которые выжили, четко вспоминают о роли украинских спикеров в униформе дивизии СС.

Другое «возражение» состоит в том, что эта резня была совершена членами полка милиции - не объединением полностью. Правильно ли это и, иначе говоря, имеет ли это значение?

Резня в Гуте Пеняцкой - самое крупное и самое ужасное злодеяние было совершено служащими четвертого полка милиции.

Гиммлер приказал создать пять Полицай-Шютцен-Региментен (Polizei-Schutzen-Regimenten), чтобы те были вооружены и получали поставки из Центрального бюро дивизии СС в кооперировании с HSSPf из Украины и Ordnungspolizei (Орпо), которые стали бы называться Galizisches SS-Freiwilligen Regimenten с номерами от 4 до 8. Четвертый и пятый полк брали особенно активное участие в зверствах. Четвертый полк и сжёг Гуту Пеняцкую.

Этот отряд состоял из мужчин, которые не принесли первоначальной жертвы ('the initial cut') для вступления в объединение, однако позднее были интегрированы в него. Поэтому, конечно, это имеет значение. И крайне важно иметь в виду, что не все члены группы были вовлечены в зверства, что преступления должны всегда оцениваться персонализировано. Проблема была в том, что они не были

должным образом выявлены ни британскими, ни канадскими властями перед въездом в Канаду. В хаосе в последние месяцы войны, некоторое число людей присоединилось к этим частям. Канадская экспертная комиссия, созданная по указанию премьер-министра Брайана Малруни в 1980-х годах, выяснила, что чем позднее человек присоединился к объединению, тем больше вероятность его участия в преступлениях.

Наложение коллективной ответственности никогда не является приемлемым принципом. Конечно, не все добровольцы дивизии СС 'Галичина' могут быть привлечены к ответственности за преступления, совершенные индивидуальными членами. И этого не произошло.

Ветераны «Галичины» преуспели в том, чтобы стать профессорами, политиками, даже университетскими ректорами после войны. Во время холодной войны было меньше интереса к этим вопросам. Никто не мог поднимать вопрос относительно антикоммунистических убеждений ветеранов. Клятвы Гитлеру, идеологическая подготовка в духе национальной социалистической идеи не создали препятствий для послевоенной карьеры.

Представляется возможным оспорить то, что этот инцидент, безусловно, горький, был один из многих подобных? Британская и американская армии, очевидно, имеют сопоставимые скелеты в их исторических шкафах?

Военные преступления не являются исключительной прерогативой нацистской Германии, ее союзников оси, и местных единиц-соучастников. Принесение в жертву Чехословакии в Мюнхене в 1938 году, бомбардировки Дрездена, применение ядерного оружия по гражданским объектам - только некоторые из примеров. Не говоря уже о советских зверствах - Западная Украина видела ужасные преступления, совершенные Советами во время советской оккупации и аннексии, следующих за договором Молотова-

Риббентропа. Массовые казни, широко распространенное применение пыток, произвольных арестов, депортаций, цензура - все эти формы угнетения присутствовали.

Ситуация в Латвии была аналогичной. Не говоря уже о ситуации в советской Украине и в других частях СССР в 1930-х годах, организованном правительством насильственным голоде, который унес жизни миллионов людей. И к этим фактам действительно апеллируют приверженцы дивизии СС «Галичина» ОУН, УПА и других ультранационалистических организаций с целью релятивизировать преступления националистов. Я никогда не понимал эту логику.

Если Сталин, и в этом отношении Черчилль или Трумен, руководили зверствами, каким образом могут быть оправданы поджоги деревень, стрельба в гражданских особ, стрельба в детей? Что важно помнить, так это то, что гражданские жертвы насилия, совершённого дивизией СС «Галичина», не были людьми, которые несли какую-либо ответственность за преступления Сталина. Большинство из них были польскими гражданами, которые, можно с уверенностью сказать, скорее всего, не одобряли Пакт Молотова-Риббентропа и установление советской власти.

<http://blog.hitlersforeignexecutioners.com/2012/01/interview-with-dr-per-anders-rudling-on-collaboration-war-crimes-national-memory/>

*Серия «Карл Бэк пэйперз»
Российские и Восточнославянские исследования
№2107*

Пер Андерс Рудлинг
научный сотрудник Университета имени Эрнста
Морица Арндта, Германия

**«ОУН, УПА И ХОЛОКОСТ:
ИССЛЕДОВАНИЕ О СОЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ
МИФОВ»**

*Центр изучения России и Восточной Европы,
Департамента международных исследований,
Питсбургского университета*

*4400 W. W. Posvar Hall
230 South Boquet Street
Pittsburgh, Pennsylvania 15260
(412) 648-8716
www.ucis.pitt.edu/crees/cbpaper.html.*

*Ronald Linden, Bob Donnorummo, William Chase, Andrew
Konitzer,
Со-редакторы Eileen O'Malley, Managing Editor, ulie Tvaruzek,
Editorial Assistant*

Аннотация

В течение последнего десятилетия, а именно во время главенствования третьего украинского Президента Виктора Ющенко в 2005-2010 гг., были повторены попытки представить ведущие фигуры ООН и ее вооруженного крыла УПА в качестве национальных героев. Так как эти фашистские организации сотрудничали с нацистской Германией, занимаясь этническими чистками и массовыми убийствами в широком масштабе, они являются «проблематичными» символами для приверженцев демократии с заявленной амбицией присоединения к Европейскому союзу. Во времена Ющенко были организованы несколько институтов по управлению памятью и созданию мифов, ключевой функцией которых было приуменьшение зверств ООН-УПА. По сравнению с большинством постсоветских стран, украинское правительство не имело необходимости развивать новые национальные мифы с нуля, а всего лишь нужно было импортировать готовые разработанные концепции украинской диаспоры. Легитимизированные Виктором Ющенко историки презентовали ООН и УПА как плюралистичные и открытые организации, которые не только спасли евреев во время Холокоста, но и пригласили их в свои ряды для того, чтобы сражаться плечом к плечу против Гитлера и Сталина. Эти мифические повествования опирались на ООНовские собственные послевоенные фальшивки, нацеленные на прикрытие проблематичного прошлого организации. Так как сотрудники украинской спецслужбы работали в офисе бывшего КГБ, легитимизированные историки иронично отталкивали научную критику как советские мифы. Данная книга посвящена исследованиям мифотворения вокруг ООН, УПА и Холокоста, прослеживая их корни в украинской диаспоре после их миграции туда и обратно через Атлантику.

Приведенная к власти, так называемой оранжевой революцией, администрация украинского президента Виктора

Ющенко (2005-2010 гг.) выразила четкие амбиции ориентировать Украину прочь от России, в сторону Европейского Союза, НАТО и западного мира. Одним из шагов в этом направлении было переосмысление новой истории. Старые советские герои были пересмотрены, и антисоветское националистическое сопротивление было переосмыслено в героических рамках. Это все части длительного и болезненного процесса построения нации и национальной консолидации, в свете того, что Украина двигается прочь от советской историографии в направлении написания национализированной истории [1]. После обретения независимости и, в частности, после оранжевой революции исторические интерпретации националистов и диаспоры были приняты в качестве основы для новых национальных мифов. Эта книга адресована одной особенно чувствительной и деликатной части этой мифологии: отношению украинских националистов – бандеровского крыла организации украинских националистов или ОУН (б) и ее вооруженной силы украинской повстанческой армии или УПА – к евреям, поляризованной теме, которая стала важной частью политической коннотации. В данном случае восстановление единой исторической правды целью не является. Это, скорее, для изучения политического использования истории, манипуляции на основе исторических записей, путем отслеживания генеалогии множества исторических мифов, круга основных создателей мифов, выбора их материала и потенциала для политической мобилизации, влияния и политических последствий [2].

Первая часть данной книги определяет наследие ОУН и УПА, их политическую идеологию, цели и политическую ориентацию. Вторая часть представляет собой историю создания легенд об этих организациях и генеалогию этих мифов, как они мигрировали из Украины, разрабатывались в сообществе диаспоры и после падения коммунизма были реимпортированы в Украину. Третья часть рассматривает апологетический рассказ создателей мифов, влияние мифов

на украинское общество и на его соседей после того, как они были подняты на уровень государственной идеологии и пропагандированы государственными органами безопасности и агентствами государственной пропаганды. Книга завершается оценкой и размышлением над последствиями легимитизации «рассказчиков» и их ролью в становлении ультраправых сил на Западной Украине после поражения на выборах Ющенко в 2010 году.

ОУН, УПА и Холокост

Основанная в 1929 году, Организация Украинских Националистов стала доминирующей политической движущей силой украинских ультраправых. Она была сформирована из ряда радикальных националистических и фашистских группировок и первоначально возглавлялась ветеранами войны, разочарованных тем, что они не смогли создать украинское государство в 1917-1920 гг. В более авторитарном политическом окружении межвоенной Польши украинские националисты стали более радикальными.

Фашизм

Термин «интегральный национализм» был использован по отношению к ОУН американским историком Джоном Армстронгом [3]. Но термин не подошел, и многие пронационалистические историки считают более предпочтительным термин «фашизм», который сегодня несет в себе сильные негативные коннотации и используется в разговорной речи как ругательство. В данном случае не существует никакого противоречия между фашизмом и интегральностью, которая является вариацией внутри фашистской идеологии [4]. Относительно ОУН, интегральный национализм является проблематичным термином. Сами украинские националисты не использовали его, в то время как националистические тексты 1930-х и 1940-х гг. переполнены ссылками на фашизм и национал-социализм [5]. Будучи

причастной к традиции исконного европейского фашизма, ОУН возникла из слияния украинской военной организации и ряда других правоэкстремистских организаций, таких как Украинская Национальная Ассоциация, Объединение Украинских Фашистов и Объединение за освобождение Украины [6]. С момента своего основания фашисты были неотъемлемой частью и играли центральную роль в организации. ОУН избегала обозначения себя как фашистской организации с целью подчеркнуть самобытность украинского национализма [7]. В 1941 году организация раскололась на более радикальное крыло ОУН (б), названное в честь своего лидера Степана Бандеры и более консервативное крыло – ОУН (м), под предводительством Андрея Мельника. Оба крыла были тоталитарными, антисемитскими и фашистскими. С точки зрения тактики, ОУН (м) была более осторожна и осталась лояльна к нацистской Германии во время войны, в то время как ОУН (б) заняла более независимую позицию относительно нацистской германии. ОУН (м) была немногочисленной и слабой организацией, и играет незначительную роль в националистическом мифотворении сегодня. Следовательно, основное внимание в этой книге уделено ОУН (б) и ее ответвлениям.

Роджер Гриффин предлагает широкую концептуальную модель для определения эклектической интерпретации фашизма, рассматривая его как последствие желания нового начала европейским сообществом [8]. Фашизм вряд ли был исторической аномалией, а скорее - хорошо интегрированной частью европейской истории в 20-й век.

Следуя академической традиции, я ссылаюсь к тому, что общая фашистская идеология, к которой принадлежала ОУН, является фашизмом с маленькой буквы, если считать итальянский фашизм – Фашизмом с большой буквы [9]. ОУН приняла такие фашистские атрибуты, как антилиберализм, антиконсерватизм, антикоммунизм, военизированную партию, тоталитаризм, антисемитизм, принцип лидерства и даже фашистское приветствие.

Ее лидеры охотно подчеркивали Гитлеру и Риббентропу свою принадлежность к общему нацистскому мировоззрению и приверженность к фашистской новой Европе. Франциско Брудер, автор наиболее детального изучения организации, описывает «ОУН как классического представителя националистического движения с фашистскими характеристиками, которые появились в Восточной и Центральной Европе», как анализ, разделенный с другими не националистическими исследователями ОУН [10].

Идеология организации поддалась сильному влиянию философии Дмитрия Донцова, итальянского фашизма, Ницше и немецкого национал-социализма, совмещая экстремистский национализм с терроризмом, корпоративизмом и принципом лидерства [11]. Донцов перевел работы Муссолини, Гитлера, Геббельса, Розенберга и Франко, напечатал их работы в Вестнике и прочих журналах, аффилированных ОУН [12]. «Украинский национализм использует термин «национализм» так же, как немцы и итальянцы используют термины «национал-социализм» и «фашизм»... Национализм: фашизм, национал-социализм, украинский национализм и так далее – различные национальные выражения одного и того же духа», - написал Ярослав Оршан, влиятельный идеолог ОУН [13]. Слоган ОУН – «нация превыше всего» - был воспринят достаточно буквально, так же как и «Украина для украинцев». Декалог ОУН призывал своих членов не стесняться поработать иностранцев и «относиться к врагам своей нации с ненавистью и беспощадностью» [14].

В 1936 году Степан Бандера указал, что величина преступлений ОУН была приемлемой для достижения целей. «ОУН ценит жизнь своих членов, ценит высоко; но наша идея в нашем понимании настолько велика, что когда мы говорим о ее реализации, ни один индивид, ни сотни, а миллионы жертв должны быть принесены для ее реализации» [15].

Расизм

Поддержка чистоты расы была важным вызовом для верующих в национализм. Члены ОУН вели себя по списку определенных правил, называемых ими «44 правилами жизни украинского националиста». В правиле 40 говорилось: «Материнская забота – источник повторного зарождения жизни. Сделайте вашу семью источником расовой чистоты нации» [16]. ОУН принял наивысший расовый дискурс, позаимствовав его от немецко-фашистских расовых теоретиков Альфреда Розенберга и Ханса Гунтера [17]. «Расоведение является ключом к мировой истории; создание расы – это путь в мировую политику». [18]. Приверженность к расовой чистоте и сохранение расы очень важны для националистических активистов, которые способствовали национальному самосознанию. Николай Суховерский, активист ОУН (м), вспоминал о том, как они проводили насильственное этническое разделение студентов в Черновцах, которые в эпоху между двумя мировыми войнами входили в состав Румынии:

«В «Запорожье» (студенческое братство) мы решили, что ни одному из членов не разрешается вступать в брак с парнем или девушкой, которые не являются украинцами. Это решение было сделано, основываясь на декалоге Николая Михновского [19], напечатаном в «Самостоятельной Украине», и в котором говорилось: «Не вступайте в брак с иностранцем, иначе ваши дети станут вашими врагами». Надо признать, что украинцы, которые женились на румынских девушках, перестали считаться порядочными украинцами и их дети стали относиться к румынской культуре... Я выступил с двумя предложениями: 1) если мы хотим сохранить наш порядок – то ни один иностранец не должен быть приглашен в нашу партию или на наши танцевальные курсы; 2) мы должны приглашать украинских девушек только из крестьянских домов, находящихся на нашей территории» [20].

ОУН (б) воспринимала нацию как биологический организм:

«Нация возникла органично. В мире продолжается постоянная борьба за существование, развитие и власть. Существует борьба между видами:... собаки, кошки, львы, орлы – это виды животных; народы, нации и племена – это человеческие виды (украинцы, немцы, русские, цыгане, евреи); существуют различия между людьми, животными и растениями точно так же, как и между человеческими видами [21].

Семейная жизнь должна носить украинский характер. Она должна состоять из: родителей (мать и отец) и детей, которые должны быть украинцами. Смешанные браки (украинско-польский, украинско-русский, украинско-мадярский, украинско-еврейский) будут запрещены, формирование таких брачных союзов будет невозможно. Мы считаем их создание и существование преступлением на уровне национального предательства [22]».

В центре расизма ОУН была обеспокоенность тем, что смешение рас приведет к дегенерации расового состава:

«Расовая биология (наука о нации) также это гарантирует. Профессор С. Рудницкий в своей книге «Об основах украинского национализма» пишет, что «смешанные браки с представителями соседних народов невыгодны», поскольку они ведут к денационализации одних и дегенерации других....

Рефлекс против смешанных браков закономерен, поскольку он прорастает из инстинкта самосохранения и развития Нации. Это характерно для всех национальных (сознательных) обществ. Нации в процессе своего расширения строго придерживаются этого закона. Например, в Германии расовые законы определяют судьбу каждого человека в течение всей его жизни (то же самое происходит у итальянцев и других народов). Народы, находящиеся в упадке (духовном и физическом) игнорируют этот закон, который

взывает к инстинкту самозащиты. Они безразличны к своему здоровью и жизненному росту [23]».

ОУН в агитационных материалах определяла украинцев в биологических терминах, а также с Библейским подтекстом: «Украинцы – это кровь нашей крови и кость нашей кости. Только украинцы имеют право на украинские земли и украинские имена, и украинские идеи» [24].

ОУН была охвачена романтическим восприятием национальной революции, тоской по казачеству, прославлением насилия и жертвенности во имя биологически определенной нации.

В 1930-х годах пресса ОУН содержала полные энтузиазма послы на восстание Гайдамаков, в котором много поляков, униатов и евреев были убиты:

«Когда придет этот новый, великий день (день национальной революции), мы не будем милосердны. Не будет прекращения огня, Переяславский или Гадяцкий мирный договоры не будут подписаны вновь. Придет новый Зализняк, новый Гонта. Не будет никакой пощады ни для взрослых, ни для детей. И бард будет петь «И отец зарезал сына» [25]».

В 1935 году в программе военного образования бойцов ОУН подчеркнул, что «боец должны без колебаний убить своего отца, брата или лучшего друга, если он получит такой приказ» [26].

Антисемитизм

Хотя влияние нацистской Германии было значительным на антисемитизм ОУН, у организации были собственные антисемитические взгляды, не зависящие от нацистов [27]. Украинский национализм Галиции превратился в целостную картину в конце 19-го века, будучи дополненной проработанной антиеврейской составляющей [28].

Украинское националистическое давление 30-х годов регулярно направлялось в сторону антисемитизма [29].

Донцов сам постоянно издавал антисемитические статьи в аферированной ОУН прессе, как собственного авторства, так и переводы ведущих теоретиков нацизма. В 1929 году в журнале «Розбудова нации», интеллектуальной лаборатории ОУН и ведущем идеологическом журнале [30], Юрий Милянчук в своей статье описал украинских евреев как инородные и враждебные тела в пределах нашего национального организма и призвал украинцев разработать руководящие принципы украинской политики по отношению к евреям.

«Как бороться с евреями? У нас их около 2 миллионов в Украине... Должны ли мы дать им возможность дальнейшего насилия украинского национального организма? Ассимилировать их? Присоединить? Объединить? Выгнать за пределы Украины? Как это сделать? Исключить их? Куда? Это не так просто ни исключить 2 миллиона человек, ни избавиться от них совсем. Никто не хочет их; каждый только рад избавиться от них. На практике ни одна европейская христианская нация, кроме испанцев, не в состоянии решить еврейский вопрос полностью удовлетворительным образом. Различные методы были испробованы, и нет ни одного решения для этого вопроса [31]».

В 1938 году Владимир Мартынец, редактор «Розбудовы нации», описал евреев как «паразитический», «морально поврежденный», «развращающий» и «враждебный элемент», «расово непригодный для смешанных браков и ассимиляции». Вместо того, чтобы устраивать насильственные погромы и массовые убийства, Мартынец утверждал, что «тотальная и абсолютная изоляция евреев от украинских людей» [32] была бы эффективным решением «еврейского вопроса».

«Проще ликвидировать 44 тысячи евреев, используя эти методы, чем ликвидировать 3¼ миллиона более радикальными способами. Все возможности, особенно в сочетании, уменьшат нынешнюю силу еврейства, и не только положат конец их экспансии в нашей стране, но и обеспечат продолжительное снижение количества евреев, не только за

счет эмиграции, но и за счет снижения их собственного роста. Как только евреи не смогут обеспечивать свое существование, им придется об этом позаботиться самостоятельно[33]».

«Вестник» придерживался более конспиративного мировоззрения. Он воспринимал большевизм в качестве инструмента еврейского доминирования. Соединенные Штаты, также как и Советский Союз, контролировались еврейством, и еврейские интересы были заложены в Британии, Франции, Соединенных Штатах против нацистской Германии. Что касается Соединенных Штатов, в «Вестнике» писалось: «120 миллионов арийцев по ту сторону океана находятся в хомуте Израиля» [34]. Когда Муссолини ввел антиеврейское законодательство в 1938 году, «Вестник» одобрительно обозначил «практическую реализацию еврейского вопроса» в фашистской Италии [35]. Националистические интеллектуалы, такие как Донцов и Мартынец представляли ОУН, исходя из расистской теории. Их постоянное отрицание ассимиляции предполагает, что ОУН усвоила и всем сердцем приняла полноценные расистские антисемитские трактаты к концу 30-х годов [36]. ОУН описала погромы 1918-1919 годов во время гражданской войны в Украине как часть «социальной освободительной стратегии» [37.] Став более радикальным в 30-х годах, антисемитизм стал фактически ведущим между 1939 г. и 1943 г., достигая наивысшей точки радикализма в 1941-1942 гг. [38]. Ведущие члены бандеровского крыла желали того, чтобы украинские евреи были убиты или удалены, и предложили свое участие в данном процессе [39]. В апреле 1941 года участники ОУН (б) заявили о том, что они «будут бороться с евреями, как со сподвижниками «московитско-большевистского режима» [40]. Эта пропагандная директива в последующие месяцы требовала уничтожения евреев: «Украина для Украинцев!... Смерть московитско-еврейской коммуне! Бей коммуну, спаси Украину!» [41]. Это без недостатка радикальный, даже отборочный антисемитизм в

трудах главных идеологов и интеллектуалов ОУН в межвоенный период и после начала войны [42]. Во время Холокоста украинская националистическая пресса печатала антисемитские статьи, одобренные немецкими властями на территории оккупированной Польши, Украины, Германии и Чехословакии [43].

Нацистская Германия и создание новых государств в центральной Европе

ОУН тесно сотрудничала с другими фашистскими государствами и движениями — Италией, Японией, Испанией и, особенно, с Германией. Она установила контакты с Железной гвардией Румынии, а затем с Драза Михавиоликом, лидером четников [44]. Отношения ОУН с Юсташем (Хорватским революционным движением) были близкими: организации вместе тренировали своих террористов в фашистской Италии. ОУН убила нескольких ведущих польских политиков, в том числе Тадеуша Холовко в 1931 г. и Бронислава Пиераки в 1934 г., а также при помощи Усташа совершила убийство Короля Югославии Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту в 1934 г. [45]. Во второй половине 1930-х годов отношения ОУН и нацистской Германии стали еще ближе. В сентябре 1937 г. Владимир Мартынец представил ОУН на Пятом съезде национал-социалистов за рубежом (funfte Reichstagung des NSDAP-Verbandes der Auslandsdeutschen) в Штутгарте [46].

ОУН также поддержала немецкие усилия по подрыву Чехословакии [47]. Под немецкой опекой, Словакия объявила свою независимость 14 марта 1939 г. Через два дня Словацкий лидер, монсеньор Йозеф Тисо заявил, что его государство будет удалять свои национальные меньшинства «по-христиански», без «жестокости» и «ненависти», начиная с чехов и продолжая евреями [48]. Конституция Словакии, составленна по образцу правления Муссолини в Италии, Салазара в Португалии и Шуснига в Австрии, создала

словацкую клерикальную фашистскую Народную партию — Партию словацкого народного единства под руководством Глинки (Hlinkova slovenska ľudova strana—Strana slovenskej narodnej jednoty, HSL'S-SSNJ) «единственного представителя политической воли государства». Евреям и цыганам было отказано в правах, права венгров и украинцев были резко сокращены [49]. Появление независимой Словакии показало, что Гитлер готов разбить многонациональные государства и поддержать создание отдельных фашистских государств Центральной и Восточной Европы. Другие центральные европейские фашисты внимательно следили за развитием Словакии [50]. Но нацистская Германия реагировала по-разному: в октябре 1938 г. она открыла консульство в Закарпатье, но когда Закарпатье, последовав примеру Словакии, провозгласило Республику Карпатской Украины, Гитлер не признал ее независимость, и правительство республики было вынуждено спасаться бегством в течение нескольких часов [51]. 2 мая 1939 г. в письме к Иоахиму фон Риббентропу лидер ОУН Андрей Мельник заверил Министерство иностранных дел Германии в том, что мировоззрение ОУН тесно связано с деятельностью фашистов и нацистов, и предложил свою помощь в «реорганизации» Восточной Европы [52]. 10 апреля 1941 г., через 4 дня после вступления Вермахта в Югославию, Юсташ провозгласил «воскрешение» так называемого Независимого государства Хорватия [53], фашистского государства, в котором все политические партии, кроме партии Юсташа были запрещены [54]. Лидеры ОУН (б) в Харькове были воодушевлены новостями из Загреба и послали поздравительную телеграмму лидеру Юсташа Анте Павелику, полную энтузиазма по поводу становления независимого хорватского государства [55]. В апреле 1941 г. Андрей Мельник, лидер ОУН (м), предложил Гитлеру создание Великой Украины, простирающейся от Дуная до Каспийского моря [56]. Мечты об украинской империи питали оба крыла ОУН, и стремление к территориальной экспансии было общим

для всех восточноевропейских фашистских движений [57]. Как и их словацкие и хорватские союзники, ОУН совмещала территориальную экспансию с вопросом этнической «чистоты» [58]. Идеолог ОУН Николай Сциборский предусматривал государственную «нациократию» как этнический подвид тоталитаризма [59]. ОУН преследовала принцип «Украина для украинцев» в виде вычищенного с энтузиазмом тоталитарного государства, где все другие политические партии будут запрещены [60]. Так же, как и Словакия под руководством Тисо, Хорватия под руководством Павелика, Румыния под руководством Антонеску, ОУН приступила к «чистке» своей нации от «враждебных» расовых элементов [61].

Барбаросса и погромы в Западной Украине, 1941 г.

Следуя советскому и немецкому вторжению на территорию Польши, многие ведущие члены ОУН собрались на польской территории под оккупацией Германии как Генеральное правительство. Они и далее становились более радикальными из-за brutальной советской оккупации Западной Украины в 1939-1941 гг. и из-за идеологической и военной подготовки их лидеров нацистской Германией в 1938-1939 гг. [62]. Ссылаясь на себя в качестве «естественного союзника» нацистской Германии, ОУН (б) заявила о своей готовности вступить в войну против СССР [63].

17 июня 1941 г. В Берлине Рейнхард Хейдрик, глава Отдела безопасности Рейха, собрал функционеров СС и полиции, чтобы персонально поделиться с ними инструкцией относительно стимулирования так называемых акций самоочищения [64]. Через неделю, 25 июня 1941 г. в письме Бандере Ярослав Стецько написал: «Мы создаем милицию, которая поможет убрать евреев и защитить население» [65]. Инструкции, предписанные милиции ОУН (б) призывали ее очистить территорию от вражеских элементов:

«Во времена хаоса и сумбура необходимо позволить ликвидацию нежелательных поляков, москвитов и еврейских активистов, особенно тех, кто поддерживает Большевицско-московичий империализм [66].

Уничтожьте офицерский состав, расстреляйте москвитов, евреев, сотрудников НКВД, политруков и всех, кто хочет войны и нашей смерти[67]!

Евреи должны быть изолированы, убраны с позиций для того, чтобы избежать саботажа, москвиты и поляки – тем более. Если есть исключительная необходимость, например, еврей нужен в домохозяйстве, один из наших милиционеров должен следить за ним и должен ликвидировать его при малейшем проступке. Только украинцы, а не внешние враги могут быть лидерами в различных сферах жизни. Ассимиляция евреев недопустима [68].

Активисты ОУН принимали участие в июльских погромах 1941 г., в которых многие из них проявили brutальную жестокость [69]. По прибытии во Львов группа из украинского батальона Нахтигаль может рассчитывать на фанатически настроенный антисемитский контингент с хорошим знанием местных условий [70]. Листовки ОУН, распространенные в первые дни немецкого вторжения, призывали население: «Не выбрасывайте пока что свое оружие. Возьмите его. Уничтожьте врага... Люди! – Знайте это! – Москва, венгры, евреи - вот, кто ваши враги. Уничтожьте их» [71].

30 июня 1941 г. ОУН издала «Акт обновления украинской государственности», надеясь на то, что Украина получит такой же статус, как и Словакия под руководством Тисо или Хорватия под руководством Павелика [72]. Двадцатидевятилетний ОУНовец Ярослав Стецько представлял себя как бандеровского премьер-министра [73]. Его прокламация оказалась основанной на декларации Юсташа, с которой она схожа в содержании, но в обращении к Гитлеру представляется более «широкой», чем словацкая и хорватская. Стецько сообщил, что новое государство будет «тесно сотрудничать с

национал-социалистической великой Германией... под руководством фюрера Адольфа Гитлера» [74].

3 июля 1941 г. он отослал письмо другим европейским фашистским лидерам: Гитлеру, Муссолини, Франко, Павелику, подчеркивая то, что его государство - член новой фашистской Европы, поддержки которой он ищет сейчас. Он объяснил Павелику, что «оба революционных народа, закаленные в боях, будут гарантировать создание здоровой обстановки в Европе и нового порядка» [75].

Объявление украинской государственности было дополнено жестокими погромами. «Правительство» Стецько выразило свое желание уничтожить евреев Украины, и Степан Ленкавский, его главный пропагандист, отстаивал физическое устранение украинского еврейства. Стецько одобрил «устранение евреев и целесообразность использования немецких методов истребления еврейства Украины, дабы воспрепятствовать их ассимиляции и т.п.» [76]. Грзегорж Россолински-Льебе ссылается на планы ОУН (б) по эвакуации или уничтожению этнических меньшинств и замены их «этническими» украинцами на «этнической» украинской земле [77]. Между 30 июня и 3 июля 1941 г. массивные погромы унесли жизни 4 000 евреев во Львове [78]. Участие милиции ОУН в убийствах евреев хорошо задокументировано в ОУНовской переписке с нацистами, в их собственных листовках и директивах, а также в видео- и фотоматериалах участия украинской милиции в акциях. Некоторые участники убийств могут быть идентифицированы по фотографиям [79]. Документы ОУН (б) устанавливают коллаборацию между украинской милицией и Вермахтом совместной Акции против евреев [80]. Похожие погромы происходили по всей Западной Европе [81]. Задокументировано более чем 58 погромов в западно-украинских городах, по разным подсчетам количество жертв этих погромов насчитывает от 13 000 до 35 000 человек [82]. Батальон Нахтигаль, состоявший почти исключительно из активистов ОУН (б), служащих в немецкой форме под командованием Шушкевича, провел массовый расстрел

евреев под Винницей в июле 1941 г. [83]. Стецько описал погромы июля 1941 г. как украинскую самозащиту [84].

Лидеры ОУН (б) надеялись на то, что, столкнувшись с фактом существования, нацисты примут фашистскую Украину как вассальное государство. Они были воодушевлены реакцией Альфреда Розенберга и Абвера, немецкой военной разведки, которые продвигали геополитическое видение, в котором разделяли Советский Союз на урезанную московитскую Россию и круг отдельных государств: Финляндию, Балтику, Украину и Кавказ [85]. Гитлер и его ближайшее окружение были оппозиционно настроены относительно украинской государственности, преследуя вместо этого колониальные планы эксплуатации, которые сильно усложнили отношения ОУН (б) и нацистов. Бандера был арестован 5 июня и доставлен в Берлин, где он был посажен под домашний арест. Бандера и Стецько продолжали политическую подпольную деятельность на протяжении некоторого времени. Не только нацисты, но также и ОУН (м) отказались признать легитимность декларации от 30 июня. 30 августа 1941 г. их старшие активисты Сциборский и Сеньк были убиты, по всей вероятности, участниками ОУН (б) [86]. 15 сентября Бандера снова был арестован и находился в Берлинской тюрьме как почетный заключенный до октября 1943 г. После этого он был перевезен в Сашэнхаузский концентрационный лагерь (севернее от Берлина), где он и Стецько были размещены в сравнительно удобных условиях в Зелленбау, в специальных бараках для политических заключенных высокого профиля. В октябре 1944 г. он был освобожден и возобновил свое сотрудничество [87]. Другие же лидеры ОУН (б), среди которых - Роман Шушкевич и многие будущие командиры УПА, продолжили службу в немецкой униформе до 1943 г. Таким образом, «разрыв» между ОУН (б) и нацистской Германией был лишь наполовину, и их связь была сохранена на разных уровнях до конца войны, и даже после нее.

1943 год: политическая переориентация после битвы за Сталинград

Битвы за Сталинград и Курск были ключевыми поворотными моментами войны, предвещая распад государств Оси и заставляли ОУН пересмотреть свою стратегию, и искать новых стратегических союзников. Весной 1943 г. вооруженные солдаты ОУН (б) под руководством Дмитрия Клячкивского и Романа Шухевича взяли контроль над УПА у группы Тараса Бульбы-Боровца, ее создателя [88]. Хотя эти силы были антисемитскими и совершали погромы и убийства местного еврейского населения, они отвергли фанатизм ОУН (б) [89]. Первоначально сформированная УПА, которая была создана под именем Полесской Сечи, лояльно относилась к Украинской народной республике в изгнании и отказалась признавать легитимность июльского «обновления» государственности под руководством Стецько [90]. Когда силы УПА отказались субординироваться с ОУН (б), бандеровцы взяли власть силой и начали проводить кампанию террора, в которой многие из лидеров первоначального состава УПА были убиты [91].

В числе новых лидеров были беспощадные активисты ОУН (б), многие из которых были натренированы в нацистской Германии и были глубоко вовлечены в проведение Холокоста. Украинская жандармерия Хильшфрейвилеге (волонтеры) и, в частности, так называемые Шудсманшафтэн, были центральными фигурами в осуществлении Холокоста в Украине и Беларуси. Часто им давали грязную работу нацистов: блокирование территории для убийства евреев, коммунистов и просоветских партизан. Среди офицеров УПА, которые были обучены в нацистской Германии, или служили в жандармерии милиции или в военных органах мы нашли верховного главнокомандующего и начальника генерального штаба, командиров и начальников штабов всех трех направлений деятельности УПА (УПА-Север, УПА-Запад, УПА-Юг), командиров и начальников штабов, по крайней мере, 9-ти из 11-

ти военных округов. Биографической информации о большинстве офицеров и командиров УПА не хватает в период 1941-1943 г., но, вероятнее всего, процентное соотношение бывших полицейских преобладает. Бывшие полицейские составляли не менее половины всех членов УПА с весны 1943 до конца года и еще более значительное соотношение после 1943 г. [93].

ОУН (б) расширила УПА и усилила ее политический террор, созданный ее службой безопасности (Служба безпеки ОУН) «СБОУН». Таким образом, лидерство УПА состояло из безжалостных представителей ОУН (б), в то время как многие ее участники-солдаты были насильственно призваны из местного населения. И советские, и немецкие отчеты докладывают о том, что дисциплина поддерживалась террором. Советы писали так:

«40% регулярных солдат УПА являются добровольцами, остальные же – мобилизованы насильственно. В Ровенской области мужчины были мобилизованы под угрозой физического истребления... Случаи дезертирства среди насильственно мобилизованных мужчин в УПА увеличились в декабре 1943 г. в связи с успешным продвижением Красной армии на территорию Западной Украины» [94].

Немецкий отчет от декабря 1943 г. дает следующее описание СБОУН:

«Националистическая Украинская повстанческая армия создала «службу безопасности». Нам удалось арестовать представителя «национальной украинской службы безопасности» в районе города Ровно. Он сказал, что эта служба безопасности находится в подчинении группы УПА и имеет следующие задания: уничтожение членов Коммунистической партии, поляков и немцев, истребление дезертиров, надзор за неместным населением, набор молодых людей в движение украинских националистов и повстанческую армию» [95].

Убийство

Обучение, которое проводилось этими сотрудничающими силами, играло значительную роль для кампании УПА в 1943-1944 гг. по этнической чистке поляков, евреев и других меньшинств, организация и проведение которых очень сильно напоминала антиеврейские и антипартизанские операции в 1941 и 1942 гг. [96]. Филипп Фридман, пионер в истории евреев и УПА, рассматривал антиеврейские убийства УПА в контексте «чистки» евреев на Западной Украине: «Однажды зимой 1942-1943 гг. различные украинские партизанские отряды начали интенсивную борьбу против всех неукраинцев. Евреев, которые бежали из Гетто, захватывали на шоссе, в деревнях, в лесах и казнили» [97]. Сроки нападения УПА на евреев во многом соответствуют насильственным захватам организации ОУН (б) с помощью бывших полицейских, известных как Штутцманер, в частности из команды 201 батальона. Бульба-Боровец был напуган массовыми убийствами, которые осуществляли новые бандеровские лидеры УПА. Так пишет Карл Беркхоф: «Согласно Боровцу, бандеровцы (он упоминает Лебедя) наложили коллективный смертный приговор полякам «Западной Украины» в марте 1943 и в апреле прислали ему список требований по осуществлению «чистки», поручив завершить операцию «чистки» как можно раньше [98]». В апреле 1943 г. Николай Лебедь, тогдашний лидер ОУН (б), выступал за политику «очистки всей революционной территории польского населения» [99]. «Массовое истребление» было организовано Дмитрием Кляшкивским, известным под псевдонимом Клим Савур [100]. Этнические чистки поляков Украинской повстанческой армией на Волыни и в Галиции продолжались в течении 1943 г. и на протяжении почти всего 1944 г., до прихода Советов. В то время как УПА убивали евреев, чехов, мадяр, армян и представителей других этнических меньшинств, поляки оставались их главной целью. «Да здравствует великая независимая Украина без

евреев, поляков и немцев. Поляков – вон, немцев – в Берлин, а евреев – на виселицу», - говорил один из лозунгов ОУН (б) поздней осенью 1941 г. [101]. Солдаты УПА свидетельствуют, что приказы по убийству поляков часто перекрывались приказами по убийству выживших евреев [102], иногда это отражалось в военных песнях УПА. Песня ОУН имела следующее содержание: «Мы будем мясниками для евреев, задушим поляков и построим украинское государство!» [103]. Один выживший поляк вспоминал, что солдаты УПА, проходя через польскую колонну Глебожица во Владимир-Волинском, пели: «Вырезали мы жидов, вырежем и ляхов, и старого и малого до единого; поляков вырежем, Украину збудуем» [104].

Убийцы использовали в основном сельскохозяйственные орудия: косы, ножи и вилы [105]. Православные священники благословили такое оружие в своих церквях [106]. Тела были часто сильно изуродованы, часто вследствие интимных надругательств, осуществленных для того, чтобы унижить человеческое достоинство жертв и вселить ужас. У некоторых жертв были вспороты животы, отрезаны носы или разбиты лица. Вид расчлененных, распятых или выпотрошенных тел должен был вселять страх и панику и воодушевлять волинских поляков бежать [107]. Выжившие поляки и евреи подчеркивали brutальность убийств. Выживший Мойша Мальц писал в своем дневнике:

«Когда банды бандеровцев захватывали еврея, они считали это наградой или удачей... Они буквально рассекали еврея на части своими кинжалами [108].

Люди Бандеры не были смущены тем, кого они убивают; они расстреливали населения целых сел. Когда там почти не осталось евреев, они переключились на поляков. Они буквально рвали поляков на части. Каждый день... мы видели тела поляков, с проводами на их шеях, плывущими вниз по Бугу [109].

Переориентация ОУН (б) в сторону Запада в 1943 г. сопровождалась изменением идеологии в результате итогов третьего, внеочередного съезда в августе того года. Открытый

расизм был нивелирован в официальных заявлениях ОУН-УПА, был «завернут» в демократическую и открытую риторику, но массовые убийства представителей национальных меньшинств не уменьшались [110]. Антиеврейское насилие УПА завершилось в конце 1943 г. – начале 1944 г. [111]. Это оказалось преднамеренной стратегией выманивания выживших евреев из убежищ и их убийство [112]. В 1943 г. служба безопасности ОУН (б) в Волыни издала приказ о «физическом уничтожении евреев, которые прятались в селах» [113]. Убийства поляков и евреев продолжились зимой и весной 1944 г. [114]. Подсчеты жертв различаются; Гржегорж Мотыка утверждает, что участники УПА убили 1 000–2 000 евреев, преимущественно на Волыни; Джон-Поль Химка оценивает количество как «несколько тысяч, но, возможно, количество было больше» [116] Должно быть учтено и количество задокументированных 88 700 польских жертв УПА [117]. Убийства проводились по этническому признаку в районах с большим количеством польско-украинских семей. Свидетельства выживших поляков содержат ужасные воспоминания о том, как УПА заставляло членов семей принимать участие в убийстве их родственников [118].

По инициативе ОУН (б) переговоры с СС и ее службой безопасности «СД» были возобновлены 5 марта 1944 г. Отец Иван Хрыньок, который служил командующим в батальоне Нахтигаль и в батальоне 201 [119] и представлял ОУН (б) в переговорах, подчеркивал, что: *«те, кто верят, что группа Бандеры считает германский рейх их противником – ошибается. Политическая ситуация на великих русских землях могла бы сложиться совершенно иначе, если бы германский рейх в 1941 г. признал украинское право на создание собственной государственной администрации. Вне всякого сомнения, Украина была бы удовлетворена такой формой государственного правления, как протекторат. Но так как эта надежда не сбылась, группа Бандеры была вынуждена продолжать свою незаконную*

деятельность, но строго придерживалась правила ненападения на немецкие интересы и подготавливала свои силы к решающей битве с москвитами» [120].

К марту 1944 г. УПА поделилась информацией с немецкими властями о своих убийствах «поляков, бандитов и евреев». Формальное сотрудничество с немецкой полицией по безопасности и с СД было возобновлено в марте 1944 г. [121]. Немецкие власти освободили Бандеру в октябре 1944 г. [122].

Евреи в ОУН-УПА?

В то время как ОУН и УПА принимали участие в массовых убийствах евреев, встречались и примеры отдельных выживших евреев в рядах УПА. Холокост изменил не только этнический и культурный ландшафт Западной Украины. Убийство евреев – это было убийство сапожников, кожевников, кузнецов и работников других профессий, в которых евреи были мастерами. Хроники военных лет показывают, что у людей были проблемы с тем, что их меховые пальто и ботинки начали рваться и разваливаться после того, как евреи были истреблены. В УПА был острый недостаток медсестер и врачей. Джон-Поль Химка, описывал отношения между УПА и некоторыми евреями, выжившими на войне в рядах УПА, как «брак по расчету между партизанским отрядом, отчаянно нуждавшимся во врачах и медсестрах, и евреями, отчаянно нуждавшимися в месте подальше от рук немцев» [123]:

«Украинские источники говорят о значительном количестве еврейских врачей, стоматологов и санитаров, которые служили в рядах УПА. Вот вопрос: почему лишь некоторое их количество выжило? Отряды Бандеры также уничтожили других еврейских квалифицированных рабочих. По словам Лева Шанковского, почти каждый отряд УПА имел еврейского врача или фармацевта, а также еврейского портного, сапожника, цирюльника и др. Снова вопрос: что же

случилось с этими сотнями тысяч еврейских квалифицированных рабочих? Бэтти Эйзенштейн утверждает, что весной 1943 г. группы Бандеры начали подражать немецкой тактике «отбора». Только квалифицированные рабочие выжили. Они были сосланы в специальные лагеря, где работали на предприятиях или фермах. Один из таких лагерей, созданный в апреле 1943 г. в районе города Порик Волынской области, содержал более 100 евреев. Второй лагерь, в котором было около 400 евреев, был расположен в Кудрюнках (Волынская обл.). Эйзенштейн сообщает, что при приближении Советской армии отряды Бандеры ликвидировали евреев, находящихся в лагерях [124]».

В конце 1943 г. – начале 1944 г. некоторые из немногих оставшихся евреев Западной Украины были приглашены в ряды УПА, но многие из них были казнены, когда приближались Советы, и от них больше не было пользы [125]. У УПА были три основные цели: советские партизаны, поляки и еврейские беженцы, в то время как немцы в основном уклонялись от нападений УПА [126]. Хотя антинемецкие настроения были широко распространены, во время Третьего внеочередного съезда ОУН (б), который проводился в августе 1943 г., их антинемецкие заявления были направлены на мобилизацию сил против Советов, но почти все эти заявления остались лишь на бумаге. Они не привели к каким-либо серьезным или грядущим изменениям в отношениях ОУН и нацистской Германии [127]. Лидер ОУН (б) Николай Лебедь был против военных атак на германские интересы [128], и Роман Шухевич был категорически против запланированных антинемецких акций, ожидая направить все атаки исключительно против Советов [129]. Группа УПА-Север неоднократно просила разрешения направить оружие против немцев, но руководство всегда ей отказывало [130]. Однако столкновения происходили. 6% лидеров УПА и ОУН (б) и 0,3% лидеров СБОУН на Волыни были убиты немцами [131].

Придумывание «подходящего» прошлого

Результат Сталинградской битвы изменил геополитическую ситуацию и вызвал необходимость переориентации. В это время ОУН (б) решила покончить с ее откровенно фашистскими признаками деятельности. В феврале 1943 г. Третий съезд ОУН (б) постановил, что культ поднятия вверх правой руки не должен быть обязательным для исполнения [132] и начал удалять любые ссылки на него в своих документах [133]. Руководство первоначально созданной УПА протестовало относительно насильственного захвата ОУН (б) их организации и находило их название циничным. В то время как УПА действительно взяла в руки оружие против немцев, старшие лидеры ОУН (б), среди которых был Роман Шухевич, неоднократно предлагали свою помощь нацистской Германии и служили в немецких мундирах до 1943 г. [134]. В открытом письме к лидерам ОУН (б) Бульба-Боровец напомнил им, что «когда в июле 1941 г. Украинская повстанческая армия, «Полесская сечь», начала свою вооруженное сопротивление, вы приняли вражескую позицию, которую вы сохраняете до этой минуты» [135]. Его наблюдения стали пророчеством: присвоение названия УПА действительно будет использоваться в 1943 г. участниками ОУН (б), чтобы «очистить» свою деятельность в 1941-1942 годах до предшествующего «разрыва» с нацистской Германией в 1943 г.

Манипуляции с наследием деятельности ОУН форм непрерывны с 1943 г. до сегодняшнего дня. В октябре 1943 г. ОУН (б) приступила к проекту по пересмотру своей истории, составляя наиболее презентабельную версию для нового поколения их союзников. В октябре 1943 г. лидеры ОУН в Западной Украине приказали подготовить: *«специальную коллекцию документов, которые будут утверждать, что антиеврейские погромы и ликвидации проводили сами немцы, без помощи украинской полиции, и что, наоборот,*

перед расстрелами, немцы создали Юденрат... чтобы подтвердить участие украинской полиции в этих действиях [136]».

Лидеры ОУН (б) выступили с установками о том, как винить немцев и поляков в погромах и антиеврейском насилии на немцев и поляков, приказав подготовить:

«с. Списки, которые подтверждают, что немцы осуществляли антиеврейские погромы и убийства сами по себе, без участия или помощи украинской полиции, и, перед проведением казни, призывали евреев или других подставных лиц подписаться под документами, подтверждающими присутствие украинской полиции и ее участие в совершенных действиях.

d. Материал, который четко подтверждает, что поляки проникали и принимали участие в антиеврейских погромах и также, что они в то же время служили наемниками и агентами немцев в их борьбе против украинцев [137]».

Обнародование одного из собраний таких документов, «Книги фактов», было направлено на отклонение внимания от участия ОУН (б) и УПА в Холокосте. Написанная в форме хроники, начинающейся с 1941 г., эта книга была попыткой создать «удобный» пакет документов, после того как стало ясно, что Германия проигрывает войну [138]. В ней утверждалось, что немцы просили ОУН (б) принять участие в трехдневных погромах в начале июля 1941 г., но ОУН (б) сразу рассмотрела это как немецкую провокацию, и отказалась. «Ведущие активисты ОУН (б) сразу сообщили друг другу и своим руководителям, что это была немецкая провокация относительно участия украинцев в погромах, целью которой было создание повода для немецкой полиции вмешаться и «навести порядок», и, что более серьезно, - отвлечь украинское общество от политических проблем борьбы за независимую государственность, и повернуть активность общества на скользкий путь анархизма, преступлений и насилия» [139].

1 ноября 1943 г. центральное командование УПА издало директиву, чтобы «подчеркнуть, что мы терпим все национальности, а также евреев, которые тоже работают на становление украинской государственности. Они останутся украинскими гражданами с полными гражданскими правами. Мы говорим это еврейским врачам и другим специалистам, которые разделяют наши усилия» [140]. Примерно в то же время УПА распространила листовки, адресованные и другим этническим меньшинствам: грузинам, узбекам, казахам, туркменам, полякам, белорусам, русским, чехам и другим [141].

Пронационалистические ученые часто подчеркивают многонациональный, интернациональный состав УПА, когда участники УПА перестали совершать убийства поляков, евреев и представителей других меньшинств. В то время как в 1942 г. ОУН (б) распространяла листовки и плакаты, посвященные первой годовщине декларации Украинской государственности, в которых содержались конкретные антисемитские послы, после 1943 г. риторика ОУН (б) изменилась. В 1947 и 1948 годах ежегодное празднование вышеупомянутой годовщины участниками ОУН-УПА представлялось как оппозиционные, антигерманские шаги [142]. В это время, отказ ОУН от собственного антисемитизма уже был абсолютно категоричным. В 1947 г. ОУН издает на английском языке пропагандистские листовки в послевоенной Польше, в которых утверждается:

«Мы никогда не издавали и не распространяли нигде... любые антиеврейские листовки. Во всей нашей политической литературе, подпольных революционных газетах и прокламациях, ни сейчас, ни во время немецкой оккупации вы не сможете найти ни одного слова, которое [было] направлено против евреев. Все возражения – это ложь. Точно так же, как и то, что мы когда-то принимали участие в каких-либо антиеврейских акциях [143]».

Хотя ОУН с 1943 г. отрицала свое антисемитское наследие, ее пропагандистский материал еще содержит

антисемитские отголоски [144]. Иностраный отдел ОУН (б), или ЗЧ ОУН, который мог свободно работать на Западе, не стремился наладить сотрудничество с еврейскими (и русскими) эмигрантскими группами, а его руководство продолжало распространять антисемитские стереотипы о евреях как об авангарде Большевизма [145]. Евреи не были «настоящими» представителями нации, так как у них не было определенной этнографической территории. Евреи редко фигурировали в послевоенных материалах ОУН, поскольку организация рассматривала Холокост как «решение» «еврейского вопроса» [146]. В марте 1950 г., ОУН-УПА опубликовали брошюру, «Евреи – граждане Украины», демократично заявив, что они рассматривают евреев как граждан государства, за которое боролись ОУН-УПА [147]. Анонимные авторы этого объявления имели ввиду исключительно украинских евреев, даже обращались к ним советским термином «еврей», а не их обычно используемым «жид». Декларация, выпущенная сразу же после убийства Шухевича, в то время, когда УПА испытывало практически полное поражение, более всего рассматривалась как попытка расположить к себе Западный мир и как поиск его поддержки, поскольку мятеж ОУН-УПА потерпел поражение. Тем не менее, даже эта листовка заканчивалась тонко завуалированной угрозой, основанной на тех же старых стереотипах о еврейской нелояльности и коммунистической наклонности:

«Мы, украинские революционеры, обращаемся к Вам:

Помните, что Вы находитесь на Украинской земле, и что это в Ваших собственных интересах - жить в согласии со своими законными правителями - Украинцами. Перестаньте быть пятой колонной в руках Московско-Большевистского империализма. Момент, когда времена Хмельницкого повторятся уже не слишком далеко. Однако сейчас мы не хотели бы, чтобы продолжались антиеврейские погромы. Мы не хотим повторения того, что Ваши поэты описали следующими словами:

Горькие слезы лились
За души добрых и честных людей,
Чья кровь текла,
Как вода горных ручьев.

Сегодня, во времена суровой борьбы Украинского народа за свою свободу, за национальную независимость, мы обращаемся к Вам, евреям-гражданам Украины:

Помните тех братьев вашей национальности, чьи руки помогают разбойникам Кремля распинать наш народ. Скажите им остановить их преступные действия [148]».

Степан Ленкавский был ответственным за пропаганду деятельности Иностранного отдела ОУН, ключевой задачей которого была «очистка» прошлого ОУН (б) [149]. Бандеровские повествования представляли свое наследие как «героическое сопротивление украинцев против Нацистов и Коммунистов», которые были «искажены и оклеветаны» «Московской пропагандой»; ОУН (б) и УПА воевали «не только для Украины, но и для всей Европы» [150].

ОУН (б) регулярно пропускала через цензуру любые документы, которые противоречили бы впечатлению, которое ОУНовцы хотели произвести, например, в 1941 г. это коснулось декларации Стецько о верности Гитлеру и нацистской Германии. Местонахождение многих лидеров УПА, которые, как Шухевич, служили в немецких мундирах в 1942 г., были исключены из их биографии, упоминался лишь их разрыв с нацистами. К 1946 г. Шухевич, который сам активно выступал против нападения на немецкие интересы, представлял деятельность ОУН в 1943 г. как «вооруженный мятеж, в котором принимали участие широкие народные массы, другими словами, весь украинский народ, в борьбе против немецких оккупантов» [151]. В 1948 г. активист ОУН Петро Полтава (псевдоним), утверждал, что «ОУН под руководством Степана Бандеры вела массовую всенародную борьбу против гитлеровских оккупантов в 1941-1944 гг.» [152]. Другие националистические истории о сопротивлении ОУН-

УПА против нацистов, такие как послевоенные жалобы Косыка и Стецька, утверждающие, что командующий нацистских штурмовиков Виктор Луце был убит группой УПА на Волыни в 1943 г., полностью вымышлены [153]. Тем не менее, эти жалобы, продублированные про-УПАвскими историками, приблизили УПА к националистическим канонам [154].

Диаспора националистов, создающих Миф: фанатики

Группа Бандеры главенствовала преимущественно среди украинских эмигрантов - сообщения разведки США оценили, что 80% Украинских Перемещённых Лиц из Галиции остаются лояльными к Бандере, который пробовал установить диктатуру в изгнании, которая могла бы быть перемещена в освобожденную Украину. Они извлекли выгоду из их существовавшей тайной политической сети. В самом начале послевоенного периода, Бандера был защищен группой бывших солдат СС [155]. Корпус Американский Военной Контрразведки описал его как «чрезвычайно опасного», окруженного телохранителями, готовыми «покончить с любым лицом, которое может быть опасно для него или его партии» [156].

ОУН (б) поддерживала дисциплину благодаря систематическому террору и продолжала похищения и убийства политических оппонентов до 1970-х годов. Центр их деятельности был в Баварии, в зоне оккупации американцами, где Евгений Лозинский был местным лидером ОУН (б) [157]. Сообщения Западной Немецкой полиции содержат подсчеты, что движение Бандеры осуществило около ста террористических актов в Германии после войны [158].

В первые годы после окончания войны ОУН (б) раскололась над фашистским наследием. Бандера обвинялся в его прикрытии демократической деятельности, которое он назвал тактическим маневром, и был отвержен «подлизывающийся к Западу» [159]. Это привело к

столкновению между тоталитаристами Бандерой, Стецько, Ленкавским и их партнерами и единомышленниками Николая Лебеда, Лева и Дарьи Ребет, и Ивана Гриньока, которые хотели сохранить программу Третьего чрезвычайного конгресса ОУН (б) [160]. Бандера, который отказался отречься от культа лидерства, терроризма, и заговорщических методов [161], исключил членов увеличивающейся оппозиции, что к июню 1948 г. привело к полному раздору между группами Бандеры-Стецька (Западная часть ОУН) и Лебеда-Гриньока (Иностранное Представительство Украинского Верховного Освободительного Совета) [162]. Ненависть между Бандерой и Лебедем стала такой личной и острой [163], что Лебедь лично зарядил пистолет для Бандеры и приказал своим сторонникам убить его [164]. В 1948 г., группа Бандеры планировала совершить террористический акт против советского Министра иностранных дел, Андрея Вишинского, в течение его грядущего визита на Генеральную Ассамблею ООН в Париже [165]. Группа Бандеры финансировала свои террористические акты, производя поддельные долларовые купюры США [166]. В 1951 г. они отвернулись от американцев, так как Соединенные Штаты не поддерживали цель ОУН о независимой Украине [167]. Бумаги ОУН (б) начали вести антиамериканскую риторику, их сторонники терроризировали политических оппонентов-эмигрантов, запугивали украинцев, которые работали на США [168].

Позже ЦРУ потеряло интерес в Бандере как в потенциальном агенте, то же самое сделало и британское МИ6 [169]. В 1954 г. ЦРУ описало Бандеру как «безжалостного» «террориста» и «бандита», «политически неприемлемого для американского правительства» [170]. ЦРУ хотело избавиться от него и выбрало «политическую нейтрализацию Бандеры как индивидуума» [171]. В то же время это касалось и советских заговоров против Бандеры после того, как секретная советская группа вошла в Американскую зону Германии в июне 1946 г., чтобы похитить Бандеру [172]. «Советам не позволено похитить или убить

его... ни при каких условиях Бандера не должен стать мучеником» [173]. Вместо этого ОУН (б) ориентировалась в направлении авторитарных реакционных диктатур, чьей поддержки она и искала.

ОУН (б) организовала защитную организацию для фашистов и авторитариев Европейского восточного движения, под названием Антибольшевистский Блок Наций (АБН), объединив бывших членов правительства Тисо, бывших нацистов, румынских легионеров, последователей Юсташа. Это привело к близкому сотрудничеству с Испанией под руководством Франко, и сделало АБН активным участником Мировой Антикоммунистической Лиги (МАКЛ) [174]. ОУН (б) вела переговоры с испанскими властями о проведении обучения в испанских военных академиях для бывших членов УПА и солдат СС дивизии Галиция, созданной украинскими коллаборационистами в апреле 1943 г. Хотя и июльская встреча 1954 г. Бандеры с Франко была отменена в последнюю минуту, Стецько встретился с Франко и Чангом Каи-Шеком в 1955 и 1956 годах [177]. ОУН(б) стремилась спровоцировать революционное восстание в Советском Союзе для того, чтобы раздробить Советскую армию, получить мятежный контроль с помощью захвата Советского ядерного оружия, вступая в атомное сопротивление с Москвой [178]. Движение интенсивно выстраивало культ вокруг понятия жертвенной смерти. После убийства Бандеры по политическим мотивам агентами КГБ в 1959 г., культ личности ОУН (б) вокруг его страждущих лидеров усиливался. В 1968 г., когда ОУН (б) проводила свой Четвертый съезд, они были возведены в лик, словно религиозные иконы, и вошли в слова молитв как «Святая Троица националистов – Коновалец, Шухевич, Бандера» [179].

Националистическое создание мифа: Интеллектуалы-ОУН (з) и Пролог

Западные союзники предпочли сотрудничество с группировкой Николая Лебеда [180]. Группа ОУН (з), в которую входили Владимир Марынец и Владимир Кубижовик, представляла себя как группа демократов [181]. Василий Кук, преемник Шухевича, описал Лебеда как не догматиста, но подозрительного политика [182]. После изгнания в Рим, Лебедь установил контакт с разведкой США в 1945 г. [183]. Описывая его как «очень радикального, возможно более, чем Бандера» [184], «хорошо известного садиста и сотрудника немцев» [185], ЦРУ все же осознавало значимость его знаний и связей, и культивировало близкие отношения с его группой [186]. Во время Холодной войны, жесткий национализм и фашизм переняли Западные разведслужбы для борьбы против СССР [187]. Один аналитик ЦРУ возразил, что «некоторые формы националистических чувств продолжают существовать [в Украине] и... есть необходимость поддерживать это как оружие холодной войны» [188]. ЦРУ и государственный департамент спонсировали иммиграцию Лебеда в 1949 г. в США, и защищал его от иммиграционных властей и от судебного преследования за военную преступность до 1990-х годов [189]. В 1956 г. ЦРУ объединило сеть контактов под лидерством Лебеда в бесполезную Исследовательскую и издательскую ассоциацию, спонсированную ЦРУ. Через отца Ивана Грыньока, Ассоциация содержала офис в Мюнхене, под названием «Украинское общество по изучению международных проблем» [190].

Это общество контролировало значительную сеть антикоммунистической пропаганды: радиопередачи, газеты, издательство книг и интеллектуального журнала «Современность». Его ориентация была националистической. Лебедь и его группа остались очень полезными для ЦРУ в период Холодной Войны [191]. Гринка, который после того, как в 1945 г. представился как сторонник парламентской демократии, стал сподвижником группы в Западной Европе [192].

Сотрудничество между США и другими Западными разведслужбами и группой Лебеда стало взаимно выгодным. ЦРУ получило ценную информацию о его противниках в Холодной Войне взамен на помощь по возвращению националистическим ветеранам их позиций влияния и полномочий, помогая им по созданию полуакадемических учреждений и/или академических позиции в основанных университетах. От этих формальных и неформальных сетей ученые-националисты продвигались, с некоторым успехом, от прошлого ОУН-УПА, и, в некоторых случаях, отдалялись во времени от собственной военной деятельности. Линия между учеными и политдиаспорой часто была стерта, так как националистические ученые комбинировали пропаганду и активность с академической работой. Круг людей вокруг Лебеда никогда не осуждал преступления или массовые убийства ОУН, не говоря уже о том, что никто не признался, что эти убийства происходили. Наоборот, они опровергли их, создали путаницу, и «очищение» военной деятельности ОУН и УПА стало центральным аспектом их интеллектуальной деятельности.

Преобладание национализма в украинских исследованиях

Эмигрантские элиты поддерживали тесные связи через Атлантику. Они развивали коллективную историческую память, в которой историки диаспоры и летописцы играли центральную роль. ЦРУ наняло на работу интеллектуально развитых националистических эмигрантов, главным образом последователей Украинской Национальной Рады и ОУН (м) на Радио «Свобода» и на присоединенный Мюнхенский институт по изучению СССР [193]. С тех пор, как многие из его работников стали пожилыми и имели лишь ограниченные знания западных языков, Мюнхенский институт никогда не становился серьезным центром Советских исследований и был закрыт в 1970-е годы.

Другие националистические активисты поступили в академию и даже получили пользу от их организаций. Среди этих ученых были ветераны УПА Петр Потышный; ветераны ОУН Евгений Штендера [195], Владимир Косык [196], Тарас Хунжак [197]; ветераны СС-Галиции Василий Верюха [198], Олекса Горбач [199] и Петр Саварин [200]. Некоторые лидеры националистов - Николай Лебедь и Ярослав Стецько, а также Владимир Кубижовик, Роман Ильницький, Иван Грыньок [201] и Петр Мирчук [202] – извлекли личную пользу из своего прошлого. Последние трое были связаны с Украинским свободным университетом в Мюнхене.

Этнические изучения и политика идентичности

Украинская наука была длинной изолированной дисциплиной, полностью ополитизированной и с явным недостатком объективности [203]. Изменение пришло с расширением политики идентичности, мультикультурализма и «этнических» исследований в 1970-х годах. После основания академических учреждений на «этнической» основе, значение националистов начало отождествляться с внедрением в академическое направление.

С 1970-х годов, новое поколение националистических ученых, симпатизирующее наследству ОУН, и осваивающее язык политической корректности, пыталось превзойти область украинских исследований. После распада СССР и примирения ОУН и УПА все более осторожно излагали свой антиколониализм, словно голосом подчиненного, и в Канаде, под эгидой официального мультикультурализма [204]. Пронационалистические историки, в общем, провалили продвижение их националистических героев, и использовали их в качестве щита для защиты националистских мифов, в которые они были социализированы [205]. До недавнего времени почти не было критических исследований украинских научно-исследовательских институтов [206].

Подобно Советам, эмигранты-националисты отчаянно охраняли свои архивы, и их историки отразили Советское хождение по партийной линии [207]. Группа Лебеда управляла их архивами напряженно, показывала документы выборочно, перепечатывая, редактируя, или иначе манипулируя документами, чтобы составить выборочную версию прошлого, особенно за период 1941-1942 годов, когда сотрудничество ОУН с Нацистской Германией было наиболее интенсивным [208]. Только с открытием Советских архивов стало возможным сравнить настоящие документы с «подчищенными» версиями публикаций диаспоры [209]. Однако, многие из государств постсоветского пространства продолжают представлять документы выборочно, или имеют установленных пропагандистских или идеологических цензоров, устанавливают ограниченный доступ к документам и создают националистическое, поучительное, патриотическое прошлое [210].

Опровержение Антисемитизма

Поставив пятно антисемитизма на Холокост, пронационалистические историки прошли большой путь к опровержению его явного существования. Опровержение фашизма и антисемитской природы ОУН, ее военной преступности, этнической чистки и участия в Холокосте, стали центральными компонентами интеллектуальной истории украинской диаспоры [211]. Ветеран УПА и военный историк Лев Шанковский провозгласил, что антисемитизм «никогда не существовал в Украине. Но есть миф об украинском антисемитизме, продвигаемом Москвой» [212]. Богдан Осадчук заявил, что «украинские «интегральные» националисты ОУН, в отличие от почти всех других групп этого типа во всей Европе, не имели антисемитской программы» [213]. «Ни украинские подпольные движения, ни любые другие организации... не продвигали антисемитских программ или такую политику», утверждает Тарас Хунчак:

«Они с готовностью приняли евреев в свои отряды и укрыли их от нацистского преследования, несмотря на популярное восприятие евреев как приверженцев коммунизма.

В Украине не было никаких коллаборационистов, совращенных Нацистской идеологией или, по-видимому, непобедимых. В отличие от французов, бельгийцев, голландцев и русских, украинцы не создавали фашистских организаций и молодежных движений, которые продвигали бы сотрудничество с Германией [214]».

Вступление Богдана Витвицкого по «антисемитизму» в Энциклопедии Украины, которая редактировалась Владимиром Кубижовиком [215] и издавалась Канадским институтом украинских наук, информирует нас о том, что «никогда... не существовало украинской антисемитской организации или политической партии» [216].

Историки-пронационалисты не предприняли никаких существенных действий, чтобы побеседовать с выжившими еврейскими или польскими жертвами этнической чистки 1943-1944 годов. В то же время, даже антисемиты склонили украинских националистов, как например старший член ОУН (б) Петр Мирчук отыскал защиту для украинских евреев, чтобы помочь им и убедить отречься от их утверждений об антисемитизме. Мирчук обращался к еврейскому обществу:

«Вы должны... информировать Израиль об украинской правде, то есть об украинской борьбе за освобождение от русских тиранов. Пишите статьи в еврейские журналы, читайте лекции израильским студентам про это. Рассеивайте вредоносные обвинения в том, что украинцы «антисемиты» и убеждайте, что сотрудничество с немецкими нацистами – это пропаганда, проводимая русскими на основе подделанных «документов» КГБ... Цена героической борьбы украинской нации, ОУН и УПА против немецких и советских русских нацистов, в то же время выкрывает преступления оккупантов Украины [217]».

Мирчук написал целую книгу, пытаясь развеять восприятие украинцев как антисемитов. Бывший узник Освенцима, он утверждал, что украинцы действительно страдали больше, чем евреи во время войны, так как украинцы, в отличие от евреев, защищали себя [218]. Эффективность книги была ограничена, так как она была насыщена антисемитскими, антипольскими и антироссийскими стереотипами, а также этническими оскорблениями, традиционными для ОУН (б) [219]:

«Даже когда еврей задыхался в украинской деревне, его кровь высасывал или налоговый дворянский коллектор, или хозяин, или большевистский комиссар, подвергая мучениям в подвалах ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ - и это считалось нормой, почетной и справедливой, в соответствии с командованием вашего Господа. Но когда украинцы защищали сами себя - то это уже уголовный «антисемитизм» и «погром невинных, беззащитных евреев»... Видите ли, именем русской империи после революции стало «СССР». Знаете ли вы о том, как в пределах империи расшифровывали эту аббревиатуру?: «Три сруля и один русский» [220]».

Старшее поколение диаспоры историков категорически отрицает, что участники УПА убивали евреев [221]. Когда современные исследования установили, что, вне всякого сомнения, массовые убийства евреев совершали ОУН и УПА, историки-пронационалисты отрицают какие-либо антисемитские мотивы убийств. На просьбу прокомментировать последние результаты исследований, по данным которых УПА действительно убила значительное количество евреев, профессор Петр Потишный объяснил, что евреи были убиты потому, что они были коммунистами [222]. Тот же аргумент повторяется в грубой форме антисемитской, националистической диаспорой политиков [223]. Аналогичное рассуждение использовалось и для объяснения или легализации этнических чисток поляков участниками ОУН и УПА. Националистические историки оправдывали убийства поляков на том основании, что они поддерживали коммунизм

и помогали Советам [224], в других случаях историки отрицают, что польские жертвы действительно были гражданами Польши [225]. Украинские неонацисты оправдывают массовые убийства поляков и евреев, называя эти национальные меньшинства «оккупантами» украинских земель и, следовательно, подчеркивают законность совершения массовых убийств [226]. Антисемитские интерпретации обвинения Николая Лебеда в массовых убийствах участниками УПА поляков летом 1943 года, определяют его как еврейского провокатора, называют его псевдонимом "Рубан" в качестве доказательства его еврейства [227].

Советская пропаганда собирала данные, чтобы в дальнейшем позиционировать ОУН и УПА как нацистских пособников [228]. Хотя Холокост был запретной темой в Советском Союзе, с 1979 г. советская пропаганда использовала такие заявления о сотрудничестве во время Холокоста в качестве инструмента для дискредитации диаспоры националистов, бросая тень на западные страны, которые их приютили [229]. Тема сотрудничества и преступной войны поляризовала украинскую и еврейскую общины. Сверхчувствительная к таким заявлениям, украинская диаспора отреагировала истерически и агрессивно на расследования военной преступности в украинском обществе, отрицая его категорически [230]. Спустя два десятилетия после распада Советского Союза, значительные группы украинской диаспоры продолжают спланиваться вокруг воспоминаний о жертвах лагерей смерти, которых они считают мучениками и жертвами [231]. Еврейско-украинские отношения установились, по словам Петра Потишного, как два одиночества [232].

Отказ в сотрудничестве и фашизм

Про-ОУНовские историки разработали ряд стратегий и повествований по отрицанию фашизма в ОУН.

Государственный проект Стецька с его явным фашистским содержанием и направленностью категорически запрещен, а публичная декларация Стецька - Акт от 30 июня 1941 года - была отредактирована, чтобы убрать на второй план обещания верности Гитлеру и нацистской Германии. Пронационалистические историки, опираясь на собственные отдельные исследования, описали это как разрыв с нацистами. Сам Лебедев утверждал, что провозглашение было «совершенно независимо от всех иностранных влияний, и политических и идеологических ориентаций» [233]. Владимир Косык настаивал на том, что «когда немцы отказались признать независимость Украины, о любом сотрудничестве с ними не могло быть и речи» [234]. Петр Потишный описывает Акт как откровенно антигерманскую декларацию [235]. Тарас Хунжак утверждает, что ОУН (б) «пересек Рубикон в первые же дни немецко-советской войны, и перешел в состязательное положение по отношению к немцам» [236].

Пожалуй, наиболее интеллигентное отрицание сотрудничества фашизма и ОУН выразил политолог Александр Мотыль. Аргумент Мотыля отличается от простого отрицания проОУНовских историков. Вместе этого, он основан на отказе ОУН о создании государства. Хотя Мотыль признается в энтузиазме ОУН к сотрудничеству с фашистской Европой, в ее фашистских намерениях, он представляет фашизм моделью организации существующего государства.

Эта интерпретация сдвигает фокус внимания от идеологии к измеряемым достижениям. Фашизм, согласно интерпретации Мотыля, в первую очередь ставит вопрос о движении к успеху, к достижению своей цели по управлению государством. Впоследствии, как утверждает в своих аргументах политолог, словацкий и хорватский режимы стали фашистскими, потому что они контролировали государства, в то время как неудачный проект Стецька не делал этого [237].

По поводу того, что нацисты отказались признать государство ОУН, Мотыль утверждает, что «националисты

случайно уберегли его от коллаборационистов и, возможно, фашистской судьбы» [238]. Мотыль неявно, осторожно отвел ОУН от ее идеологических побратимов - Юсташа, гвардии Глинки, фашистов Муссолини и национал-социалистов Гитлера. Ссылаться на украинских сотрудников нацистов было вдвойне невозможным, согласно этой линии рассуждений. Украинцев, служивших в немецких мундирах, принимавших клятву Адольфу Гитлеру и сражавшихся за Новый порядок в Европе, нельзя было назвать «нацистскими сотрудниками» в соответствии с аргументами пронационалистов.

Расистская идеология нацизма исключала возможность украинцев присоединяться к их движению [239], такое «сотрудничество» потребовало бы наличие украинского государства, которого не существовало в 1941 г. [240].

Аргумент Мотыля является неубедительным по нескольким причинам, и, как показал Даниэль Арспрунг, не в последнюю очередь из-за того, что нескольким фашистским группировкам в Восточной Европе удалось получить контроль над государственным аппаратом [241]. Мотыль утверждает, что «правильные термины имеют свои значения. ...важно называть вещи своими именами, а не создавать ненужную путаницу» [242]. И все же его определения и терминология оказались спорными для ученых-ненационалистов, которые и дали Мотылю говорить делать именно это. Хотя высокие критерии фашизма Мотыля дисквалифицируют ОУН, он определяет современную Россию как «неконсолидированное фашистское государство» [243]. Сам Мотыль представляет себя как «давний критик движения Бандеры» [244], а его отрицание фашизма и сотрудничества ОУН стали важной составляющей повествования диаспоры националистов и проОУНовских ученых.

Трудно избежать того, что определение фашизма, которое включает в себя Россию Медведева, но не Бандеру и Стецько, ориентировано на самооценку и идеологические

нужды общества, которое в разной степени идентифицирует себя с проОУНовскими традициями.

Некоторые проУПАвские летописцы пытались отделить УПА от ОУН (б), выступали за восстановление по форме, но не последней [245]. В частности, Петр Потишный охотно подчеркивает, что ОУН (б) и УПА были отдельными организациями и обычно предпочитает использовать термин ОУН-УПА для наименования организации [246].

Другая стратегия заключалась в отделении Шухевича, Стецька и Бандеры от их идеологии, возведения их до символов украинской славы и героизма, и отношения к культуре личности как к патриотическому торжественному отличию [247]. Эта нить рассуждений сводится к детализации значения лидеров ОУН и к тому, что их явное одобрение Холокоста, их декларации о верности Гитлеру и Новой Европе, и массовые убийства людей – всего лишь незначительные пятна на их истории, которые существенно не отличаются от аналогичных ошибок, допущенных Уинстоном Черчиллем и Невиллом Чемберленом [248].

Как мы видим в дискурсе доминирующей диаспоры, несколько ключевых характеристик ОУН были исключены: ее антисемитизм, идеологическая близость с нацистской Германией и поддержка с энтузиазмом руководства новой, фашистской Европы. Однако, отрицания некоторых характеристик - недостаточная основа для мифотворения и мобилизации предпочтений националистов. Для того, чтобы восприниматься идолами, героями, строителям идеологии нужно запастись положительными характеристиками, приемлемыми для демократов.

Создание таких героев требует большего воображения от создателей мифов. Интеллектуалы-пронационалисты представляют УПА, контролируемой ОУН (б) как источником и основой для сегодняшней украинской демократии. Для того, чтобы производить такое впечатление, националисты существенно ограничили их внимание отдельному периоду между 1943 и 1951 годами, полагаясь на пропаганду ОУН в период, когда она искала новых союзников на западе [249].

«Изучая эти первичные документы УПА, их можно считать безопасным источником становления подлинно плюралистического, демократического, украинского общества», писал Говард Астер в 1996 г. в письме к Петру Потишному. По словам Астера, документы, опубликованные в Летописи УПА, главным редактором которой был Потишный, представляют собой «кульминацию развития украинской националистической идеологии с большим акцентом на экономическое и социальное благосостояние и на обеспечение индивидуальных прав» [250].

Резкспорт националистических мифов в Украину

Распад Советского Союза потребовал написания новой истории. Советские учебники были отброшены, а во многих случаях отодвинуты с описаниями диаспоры на задний план. Резкспорт националистических повествований в Украину прошел относительно «гладко», находя особо восприимчивую аудиторию в западной части страны. Значительное количество украинских историков и ученых, которые ходили по струнке в советское время, быстро отодвинули марксистско-ленинскую ортодоксию националистической интерпретацией. Хотя влияние вернувшихся эмигрантов-националистов на украинских политиков было незначительным, их влияние на написание хроник украинской истории и мифотворение было значительным, особенно после 2004 года [251].

Филосемитские повествования националистов из ОУН (б) и УПА

На рубеже второго и третьего тысячелетий, повествования об ОУН и евреях получили определенную форму, которая все больше представляла ОУН-УПА как толерантную, этнически включающую в себя и приветствующую евреев, поляков и представителей других меньшинств, и боролась за многонациональную и демократическую Украину [252]. Историк Владимир Сергейчук

называет ОУН-УПА демократической силой, ведущей антитоталитарную борьбу против сталинизма и нацизма. Сергейчук утверждает, что среди людей, которые «пожертвовали» собой ради идеи и дела, были не только украинцы, но и польские и еврейские добровольцы [253]. Историки-пронационалисты часто представляют ОУН и УПА как спасателей и благодетелей, которые сдерживали евреев, несмотря на страдания самих украинцев от рук еврейских комиссаров, совершавших геноцид. Некоторые признают, что иногда в ОУН существовали антисемитские тенденции, но тут же добавляют, что они не были поддержаны всей организацией в целом, и что ОУН проводило различия между коммунистическими и некоммунистическими евреями, и в конечном итоге ОУН придерживалась особых взглядов на гражданский национализм, гуманизм и демократию [254]. Другие интеллектуалы-националисты отрицали фашистское наследие полностью. Некоторые зашли так далеко, что утверждали, что «политические принципы, изложенные в программах Третьего съезда ОУН (б) должны быть внесены сегодня в украинскую Конституцию» [255].

Украинские националисты помнят Холокост совершенно иначе, чем выжившие евреи: «Если бы ОУН-УПА преследовали антисемитскую идеологию возможно, не выжили бы тысячи евреев», пишет Тарас Хунжак в ответ на публикацию антисемитской биографии Стецька [256]. В коллективной еврейской памяти, наоборот же, украинцы часто вспоминаются как одни из самых жестоких, кто совершал Холокост [257]. Выжившие евреи с Западной Украины обычно подчеркивают, что 98,5 % из волинских евреев были убиты, что в Европе есть несколько мест, где Холокост был безумно жестоким, и утверждают, что если бы не было бандеровцев, гораздо больше евреев выжило бы [258].

Бездействие и фальсификация

Существует различие между отрицанием и затемнением фашизма ОУН и этнических чисток, и прямой фальсификации истории на основе подделок. Отрицание фашизма представляет собой контекст, в котором своеобразное повествование развивается, а представление ОУН филосемитским спасителем евреев содержит несколько примеров этого отрицания. Генеалогия повествования об УПА как о спасителе евреев датируется несколькими десятилетиями назад. Один из первых источников появился от Николая Лебеда, и был опубликован в 1946 г. [259]:

«Большинство врачей в УПА были евреями, которые были спасены УПА. К еврейским врачам относились как к гражданам Украины и должностным лицам в украинской армии. Нужно должным образом подчеркнуть, что в тот момент все они выполняли свои надлежащие обязанности добросовестно. Они оказывали услуги не только солдатам, но и всему населению. Они путешествовали по всей области, организовывали полевые госпитали и местные медицинские пункты. Они не бросали боевые ряды в ситуациях, даже когда имели возможность перейти к Красным. Многие из них погибли смертью храбрых [260]».

В 1950-х и 1960-х годах, рассказ об ОУН, изображающий ее как организацию праведного спасения евреев, начал формироваться, охотно поддерживаясь эмигрантами ОУН [261]. ОУН (б) приняла активное участие в мифотворчестве, в том числе в изготовлении подделок. Одной из наиболее значительных подделок является биография Стеллы Крентсбах, выдуманной еврейки, которая хвалит «Бога и Украинскую повстанческую армию» за то, что пережила Холокост. Поддельная биография появилась под редакцией Петра Мирчука [262]. История Крентсбах получила значительное внимание в эмигрантской прессе. И все же журналисты, которые пытались найти ее, скоро узнали, что такого человека не существует. Филипп Фридман, сам

переживший Холокост на Западной Украине, обратил непосредственное внимание на эту историю, и вскоре смог сделать вывод, что «вся эта история является мистификацией» [263]. Когда несуществующую Крентсбах не смогли найти, в эмигрантских кругах распространились рассказы и слухи о том, что она могла быть убита, казнена в Израиле за правду об отношении евреев к УПА [264]. Мы вернемся к воспоминаниям о Стелле Крентсбах позже, так как она сыграет важную роль в пропаганде ОУН полвека спустя.

Политизация национальной памяти: институциональное преследование

Президентство Виктора Ющенко наступило в результате так называемой оранжевой революции в 2004 г., представив вершину влияния диаспоры на написание истории в Украине. Это приподняло исторические мифы диаспоры до уровня государственной политики, и при условии государственного финансирования институций была поставлена задача развития легитимации повествований, которых требовал культ лидерства ОУН. Ющенко разработал политику памяти, в значительной степени, базировавшейся на повествованиях о преследованиях, «рассказ, который определял Украину как страну-жертву за счет интеграции всех центральных исторических событий XX века, от Гражданской войны и советизации до Чернобыльской катастрофы» [265]. Кульминацией стал Голодомор 1932-1933 годов, представленный как центральное и определяющее событие советского периода [266].

Ющенко имеет сложное отношение к ОУН. С одной стороны, он отверг ее фашизм, тоталитаризм, террор, культ лидерства и этнические чистки. С другой стороны, Конгресс украинских националистов является прямым потомком ОУН (б), его члены состояли в блоке Нашей Украины [267]. Возникла парадоксальная ситуация: новая, развивающаяся демократия с заявленной приверженностью демократическим

ценностям, плюрализму и правам человека - использует государственные институции для реабилитации и возвышения фашистов до национальных героев, символов молодой демократии.

Холокост пришел, чтобы играть ведущую роль в современной европейской политической культуре, вплоть до того, что способность решения этого вопроса стала считаться чем-то вроде демократической зрелости новых членов и кандидатов ЕС. Все чаще Европа представляет себя как сообщество ценностей, в которой Холокост играет ключевую роль в «коллективной европейской памяти» [268]. В Украине две культуры памяти - культ националистических героев и западноевропейская культура памяти, в которой Холокост занимает центральное место – являются взаимоисключающими. Как Вильфрид Жильге четко отметил:

«Отделение Холокоста от памяти украинской культуры прямо связано с близостью ОУН к национал-социализму, в частности, в своем отношении к антибольшевизму и антисемитизму... Националистическая интеллигенция может узаконить героические роли ОУН и УПА, но только путем игнорирования еврейского Холокоста и его связи с украинской национальной историей [269]».

Институциональное составление официальной памяти

«Европеизация» Виктором Ющенко украинского общества включает в себя перенос коллективной памяти в соответствие с культурной памятью европейской основной тенденции. Для того, чтобы ликвидировать противоречивые воспоминания, правительство Ющенко нуждалось в производстве поучительного украинского национального прошлого, патриотическое повествование которого смогло бы частично примирить культ ОУН (б) и УПА с признанием Холокоста. Повествования, разработанные авторитарными группами диаспоры, требовали значительных преобразований

для того, чтобы создать спрос на них в двадцать первом веке. Выполнение данной задачи в большой степени ложилось под три официальных институции. Институт национальной памяти, созданный в 2006 г., был основан по образцу польского примера. Его целью была консолидация «нации» путем патриотической подачи истории. Директором Ющенко назначил бывшего заместителя Премьер-министра Игоря Юхновского, сторонника правой социал-националистической партии Украины [270].

Другой важной пропагандой является деятельность Центра по изучению освободительного движения, структуры ОУН (б), который должен был функционировать как звено между молодыми украинскими сторонниками ОУН и диаспорой националистов послевоенной волны эмигрантов, таких как Владимир Косык и Петр Содол [272]. Центр является партнером Канадского института украинских исследований, Гарвардского института украинских исследований, а также диаспоры националистических организаций, таких как Украина-канадский конгресс и подавленный ОУН (б) Украинский конгрессовый комитет Америки [273]. В положениях о миссии Центра говорится:

«История борьбы за свободу является основой национальной идеи каждого государства, основой для ее ценностей и ориентации.

Прошлое украинцев, в частности их борьба за свободу, в течение многих лет умалчивалось, будучи задавленным тоталитарными режимами. Поэтому новое, непредвзятое мнение об Украинском освободительном движении чрезвычайно необходимо.

Двадцатый век был высшей точкой развития украинского сопротивления – лучшим примером является борьба Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии в период с 1920 г. по 1950 г. К сожалению, сегодня деятельность этих структур остается одной из наименее изученных частей украинской историографии. Изучение различных аспектов борьбы

украинцев за национальную и социальную свободу является основной целью Центра по изучению украинского освободительного движения [274]».

Центр по изучению освободительного движения связан с украинским Министерством иностранных дел и, самое главное, с украинской Службой безопасности, прямым преемником КГБ. Этой организации были поручены наиболее важные аспекты стратегии Виктора Ющенко в управлении памятью: охранять память, институты, ресурсы и архивы украинских спецслужб. София Грачева подчеркивает, что «СБУ располагает монополией на информацию и использует эту монополию в политических целях, публикуя подборки документов, которые представляют исторические события в соответствии с текущей официальной точкой зрения, и разрешающие официальную позицию по спорным вопросам». В отличие от аналогичных архивов других стран Восточной и Центральной Европы, большая часть их подборок документов остается недоступной для ученых [275].

Пропаганда институтов Ющенко распространяет официальную интерпретацию истории для общественности, основанную на двух основных темах: повествование о Голодоморе 1932-1933 годов, который был описан как Геноцид против украинского народа, унесший десять миллионов жертв в сочетании с прославлением ОУН (б) и УПА. Институты были взаимосвязаны: их руководители ссылались друг на друга и узаконивали существование друг друга. Пропагандистские и наивно героические представления были представлены, как надежные и полные отчеты о прошлом. Одобрения Юхновского одной из пропагандистских книг Вятровича «Украинская повстанческая армия: Непобежденная армия» выглядят так:

«Книга перед вами написана авторами, которые принадлежат к новому поколению украинских историков, а также предлагает полный отчет о героической борьбе Украинской повстанческой армии. Я убежден, что каждый украинский гражданин, который читает это, будет убежден,

что наш народ не только хороший, красивый и трудолюбивый, но и героический. Читатель будет убежден, что независимость пришла к нам как результат долгой, героической борьбы. Прочтите эту книгу. Глядя на лица героев УПА, вы, возможно, найдете с ними собственное сходство [276].

Одним из первых шагов, предпринятых Институтом национальной памяти, была петиция Ющенко посмертно сделать лидера ОУН (б) и УПА Романа Шухевича национальным героем [278]. В 2007 и 2010 годах Шухевичу и Бандере официально было присвоено звание «Герой Украины», а также аналогичный статус был дан Ярославу Стецько [278]. Представление официальных героев и привычка проектирования современности в политически выгодное значение, - взятые из прошлого, они уходят корнями в советское прошлое [279]. С помощью легитимизированных историков, Ющенко пытался отодвинуть лидеров ОУН от фашистской идеологии и переместить их в новое, любопытное, филосемитское восприятие, чтобы оправдать надуманные ожидания западных партнеров и чтобы признать важность Холокоста. Это повествование опровергает отношение национальных лидеров к массовым убийствам и этническим чисткам, и представляет как хороших европейцев - демократов и плюралистов - и ОУН-УПА в целом как толерантную организацию, лидера многонациональной Украины. Памятники украинским националистам были возведены на территориях еврейской трагедии, в том числе бывших гетто и в Бабьем Яру. [280]. Эти новые национальные мемориалы не просто были возведены после монументов в память Холокоста европейских евреев, они были возведены с явной целью «превзойти» их и отодвинуть в сторону других «жертв наций» [281.]

ОУН-УПА как спасатели евреев

Владимир Вятрович

Занимая двойную должность в качестве директора архивов СБУ и директора Центра по изучению национально-освободительного движения, Владимир Вятрович (р.1977) был, пожалуй, самым выдающимся из легитимизированных Виктором Ющенко историков. Вятрович сосредоточил особое внимание на теме ОУН и евреев [282].

Вятрович не приложил никаких усилий, чтобы исследовать воспоминания выживших о Холокосте, которые рассказывали об ОУН и УПА с ужасом и страхом, и описывали эти организации как глубоко антисемитские [283]. Он избегает темы о том, как лидеры УПА прошли обучение в нацистской Германии и сотрудничали во время Холокоста, и игнорирует свидетельства о массовых убийствах евреев участниками УПА, которые подтверждены в украинских и немецких архивах [284]. Опуская значительное количество литературы, что свидетельствует о противоположном, Вятрович делает вывод, что «из публикации ведущих идеологических движений, их программных заявлений [можно заключить только то, что] идеология украинских националистов не занимает позиции, которые оправдывают обвинения в том, что ОУН была антисемитской» [285]. Вместо этого он создает картину нейтралитета ОУН по отношению к евреям:

«Когда я написал брошюру бо отношении [ОУН] к евреям, девушка, которая работала над ее графическим оформлением, спросила меня: «Я не понимаю - любили ли националисты евреев или нет?» Для меня это было показательно. На самом деле, отношения между народами не могут быть простыми. Мальчик может любить девочку. Международные отношения гораздо сложнее. Мы должны объяснить людям многозначимость исторического процесса таким образом, чтобы они не велись на различные примитивные политические спекуляции [286].

Вятрович весьма избирательно следует традициям диаспоры в их отрицании и преуменьшении антисемитизма ОУН, и справедливо подвергает эти отрицания резкой критике как весьма односторонние, легитимизированные, ревизионистские, неспособные удовлетворить даже самые основные научные запросы. По словам Джона-Поля Химки,

«Вятровичу удалось реабилитировать ОУН после обвинений в антисемитизме и участии в Холокосте только благодаря весьма сомнительным действиям, среди которых: опровержение источников, компрометирующих ОУН; подвержение цензуры источников из эмигрантских кругов ОУН; отказ в признании антисемитизма в текстах ОУН; ограничение базы источников официальных прокламаций и документов ОУН, за исключением еврейских мемуаров; отказ от рассматривания контекстные и сравнительные показатели; отказ от рассматривания немецких подборок документов, и игнорирование многих исторических монографий по этой теме, написанных на английском и немецком языках [287]».

Опираясь преимущественно на Летопись УПА, Вятрович попытался отодвинуть ОУН от ее антисемитского наследия, остановившись на именах пяти евреев, которые служили в УПА, в том числе, вымышленной Стеллы Крентбах [288]. Он указывает, что их количество могло быть больше, если бы евреи показали большую готовность тесно сотрудничать, и цитирует командующего группы УПА-Север, Ивана Литвинчука, который «искал человека, грамотно знающего идиш, чтобы написать антигерманское письмо, адресованное евреям», но «к сожалению, он не смог осуществить этот замысел» [289].

В марте 2008 г. Вятрович распространил издание «К началу книги фактов» как попытку защитить репутацию ОУН, Шухевича и Батальона Нахтигаль. Распространяя эту книгу через правительственные каналы, украинское Министерство иностранных дел и украинские дипломатические представительства за рубежом, украинское правительство представило ее как автентичную летопись 1941 г. и задумано

обманывало общественность [290]. По данным украинского правительства, это подделка ОУН демонстрирует:

«категорическое несогласие ОУН с предложением Гестапо организовать еврейские погромы... Таким образом, документы [Центрального государственного архива Службы безопасности Украины] подтверждают, что ОУН приняла меры предосторожности, чтобы избежать участия в акциях против еврейского населения во Львове, и что не было никаких официальных указаний принять участие в уничтожении евреев или в проведении погромов [291]».

Вятрович отвергает критику Шухевича как необоснованную политическую кампанию против памяти командира УПА [292]:

«Советские пропагандисты умышленно опускали отрывки из идеологии ОУН и программы, которая упоминает равные права для всех национальных меньшинств, избегая упоминаний об евреях-участниках УПА, которые боролись за независимую Украину. К сожалению, именно так ведут себя многие современные публицисты и историки, глядя на украинскую историю сквозь призму «агитпропаганды». Одним из самых распространенных обвинений против украинских националистов является утверждение об их участии в антиеврейских погромах во Львове в начале июля 1941 г. [293]».

Он категорически отрицает участие Шухевича в антисемитском насилии и освобождает от ответственности за убийство мирных жителей. На вопрос о том, сколько человек Шухевича приняли участие в военных преступлениях против гражданского населения, Вятрович возразил: «Разве можно считать поляков или белорусов мирным населением, если они в течение дня работали как обычные жители только для того, что бы только вечером вооружиться в и атаковать деревню?» [294].

В апреле 2008 г. СБУ провела «общественные слушания» на тему евреев в УПА с целью создания новой национальной идеологии, повествования украинцам и евреям

о совместной борьбе против большевистско-московитского врага. Глава СБУ Валентин Наливайченко, который возглавлял большую часть мифотворчества, представлял свои действия как попытки развеять мифы:

«Сегодня мы создаем публичные документы об украинцах и евреях, которые сражались вместе после большого Голодомора против тоталитарных и коммунистических режимов. Эта историческая правда была жестоко задавлена и мифологизирована. Цинично и грубо, КГБ пыталось пробудить неестественную вражду между украинским и еврейским народами. Такой миф создавался и поддерживался в течение нескольких десятилетий, и не имеет права на существование [295]».

Наливайченко заявил о своем желании отделить советскую ложь от украинской «исторической правды о прошлом украинского народа» и «освободить украинскую историю от лжи и фальсификаций» [296]. Пресс-центр СБУ заявил, что «документальный материал объективно подтверждает, что история украинского освободительного движения дает много примеров сотрудничества украинцев и евреев в их борьбе против тоталитарного режима [297]. Вятрович снова обратился к брошюре 1950-го года «Евреи – граждане Украины», которая, как он утверждает, представляет наиболее верную картину позиции ОУН по отношению к евреям. Он игнорировал и не комментировал их завуалированные угрозы [298]. Легитимизированные историки СБУ имели двойственное отношение к евреям. В то время как они приложили значительные усилия в представлении бандеровцев друзьями Израиля и еврейского национализма, они не уклонялись от традиционных националистических стереотипов. В соответствии со своей целью определить виновных в голоде 1932-1933 годов, СБУ в июле 2008 г. опубликовала весьма избирательный список из девятнадцати лиц, совершивших «голод-геноцид». Из них восемь человек, или 40 процентов, были еврейской национальности, и были представлены в советском стиле с их

«настоящими» нацистскими именами, написанными рядом с их славянскими именами. [299]. Высокопоставленные антисемиты и ревизионисты Холокоста, среди которых Левко Лукьяненко и Юрий Шухевич, были постоянными гостями на мероприятиях, посвященных пропаганде институтов Вятровича [300].

Моисей Фишбейн

Одним из самых успешных популяризаторов националистических повествований, который отрицает антиеврейское насилие УПА, является поэт Моисей Фишбейн. Фишбейн отрицает исследования, доказывающие, что УПА убивала евреев, и это были «спецоперации» под руководством Кремля с целью не допустить членства Украины в НАТО:

«Это очень важно для дезинформаторов заодно дискредитировать и генерала УПА Шухевича, и все украинское национально-освободительное движение, также как и президента Украины Ющенко. Поэтому они использовали старые провокации чекистов и играли в «еврейскую карту»: одни обвиняли [УПА], в том, что она убивала евреев, другие «героизировали» предполагаемых убийц. Цель ясна: исключить евреев из украинского национального возрождения. Отчуждать весь цивилизованный мир от тех, кто хочет возрождения истинной, украинской Украины - украинской по духу, по языку, в память о своих гениях и героях. Украинской - для тех, кто в ней живет, независимо от этнического происхождения... Претензии относительно «антиеврейских действий УПА» являются провокацией, распространяемой Москвой. Это провокации. То, что УПА убивала евреев, является ложью. Скажите, как могла УПА уничтожать евреев, когда евреи были участниками УПА, служили в УПА? Я знал евреев, которые служили в УПА. Например, я знал доктора Авраама Штерцера, который жил в Израиле после войны. Также был Самюэль Нойман, его

псевдоним был Максимович, был Шай Варма (псевдоним Скрипач), был Роман Винницкий, его псевдоним был Сэм. Заметной фигурой в УПА была женщина по имени Стелла Крентсбах, она позже стала использовать псевдоним. Она родилась в Болехове в районе Львова, она была дочерью раввина, Zionиста, и в Болехове дружила с дочерью греческого католического священника по имени Оля. В 1939 г. Стелла Крентсбах окончила философский факультет Львовского университета. С 1943 г. она была медсестрой и офицером разведки в УПА. Весной 1945 г. НКВД захватил ее во время рабочей встречи в Рознятове. После этого она была заключена в тюрьму, приговорена к смертной казни, но солдаты УПА освободили Стеллу Крентсбах, которая была еврейкой. Летом 1945 г. она пересекла Карпаты с украинскими повстанцами и 1 октября 1946 г. ей удалось достичь английской зоны оккупации в Австрии. Она добралась до Израиля. Вы знаете, где она работала в Израиле? В Министерстве иностранных дел. В своих воспоминаниях Стелла Крентсбах писала: «Причина по которой я живу сегодня, и смогла отдать все силы моих 38 лет, чтобы освободить Израиль, в том, что всем я обязана Богу и Украинской повстанческой армии. Я стала членом героической УПА 7 ноября 1943 г. В нашей группе я насчитала 12 евреев, из которых восемь были врачами» [301].

Повторяя эту претензию на многих форумах, Фишбейн снижает уровень антисемитизма ОУН, вымышленный врагами Украины. «В игре в «еврейскую карту» в своих спецоперациях против Украины, российские спецслужбы используют «Путина-еврея», особенно московские раввины», написал Фишбейн. [302]. Он повторил этот аргумент на конференции в Университете штата Иллинойс в Урбана-Шампейн в 2009 г. [303]. Его слова, полные энтузиазма, сообщались в националистической прессе. Англоязычная «Kyiv Post», популярное издание для диаспоры, опубликовала его заявление в виде статьи op-ed (газетной статьи, в которой высказано мнение автора, который не работает в редакции

этой газеты) [304]. Фишбейн привлек значительное внимание средств массовой информации, не только националистические издания диаспоры, такие как «Украинский еженедельник», «Украинские новости», «Kyiv Post» и другие, но и такие новостные ресурсы как BBC News. Респектабельные аналитики, такие как Пол Гобл, некритически повторяли утверждения Фишбейна:

«Мало кто вел себя столь же упорно, как Фишбейн в поиске этих и других российских фальсификаций и источников клеветы в адрес Украины, и его работа в этой области заслуживает большей известности не только потому, что она... объясняет, почему так много украинцев хотят получить защиту западных институтов, таких как НАТО» [305].

При государственной поддержке, Фишбейн распространял фиктивную «автобиографию» Крентсбах/Креутсбах, в споровождении перевода на английский язык, под названием «Я жив благодаря УПА», и представлял ее как подлинный документ, который мог бы раз и навсегда опровергнуть антисемитизм ОУН-УПА [306]. Вскоре после этого Центр по изучению оводобительного движения под руководством Вятровича вновь вернулся к истории Крентсбах/Креутсбах, выпуская пресс-релиз с заголовком «Еврейка Стелла Крентсбах объяснила, что она выжила благодаря УПА» [307]. Марко Левицкий, редактор проОУНовских «Украинских новостей» в Эдмонтоне, канадской провинции Альберта, снова и снова возвращался к истории Стелы Крентсбах/Креутсбах, ссылаясь на автора как на авторитетный источник в этой области, используя историю отрицания причастности ОУН к Холокосту [308]. Кроме того, Виктор Рудь, председатель Комитета по иностранным делам и правам человека Украинской Американской ассоциации адвокатов, в открытом письме в Вашингтон, в ответе на статью, критикующую культ УПА, созданный Виктором Ющенко, опирается на лекции Фишбейна в Урбана-Шампейне, ссылаясь на него как на «Недавнее исследование» и ссылаясь на заявление Фишбейна о том, что:

«Российские спецслужбы пытаются дестабилизировать ситуацию в Украине, подорвать ее суверенитет и независимость, создать негативный образ этой страны, блокируют ее интеграцию в европейские и евро-атлантические структуры, и пытаются превратить Украину в зависимый спутник, которым можно манипулировать. В их спецоперациях против Украины они придают важное значение «еврейской карте» [309]».

В декабре 2009 года Фишбейн вновь распространил брошюру «Евреи- граждане Украины», выпущенную УПА в 1950 г. как еще одну попытку опровергнуть антисемитизм УПА. Фишбейн предпочел не комментировать этно-националистические утверждения о том, что евреи – гости на украинской земле, а также не комментировать их стереотипы о евреях как большевиках, и был равнодушен даже к их завуалированным угрозам [310]. Можно только догадываться о мотивах Фишбейна для публикации этой известной фальшивки. Это представляется маловероятным, что он, или легитимизированные историки, не знают о тематической литературе, в том украиноязычной, так как в конце 2008 г. историки Тарас Курило и Джон-Пол Химка обсуждали подделку Крентсбах/Креутсбах в ведущем интеллектуальном журнале «Современная Украина» [311].

Мифотворение с осложнениями

Несмотря на претензии пропагандистов, не вполне ясно, к чему могла привести деятельность нескольких еврейских врачей в УПА. Даже если взять самые оптимистические оценки историков, включающие подделки, и принять за чистую монету их утверждения о еврейской идентичности всех неназванных людей, которые, по утверждениям Вятровича, сражались в ОУН и УПА, количество евреев в этих организациях по-прежнему составляет малую долю от общего числа членов УПА (от 0,001 до 0,1 процентов) [312]. Конечно, трудно позиционировать нескольких еврейских медсестер и

врачей, которые пережили Холокост в рядах УПА в качестве доказательства существования совместного ОУН-УПА-еврейского фронта против общих врагов. Вятрович не комментировал много задокументированных случаев, как ОУН-УПА нападали и убивали спасателей евреев [313]. Он упустил факт, что 50 процентов из лидеров УПА в прошлом были сотрудниками вооруженных сил, полиции или карательных органов нацистских немецких оккупантов, и сыграли ключевую роль в осуществлении Холокоста в оккупированном Советском Союзе.

Тем не менее, этот рассказ очаровал восприимчивую аудиторию за пределами круга истинных националистов. Легенда УПА, как заключающая в себе демократическую силу, где евреи сражались плечо к плечу с ОУН против Гитлера, уже выводит ее на уровень популярной культуры. В 2010 г. Оксана Забужко, возможно наиболее популярная беллетристка в Украине, опубликовала массивную книгу «Музей забытых секретов», в которой главная героиня - еврейская медсестра в УПА, по прототипу Крентсбах/Креутсбах. В своем исследовании, Забужко опиралась частично на материал, предоставленный ей Центром по изучению освободительного движения и его музеем в бывшей Лонтской тюрьме, где по просьбе центра Вятровича состоялась презентация книги [314]. Первое издание было распродано за три дня. Книга получила очень хорошие рецензии. «Оксана Забужко написала панораму истории украинского прошлого, истории украинцев 20-го века», - так комментировали издание «Ежедневный Львов», «Высокий Замок» [315].

Вместе с тем, пропаганда правительства не смогла завоевать популярность у простых украинцев. Общенациональный опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в июне 2009 года показал, что лишь незначительное меньшинство украинцев хорошо восприняло Ющенко и его мифы об ОУН и УПА [316]. Культ ОУН и УПА, однако, запятнал имидж Украины за границей, особенно в Польше, ключевом партнере ЕС.

Воспоминания Польши об украинцах в период Второй мировой войны остаются в высшей степени критическими - в соответствии с опросом, проведенным в августе 2009 года, они даже более критические, чем воспоминания о военной роли немцев и русских [317]. Превращая Бандеру, Шухевича, участников ОУН и УПА в официальных героев и отрицая совершенные ими убийства, легитимизированные Виктором Ющенко историки помогли «зацементировать» стереотипную идентификацию украинцев с бандеровцами. Многие поляки перекладывают на украинцев коллективную ответственность за преступления УПА [318]. По иронии судьбы, некоторые из исторических интерпретаций своего преемника Виктора Януковича и его электората на востоке и юге страны, более соответствуют Европе, чем действия Ющенко, который провозглашает свою политическую ориентацию направленной на Запад [319].

Вывод: политика, память и смысл существования

Национализация государства часто является последствием «изготовления» национальных мифов, и случай с Украиной отнюдь не уникален. Здесь, в новом, слабом государстве, разделенном по языковому признаку, религии и историческому опыту, руководство предприняло значительные усилия по производству исторических мифов с политической пользой, значительная часть которых прямо противоречат с тем, что говорят источники и ученые. Эрнст Ренан писал: «Забывая, я иногда заходил очень далеко, чтобы сказать об исторической ошибке, которая является решающим фактором в создании государства» [320]. Бруно Беттельгейм утверждал, что «дети нуждаются в сказках», «Мы хотим, чтобы наши дети верили, что, в сущности, все люди хорошие.... Доминирующая культура в отношении детей хочет делать вид, что темной стороны человека не существует, и оптимистично исповедовать веру в мелиоризм» [321]. Он утверждает, что сказки способствуют психологическому развитию ребенка:

«Неясности должны ждать, пока твердо устоявшаяся личность пройдет свое развитие на основании положительных идентификаций. Кроме того, выбор ребенка основывается не столько в сравнении хорошего и плохого, а сколько в сравнении кто ему нравится, а кто - нет. Чем более простой и хороший характер – тем легче ребенку идентифицировать себя и хорошим и отказаться от всего плохого» [322].

В своем знаменитом исследовании «Дедушка не был нацистом» Харальд Велзер, Сабина Мюллер, и Каролина Шугналл выделили трудности многих немцев, касающиеся роли членов их семей в Третьем Рейхе. Поколения выросли и социализировались в Федеральной Республике, хорошо осведомлены о преступлениях нацистской Германии, склонны видеть в нацистах «других» немцев и дезавуировать свои ассоциации своих прародителей с национал-социализмом. Авторы показывают, что «нет фрагментов Холокоста в воспоминаниях немецких семей» [323], и что «следующим поколениям строить прошлое, в котором их родственники будут выступать в роли не причастных к преступлениям» [324]. Параллели с памятью украинской диаспорой ОУН и Холокоста поразительны. Та часть украинской диаспоры, которая проживала в основном в Северной Америке и возвратилась в Украину после 1991 года, отрицает не только фашизм ОУН и антисемитизм, она отрицает сами преступления, представляя виновных как спасателей евреев. Факты на основе исторического анализа отвергаются и заменяются удобными и политически целесообразными мифами прошлого. Наблюдение Велзера, Мюллер и Шугналл показывают, что «эмоциональный процесс воспроизведения в памяти - это не то же самое, что опираться на факты при изучении прошлого и обладать нужными сведениями» - также относится и к идеологии украинской диаспоры и легитимизированных Виктором Ющенко историков [325].

Существуют две взаимосвязанные группы сочинителей мифов. Первая группа состоит из прямых преемников фашистов: авторитарные националисты и неофашисты,

которые разделяют принципы философии ОУН – авторитаризма, культа лидера и антисемитизма. По иронии судьбы, филосемитские легитимизированные повествования возникла в этой группе в качестве побочного продукта, из-за проделанных усилий, направленных на то, чтобы скрыть антиеврейское насилие ОУН и УПА, и чтобы скрыть фашистскую деятельность организации. Вторая группа состоит из политиков, пропагандистов и ученых, которые называют себя демократами по самоопределению и отмечают фашистскую деятельность ОУН, отрицая ее фашизм в целом. фактически неправильная версия прошлом организации. Обе группы выбрали те части наследия, которые они считают подходящими. Они затушевывают, занижают, отрицают или легитимизируют массовые убийства ОУН-УПА. При Ющенко эти филосемитские националистические повествования были возведены на уровень официальной политики, и происходило государственное финансирование этого мифотворчества. В то время как идеология этих двух групп различается, они часто работали в тандеме, деятельность одной группы составляла фундамент для деятельности другой. Обе группы были апологетами фашистской традиции. Ни одна из них призналась, что ОУН совершала преступления, не говоря о том, что ни одна группа не осудила ОУН.

В то время как мифы, окружающие ОУН-УПА являются продуктами воображения диаспоры, они распространялись преемниками украинского КГБ. Вдохновения для Ющенко в создании Института национальной памяти поступало из современной Польши, но ее институты мифотворчества и управления памятью напоминают старую советскую пропаганду. Сказочные сценарии, придуманные органами государственной власти, приходят, как ни парадоксально, с претензиями на истину и объективность. Здесь находится парадокс мифотворчества: отборные, пропагандистские и назидательно патриотические мифы не представлены как таковые, а, наоборот, как более «истинный» и «правильный» вариант украинской истории [326]. Распространение

вводящей в заблуждение пропаганды и даже подделок во имя «исторической правды» и «объективности» раскрывают советские черты и нормы, а также отражает комментарии Сталина от 1931 г. о том, что главное в написании истории не источники, а, скорее, «правильный подход» [327]. Советский характер этих неуклюжих историй и упрощенных мифов находит свое отражение не только в их манихейской простоте, белых пятнах, пропущенных отрывках и в запретах [328], но и в попытках Ющенко объединять его мифотворчество с легальной репрессией тех, кто ставит под сомнение официальную линию повествования [329].

Является ли изготовление контрафактуальных националистических легенд и поучительных патриотических мифов плохими действиями? Беттельгейм указывает на некоторые преимущества легенд и сказочных рассказов. Некоторые причины националистической диаспоры вытекают из этой же логики. Комментируя выдумку Крентсбах/Креутсбах, историк и активист Украина-канадского конгресса Роман Сербин утверждает, что «нет ничего плохого в идее участия еврейской женщины в УПА; как часть украинской мифологии это способствует положительным еврейско-украинским отношениям». Проблема Сербина заключается, скорее, в том, что обновлении службы украинских сил нацистам не было достаточно дальновидным: «В чем Ющенко можно упрекнуть – не может быть внесено в проект украинских ветеранов Ваффен СС дивизии Галичина и других подразделений вооруженных сил Оси» [330].

И все же, упрощенные героические рассказы основаны на мифах, полуправде и преднамеренной фальсификации, которые привели не только к не рассмотрению прошлого. Что еще хуже, так это то, что искаженные, иногда вымышленные повествования представляются как «истина» и научные исследования, высмеиваются как враждебная пропаганда, ее критиков называют коммунистами, «украинофобами», сторонниками Путина или «полезными идиотами» на службе у Януковича и Кремля [331]. Эта логика предполагает, что

Украине было бы больше пользы от молчания, государственной пропаганды и мифотворчества, нежели от критических расследований. Более того, филосемитское повествование об ОУН и УПА является одной из форм «ревизионизма» Холокоста – оно отрицает участие ОУН-УПА в Холокосте и отводит эти организации от их фашистского и антисемитского наследий путем составления непрезентабельной и фактически неверной версии про прошлую деятельность организаций. Она отделяется от других форм отрицания Холокоста преувеличением относительно незначительных деталей, в то время как, по-видимому, игнорирует, или представляет документированные факты как фальсификации. За счет легитимизации мифы крайне правыми, такое повествование содействовало мобилизации крайне правых украинцев.

Эти мифы не смогли стать основой для национальной мобилизации вне диаспоры и украинского запада. Напротив, культ ОУН-УПА поляризовал Украину и настроил против нее соседние страны. Преднамеренные искажения были усложнены процессом исторического и политического примирения между украинцами, евреями и поляками. Он разочаровал Польшу и ЕС, и серьезно усложнил украинскую интеграцию в европейское пространство. И последний, но не менее важный факт – это то, что данная ситуация облегчила для Кремля возможность описывать украинское лидерство как безответственное и политически незрелое, и использовать это в политических целях.

В то время как детям и политикам-националистам необходимы сказки, задачей историков становится разбор и понимание прошлого. Осведомленность о Холокосте, попытки в понимании механизмов расистского насилия ОУН и УПА, и уважение к их жертвам не должны быть препятствием на пути государственного строительства. Напротив, открытые запрос о прошлом - важная составляющая строительства либерального демократического общества с верховенством закона, плюрализмом и уважением прав человека.

Постскриптум, октябрь 2010 г. – май 2011 г.

Так как эта работа была написана осенью 2009 г., в Украине наблюдается изменение правительства. Одним из последних законодательных актов Виктора Ющенко было присвоено звание Героя Украины Степану Бандере, и этот ход подвергся значительной критике. Украина-канадский конгресс, в котором членствуют участники обоих крыл ОУН и ветеранских организаций УПА и Ваффен-СС Галичина, с энтузиазмом поддержал указ Ющенко и призвал «Правительство Канады внести изменения в действующий акт канадских ветеранов войны, касающиеся расширения прав по включению в акт групп сопротивления, таких как ОУН-УПА» [332].

Под властью Януковича последовал резкий разворот в области управления памятью. Посмертное назначение Виктором Ющенко Бандеры и Шухевича национальными героями судом было объявлено незаконным, и приказ был отменен [333]. Вятрович и Юхновский были уволены, и архив СБУ и Институт национальной памяти получили новых директоров. Валерий Солдатенко, сменивший Юхновского на посту директора Института национальной памяти, является членом Коммунистической партии. В марте 2011 г. была объявлена ликвидация Института [334].

Конец государственной поддержки культа ОУН и УПА возмутил националистическую диаспору. Представители контролируемого ОУН (б) Украинского конгрессового комитета Америки отказались от встречи с президентом Януковичем и устроили шумные протесты во время его визита в ООН в сентябре 2010 г. в Нью-Йорке. Аскольд Лозинский [335], один из организаторов протеста, сообщил украинскому послу в США, что единственное, что могло бы предотвратить протесты, было бы «увольнение Солдатенко, Министра образования Дмитрия Табачника и признание Голодомора геноцидом» [336]. Одетый в фольклорное снаряжение и с рогом быка в руке, Лозинский проводил шумные

демонстрации за пределами Генеральной Ассамблеи ООН, скандируя «Русские мясники, идите к черту!», «Слава Украине! Героям слава!» [337]. Диаспора ОУН (б) отнеслась к всенародно избранному правительству Януковича как к «оккупационному режиму», с которым они разорвали все связи [338]. Антисемитизм является центральным компонентом в апологетике Лозинского. Он заявляет, что «подавляющее количество советских сообщников в течение советских двух лет на Западной Украине в 1939-1941 годах, были евреями» [339], и утверждает еврейский контроль над канадскими СМИ [340], и обвиняет ученых, изучающих антиеврейское насилие, в том, что им оплачивается «изобретение демонов» в еврейских интересах. [341]. Он отвергает научные исследования расизма ОУН, ссылаясь на предполагаемое еврейское этническое происхождение исследователей [342].

Поль Грод, президент Україно-канадського конгресса, сприяє спокійній дипломатії [343], але залишається приверженим, як і завжди, культурі ОУН і УПА, яросно і категорично отрицает участие українських націоналістів в Холокості [344]. В березні 2010 р. Україно-канадський конгрес організував «цільову групу» націоналістических активістів, щоб запобігти «атаці на національно-визвольне рух», виходячі від дискредитуючих або підірвуючих повноважень критикуючих учених, звиняючи їх в «зраді» проти своїх уявляемих спільнот [345]. Після того, як він втратив свою роботу на посаді директора архівів СБУ, в 2010 р., Вятрович був залучений до роботи його націоналістическими «партнерами» з діаспори. Він отримав стипендію в Гарвардському українському науково-дослідницькому інституті і був запрошений як основного доповідача на двадцять третю конференцію Україно-канадського конгресса в Едмонтоні 5-7 листопада 2010 р. [346]. Канадський інститут українських досліджень запросив Вятровича виступити в університеті Альберти. В Едмонтоні, він знову

отрицал антисемитизм ОУН и притемнял ее участие в Холокосте. Он утверждал, что львовский погром был предметом «многих академических споров».

«Отдельные члены населения принимали участие в инициированных Германией репрессиях... Участие в репрессиях против всего населения включало криминальных лиц, которые хотели получить материальную выгоду от участия в репрессиях. Некоторые приняли участие, опираясь на немецкую пропаганду того времени, которая говорила, что евреи несут ответственность за то, что немцы называют «еврейским большевизмом». Но «ни одно украинское политическое движение не выступало за участие в этих репрессиях или антиеврейских погромах», он утверждал. «Факт того, что некоторые члены полиции, которые работали под руководством немцев, в конечном счете, оказались в различных воинских формированиях, таких как... Украинская повстанческая армия (военное крыло Организации украинских националистов), не устанавливает доказательства того, что именно эти отдельные образования были вовлечены в совершение Холокоста» [347].

Представленный как «украинский историк Владимир Вятрович в Гарвардском университете» в украинских СМИ, он снова отрицал антисемитское участие ОУН в Холокосте, называя это «историческим мифом» [348].

В День памяти, в день, в который в Канаде традиционно подчеркивается роль военных в борьбе с фашизмом, Украина-канадский конгресс отдал честь ОУН, УПА и украинским ветеранам Ваффен-СС Галичина [349]. Менее чем через неделю он осведомил всех о голоде 1932-1933 годов, раздувая число жертв на 300 процентов, до более, чем десяти миллионов людей [350].

Оставленное государственной политикой вследствие сокрушительного поражения Ющенко, повествование об отрицании и мифотворчестве сохранилось, главным образом, для ультраправых из диаспоры вокруг ОУН-УПА, и надлежит Украине [351]. Янукович продолжает тенденцию Ющенко

играть восточной и западной частями Украины друг против друга, далее поляризуя про-националистический и «анти-оранжевый» лагеря.

Ультрараправая экстремистская партия «Свобода» стала крупнейшей партией на местных выборах в Западной Украине и пятой по величине партией в стране. Хотя ее политический прорыв произошел при Януковиче, ответственность должна быть разделена между Ющенко и его легитимизированными историками, чье официальное почитание, спонсируемое государством мифотворчество и отрицание зверств ОУН-УПА, установили политическую легитимность и проложили путь для повторного возвращения направо.

Для ультра-националистов повествование истории превратилось в историческую беллетристику. Убежденные фашисты и антисемиты, которые неоднократно добровольно оказывали свои услуги для новой Европы Гитлера представлены как первые, кто противостоял нацистам, тоталитаристы представлены как свободные бойцы. Сообщения в прессе, полемике и в массовой культуре утверждают, что «Бандера был единственным рыцарем в Европе, который в 1941 г. сказал «нет» Гитлеру» [352]. В интерпретации истории лидером партии «Свобода» Олегом Тягнибоком значитяся:

«наши герои сражались в кровавом бою с оккупантами, когда так называемая «цивилизованная Европа» убежала прочь. Поэтому, осуждения Бандеры - это плевок в лицо украинского национально-освободительного движения. Антиколониальный по своему характеру, он был прежде всего антикоммунистическим и антинацистским. [Осудить Бандеру] означало наплевать на право украинцев на свое собственное государство» [353].

Таким образом, мы вернулись к исходной точке. **На протяжении многих лет, пересекая Атлантику и возвращаясь обратно, корыстная националистическая мифологии обретает все более фантастические формы. Откровенно профашистская, проГитлеровская,**

прогерманская декларация Стецька метаморфизировала не только антинацистскую деятельность, но и первый и храбрый вызов Гитлеру в Европе. Антисемитизм лидеров ООН и открытое одобрение Холокоста отклонены со ссылкой на небольшое количество выживших евреев в рядах УПА. Как конечная ирония, этот рассказ присваивается крайним националистам, которые не уклоняются от антисемитской исторической интерпретаций и открытого восхищения Ваффен-СС.

Примечание

Это исследование было презентовано на 41-м национальном съезде Американской Ассоциации развития Славянских Студий в Бостоне, Массачусетс, 12-15 ноября 2009 г.

СПИСОК ССЫЛОК:

Это исследование наполнено комментариями, откровениями, идеями и конструктивной критикой Марка Каринника, Томислава Дцли, Норманна Дж.В. Годе, Джона – Пола Химка, Кристофа Джанига, Дэвида Марпласа, Нины Павловичова, Грегорца Россолински – Лайби, а также обширными и очень полезными замечаниями двух авторов, которые пожелали остаться анонимами. Также кавтор выражает благодарность огромной поддержке, оказанной Исследовательско – научной группой 1540 «Балтийские границы: Разум и культура, которые меняются в пределах границ Балтийского региона», что была основана Немецкой Исследовательской Организацией. *Boundaries of Mind and Culture in the Borderlands of the Baltic Sea Region,*” funded by the German Research Foundation (DFG).

1. See, for instance, David R. Marples, *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine* (Budapest: Central European University Press, 2007); Johan Dietsch, *Making Sense of Suffering: Holocaust and Holodomor in Ukrainian Historical Culture* (Lund: Lund University Press, 2006); Olena Radziwiw, “Viina za viinu: Druha svitova viina ta Velyka vitchyzniana viina u shkil'nykh pidruchnykakh z istorii Ukrainy (1969–2007),” paper presented at “World War II and the (Re)Creation of Historical Memory in Contemporary Ukraine, An International Conference,” Kyiv, Ukraine, September 24, 2009.

2. On this topic, see Franziska Bruder’s pioneering study, *“Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!”: Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN), 1928–1948* (Berlin: Metropol Verlag, 2007), 23.

3. Armstrong writes that “the theory and the teachings of the nationalists were very close to fascism, and in some respects, such as the insistence on ‘racial purity,’ even went beyond the original fascist doctrines.” John A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism, 1939–1945* (New York: Columbia University Press, 1955), 279. “At least as a start, it seems preferable not to call the OUN’s ideology ‘fascism’ but to designate it ‘integral nationalism,’ in accordance with Carlton Hayes’

classification of the Action Française model.” John A. Armstrong, “Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe,” *Journal of Modern History*, 40, no. 3 (Sep. 1968): 400–401.

4. Juan J. Linz, “Political Space and Fascism as Late-Comer: Conditions Conducive to the Success or Failure of Fascism as a Mass Movement in Inter-War Europe,” in Stein Ugelvik Larsen, Bernt Hagtvet, and Jan Petter Myklebust (eds.), *Who Were the Fascists: Social Roots of European Fascism*

(Oslo: Universitetsforlaget, 1980): 169, 187

5. Grzegorz Rossolinski-Liebe, “The ‘Ukrainian National Revolution’ of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12, no. 1 (Winter 2011): 87, n. 12. Heorhii Kas’ianov rejects attempts at establishing an umbrella definition of the far

right, arguing that applying terms such as *fascism*, *Nazism*, but also *integral nationalism* to the OUN is not productive, as these movements constitute different phenomena. *Teoriia natsii ta natsionalizmu* (Kyiv: Lebed’, 1999), 326.

6. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 32; Oleksandr Panchenko, *Mykola Lebed’: Zhyttia. Dyal’nist’. Derzhavno-pravovi pohliady* (Lokhvytsia: Kobeliaky, 2001), 15; Anatol’ Kamyn’skyi, *Krai, emihratsiiai mizhnarodni zakulisy* (Manchester: Vydannia Politychnoi Rady OUNz Nakladom Kraevoi PR OUNz u Velykobrytanii, 1982), 39–42.

7. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 35.

8. Roger Griffin, *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007), 62.

9. There is a rich literature on the theory, definition, and characterization of fascism. Here it would suffice to mention Roger Griffin, *The Nature of Fascism* (London: Pinter, 1991), 1–19, and Stanley G. Payne, *A History of Fascism, 1914–1945* (Madison: The University of Wisconsin Press, 1995), 3–52, and idem, “The Concept of Fascism,” in Ugelvik Larsen, Hagtvet, and Myklebust, *Who Were the Fascists*, 17. On the fascism of the OUN, see Rossolinski-Liebe, “The ‘Ukrainian National Revolution’ of 1941,” 85–90.

10. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 51. The characterization of the OUN as fascist is also shared by Richard Breitman, Norman J. W. Goda, John-Paul Himka, David Marples, Grzegorz Rossoliński-Liebe, Timothy Snyder, and other historians. See Richard Breitman and Norman J. W. Goda, *Hitler's Shadow: Nazi War Criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War* (Washington, D.C.: The National Archives, 2010), 74, and, for instance Himka, Marples, Rossoliński-Liebe, and Snyder in Tarik Cyril Amar, Ivan Balyns'kyi, and Yaroslav Hrytsak (eds.) *Strasti za Banderoiu: statti ta essei* (Kyiv: Hrani-T, 2010).

11. Taras Kuzio, “OUN v Ukraine, Dmytro Dontsov i zakordonna chastyna OUN,” *Suchasnist*, vol. 12 (1992): 34; Armstrong, “Collaborationism in World War II,” 402.

12. Taras Kurylo, “‘The Jewish Question’ in the Ukrainian Nationalist Discourse of the Interwar Period,” *Polin*, no. 26 (forthcoming).

13. Iaroslav Orshan, “Doba natsionalizmu,” V *Avanhardi (Al'manakh)* (Paris: n.p. 1938), 41. Available online from the web forum *Natsional'na Diia “RID*,” <http://rid.org.ua>. Thanks to Taras Kurylo for this reference.

14. Yury Boshyk, ed., *World War II in Ukraine: History and Its Aftermath* (Edmonton: CIUS and University of Alberta, 1986), 172–173; “10 zapovidei Ukraintsia-Natsionalista (Dekal'oh),” Tsentral'nyi derzhavnyi arkhiv hromas'kykh orhanizatsii Ukrainy, henceforth TsDAHO Ukrainy, f. 1, op. 23, d. 931, ark. 68. Thanks to John-Paul Himka for this reference.

15. Mykola Posivnych, “Molodist' Stepana Bandery,” in Mykola Posivnych (ed.), *Zhyttia i diial'nist' Stepana Bandery: Dokumenty i materialy* (Ternopil': Aston, 2008), 38.

16. Z *Tvoei rodyny stvory kyvot chystoty Tvoei Rasy i Natsii*, from *44 pravyla zhyttia ukrains'koho natsionalista*. Sviatoslav Lypovets'kyi, *OUN banderivtsi: frahmenty diial'nosti ta borot'by/The Organization of Ukrainian Nationalists (Banderites): A Collage of Deeds and Struggles* (Kiev: Ukrains'ka Vydavnycha Spilka, 2010), 93–94.

17. Nationalist publishers translated Nazi racial theoretician Hans Günther's 1920 racist tract *Ritter, Tod und Teufel* as Hans F. K. [Ginter] Günter, *Lytsar, Smert' i chort': Herois'ka mysl'*. Vstup ta pereklad iz IV. nimets'koho vydannia Rostyslava lendyka [Introduction and translation from the IV German edition by Rostyslav lendyk] (L'viv: Vydavnytstvo

“Prometei,” 1937). Orshan introduced the book, written “in 1920, at the time of all the misery that befell Germany after its loss in the World War, democratic-liberal decay, pacifism, and the weakening of the national instinct, and the rise of Jewish supremacy [*postupaiuchoi supermatii zhydivstva*],” Orshan, *Doba Natsionalizmu*, 3–4. On Hans F. K. Günther, see Alan E. Steinweis, *Studying the Jew: Scholarly Anti-Semitism in Nazi Germany* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006), 25–41, and Leo Kramár, *Rasismens ideologer: Från Gobeneau till Hitler* (Stockholm: Norstedts Förlag, 2000), 207–227.

18. Orshan, *Doba Natsionalizmu*, 5.

19. Mykola Mikhnovs'kyi's *Decalogue* was a set of rules to police the political, social, and sexual activities of nationalists. Rule 1 stated that a Ukrainian state should reach from the Carpatians to the Caucasus, number 2 that “all people are your brothers, but Muscovites, Poles, Hungarians, Romanians and Jews are the enemies of your people [*moskali, liakhy, uhry, rumuny ta zhydy—se vorohy nashoho narodu*]. Rule 3 states “Ukraine for the Ukrainians!” Rule 10, which so appealed to Sukhovs'kyi and other nationalist activists, reads: “Do not take a wife of alien stock, since your children will become your enemies; do not find acquaintances among the enemies of our people, as that would give them strength and courage; do not buy from our oppressors as that will make you a traitor.” This nationalist decalogue is still on the Ukrainian Students' Association—University of Winnipeg (UWUSA) Facebook site: <http://www.facebook.com/group.php?gid=171502843414> (accessed March 3, 2011).

20. Mykola Sukhovs'kyi, *Moi spohady* (Kyiv: Vydavnytstvo “Smoloskyp,” 1997), 50. Sukhovs'kyi (1913–2008), a native of Bukovyna, worked in Berlin as a liaison between the OUN(m) and Nazi Germany during World War II and later settled in Canada. He was the honorary president of the Ukrainian War Veterans association in Edmonton and a leading figure in the OUN(m). He worked as a librarian at the University of Alberta where the Canadian Institute of Ukrainian Studies at the University of Alberta still administers the Celestin and Irena Suchowersky Endowment Funds. Bohdan Klid and Myroslav Yurkevych, *CIUS: 30 Years of Excellence/KIUS: 30 Rokiv Uspikhiv, 1976–2006* (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies at the University of Alberta, 2006), 35.

21. "Orhanizatsiia Ukrain's'kykh Natsionalistiv: Natsiia iak spetsies," Holovnyi Derzhavnyi Arkhiv Sluzhby Bezpeky Ukrainy (henceforth HDA SBU), f. 13, no. 376, tom 6, l. 1. Undated OUN brochure, no earlier than 1943.

22. "Orhanizatsiia Ukrain's'kykh Natsionalistiv: Rodyna v systemi orhanizavanoho ukrains'koho natsionalizmu," HDA SBU, f. 13, tom 6, l. 6.

23. *Ibid.*, f. 13, no. 376, tom 6, l. 7.

24. "Orhanizatsiia Ukrain's'kykh Natsionalistiv: Atomistychna teoriia pro natsiu," HDA SBU, Fond 13, no. 376, tom 6, l. 4.

25. *Rozbudova Natsii*, no. 11–12 (Nov.–Dec. 1930): 265–266, cited by Krzysztof Gąda, "Teoria i ludobójcza praktyka ukraińskiego integralnego nacjonalizmu wobec Polaków, Żydów i Rosjan w pierwszej połowie XX wieku," in Cz. Partacz, B. Polak, and W. Handke, eds., *Wołyń i Małopolska Wschodnia 1943–1944* (Koszalin-Lesno: Instytut im. gen. Stefana Gorta, 2004), 48.

26. "Z programu szkolenia bojówek OUN z 1935 r.," Derzhavnyi Arkhiv Rivnenskoii Oblasti (DARO), f. 32, op. 36, spr. 2, l. 22ff. Cited by Ewa Siemaszko, "Przemiany relacji polsko-ukraińskich od powojni do II wojny (wiatowej)," *Biuletyn instytutu pamięci narodowej*, no. 7–8 (116–117) (July–August 2010): 65, and reprinted in Wiktor Poliszczuk, *Nacjonalizm ukraiński w dokumentach (czesc 2): Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. Tom czwarty. Dokumenty z zakresu dzialania struktur nacjonalizmu ukraińskiego w okresie od 1920 do grudnia 1943 roku* (Toronto: Viktor Poliszczuk, 2002), 49.

27. On the OUN's anti-Semitism, see Marco Carynnyk, "Foes of Our Rebirth: Ukrainian Nationalist Discussions about Jews, 1929–1947," *Nationalities Papers*, Vol. 39, No. 3, (May 2011): 315–352; Bruder, "Den Ukrainischen Staat," 46–48, 99–101, 166–169; Kurylo, "Jewish Question"; Taras Kurylo and John-Paul Himka [Ivan Khymka], "Iak OUN stavylasia do ievreiv? Rozdumy nad knyzhkoiu Volodymyra Viatrovycha *Stavlennia OUN do ievreiv: formuvannia pozytyi na tli katastrofy*," *Ukraïna Moderna* 13 (2008): 252–265.

28. John-Paul Himka. "War Criminality: A Blank Spot in the Collective Memory of the Ukrainian Diaspora," *Spaces of Identity* 5 (2005): 16–17.

29. O. Mytsiuk, "Ahraryzatsiia zhydivstva za dobu bol'shevyzmu," *Rozbudova Natsi&*, no. 7–8 (1933): 180–190, and no. 9–10, 226–235; idem., "Pozaahrarna diial'nist' zhydiv po svitovii viini," *Rozbudova Natsi&*, no. 11–12 (1933): 277–287, cited in Kurylo, "The Jewish Question."

30. Ryszard Wysocki, *Organizacja Ukrai"skich Nacjonalist6w w Polsce w latach 1929–1939: geneza, struktura, program, ideologia* (Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2003), 201.

31. Kurylo, "Jewish Question," 6, citing Iu. Mylianych, "Zhydy, sionizm i Ukraina," *Rozbudova Natsij*, no. 8–9 (1929): 271.

32. Volodymyr Martynets', *Zhydivs'ka problema v Ukra&ni* (London: Williams, Lea & Co., 1938), 10, 14–15.

33. Ibid., 22.

34. Kurylo, "Jewish Question," citing R. O., "Obludnyky humanitaryzmu," *Visnyk* no. 1 (1939). No page number provided.

35. Kurylo, "Jewish Question," citing M. O. [M. Ostoverkha], "Antysemityzm v Italii," *Visnyk*, no. 1 (1938): 712–714.

36. Kurylo, "Jewish Question."

37. Bruder, "*Den ukrainischen*," 147. Several pogroms took place in Ukraine in between 1918 and 1920, during which some one hundred fifty thousand Jews were killed, an estimated 53.7 percent by Petlura's nationalist forces, 17 percent by Denikin's White Army, and 2.3 percent by the Bolshevik Red Army. Manus I. Midlarsky, *The Killing Trap: Genocide in the Twentieth Century* (Cambridge:

Cambridge University Press, 2005), 45.

38. Karel C. Berkhoff and Marco Carynnyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude towards Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 *Zhyttiepys*," *Harvard Ukrainian Studies* 23, no.3–4 (1999): 149–184; Kurylo and Himka "Iak OUN stavylasia do ievreiv?" 252–265; John-Paul Himka, "A Central European Diaspora under the Shadow of World War II: The Galician Ukrainians in North America," *Austrian History Yearbook* 37 (2006): 22; Kurylo, "Jewish Question";

H. V. Kasianov, "Ideolohiia OUN: istoryko-retrospektyvnyi analiz," *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, no. 2 (2004): 38–39.

39. Karel Berkhoff, *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004), 83.

40. Stanislav Kul'chyts'kyi et al., eds., *OUN v 1941 rotsi. Dokumenty. V 2-kh ch. Ch. 1.* (Kiev: Instytut Istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2006), 43, citing *OUN v svitli postanov Velykykh Zboriv, Konferentsii ta inshykh dokumnetiv z borot'bi 1929–1955 r.* [Zakordonni chastyny Orhanizatsii Ukrain's'kykh Natsionalistiv] (1955), 24–47.

41. Kul'chyts'kyi, *OUN v 1941 rotsi* (2006), 159, 165, citing “Propahadnyvni vkazivky na peredvoennyi chas, na chas viiny i revoliutsii ta na pochatkovi dni derzhanvoho budivnytstva z Instruksii Revolutsiinoho Provodu OUN (S. Bandery) dlia orhanizatsiinoho aktyvu v Ukraini na period viiny “Borot'ba i diialnist' OUN pid chas viiny,” Tsentral'nyi Arkhiv Orhaniv Vlady Ukrainy (henceforth TsDAVO Ukrainy), f. 3833, op. 2, spr. 1, ark. 77–89.

42. Iu. Mylianych, “Zhydy, sionizm i Ukra'na,” 271–276; Devius [D. Dontsov], “Voiiuchyi sionizm,” *Literaturno-naukovyi visnyk*, no.10 (1929): 915–918; S. Narizhnyi, “Chuzhi narody v svitli ukrain'skykh prykazok,” *Literaturno-naukovyi visnyk*, no. 10 (1929): 921–926; Martynets', *Zhydivs'ka problema*.

43. Philip Friedman, “Ukrainian-Jewish Relations During the Nazi Occupation,” *YIVO Annual of Jewish Social Science*, 12 (1958–1959): 184; John-Paul Himka, “*Krakivski visti* and the Jews, 1943: A Contribution to the History of Ukrainian-Jewish Relations during the Second World War,” *Journal of Ukrainian Studies* 21, (Summer–Winter 1996): 81–95.

44. File of Mikhail Dmitrievich Stepaniak, HDA SBU f. 6, d. 1510, tom 1, l. 65.

45. Ivan Katchanovski, “Terrorists or National Heroes” *Nationalities Papers* (forthcoming), citing The Henry Field Papers, Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York, box 52, folder “1964,” and Pavel Sudoplatov, *Spetsoperatsii: Lubianka i Kreml' 1930–1950 gody* (Moscow: OLMA-Press, 1998/2003), 26; Yelena Novoselova, “Stepan Bandera: As Seen by Russian and Ukrainian Researchers,” *Den'*, April 29, 2010: <http://day.kiev.ua/296328/> (accessed April 30, 2010).

46. DARO, Delo Stepana Ianishevskogo, microfi lm no. 124148, cited by Viktor Polishchuk, “Gora rodila mysh'. Banderovskuiu,” in

Vladimir Vorontsov, ed., “OUN-UPA. S kem i protiv koho oni voevali”: istoriko-dokumental'nye ocherki (Sevastopol: Mezhrionalnaia obshchestvennaia organizatsiia “Ob'edinenie patriotov Sevastopol'ia,” 2011), 74; and Lucyna Kulisnka, “Dzialnosc terrorystyczna ukrajnskich organizacjii nacjonalistycznych w Polsce w okresie miedzywojennym,” *Biuletyn instytutu pamieci narodowej*, no. 7–8 (116–117) (July–August 2010): 57, n. 40.

47. File of Mikhail Dmitrievich Stepaniak, HDA SBU, f. 6, d. 1510, tom 1, l. 67.

48. Mary Heimann, *Czechoslovakia: The State That Failed* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2009), 112.

49. Yeshayahu Jelinek, *The Parish Republic: Hlinka's Slovak People's Party, 1939–1945*, East European Monographs 14 (New York: Columbia University Press, 1976), 48. The anti-Semitic Slovak constitution, “Ústavný zákon zo dňa 21. júla 1939 o ústave Slovenskej republiky,” is available online, on the website of the Slovak Nation's Memory Institute: <http://www.upn.gov.sk/data/pdf/ustava1939.pdf>

(accessed Dec. 30, 2008). Thanks to Nina Paulovicova for these references.

50. In Croatia, German support for Slovak statehood strengthened the pro-German wing of the Ustaše movement and significantly increased its production of anti-Semitic propaganda material. On the racist ideology of the Ustaše movement, see Tomislav Dulić, *Utopias of Nation: Local Mass Killing in Bosnia and Herzegovina, 1941–1942* (Uppsala: Acta Universitatis Upsalensis, 2005).

51. Heimann, *Czechoslovakia*, 106–108; Serhii Yekelchuk, *Ukraine: Birth of a Nation* (Oxford: Oxford University Press, 2007), 131.

52. Mel'nyk assured von Ribbentrop that the OUN was “ideologically related to similar movements in Europe, in particular National Socialism in Germany and Fascism in Italy [weltanschaulich verwandt mit den gleichartigen Bewegungen Europas, insbesondere dem Nationalsozialismus in Deutschland und dem Fascismus in Italien].” Auswärtiges Amt Archive, PA AA, R 104430, Po. 26, No. 1m Pol. V. 4784, p. 2. Thanks to Ray Brandon for this reference.

53. The Ustaša “resurrection” of Croat statehood appears to have served as a model for the OUN. The proclamation was not delivered by Pavelić himself, but his deputy, (*Doglavnik*) Slavko Kvaternik. “People of

Croatia! The providence of God, the will of our allies, the century-old struggle of the Croatian people, our self-sacrificing Leader [*Poglavnik*] Ante Pavelić and the Ustaša movement within and outside the country has decided that we today, on the eve of the resurrection of the son of God also will witness the resurrection of our Croatian state.” Kvaternik referred to “the will of our allies,” but without explicitly mentioning Hitler. Later that day, Kvaternik sent a telegram to Hitler, to thank him “in the name of the Croatian people for the protection the German army has given the Croat national rebellion and [to] request your recognition of the Independent State of Croatia by the Greater German Reich. Long live the Führer of the German people!” *Zlo'ini Nezavisne Države Hrvatske, 1941–1945* (Belgrade: Vojnoistorijski institut, 1993), document 3 (the declaration) and 4 (the telegram). Thanks to Tomislav Dulić for this reference.

54. R. J. B. Bosworth, *The Oxford Handbook of Fascism* (Oxford: Oxford University Press, 2009), 431.

55. “Natsionalistychnyi rukh pid chas Druhoi Svitovoi Viiny: Interv’iu z B. Levyts’kym,” *Diialoh: Za demokraciiu i sotsializm v samostiinii Ukraini*, Vol. 2 (1979): 15.

56. Kul’chyts’kyi, *OUN v 1941 rotsi* (2006), 10. Similar attitudes were found in the OUN(b). In 1942, an OUN activist elaborated further on the size and scope of the Ukrainian state: “It will cover the lands from the Volga to the Carpathians, from the mountains of the Caucasus and the Black Sea to the sources of the Dnieper, a territory of one million square kilometers. This will be a deciding factor for the solution of the eastern problems in regards to Russia and the Baltic States, Poland, the Caucasus, the Black Sea states, and also the path to Africa and India through the Bosphorus and the Dardanelles . . . Ukraine for the Ukrainians! This will be a Great United National State.” Derzhavnyi Arkhiv Rivenskoï oblasti, inv. nomer 326, cited in Vorontsov, “OUN-UPA,” 10.

57. In 1938–1939, senior OUN functionary Colonel Roman Sushko toured Canada. According to the RCMP, Sushko “had adopted many of Hitler’s mannerisms when delivering speeches.” Sushko boasted that “the nationalist movement is so powerful that we will soon see the emergence of a Great Ukrainian State from the Caspian Sea to the Tatra Mountains.” Orest T. Martynowych, “Sympathy for the Devil: The Attitude of Ukrainian War Veterans in Canada to Nazi Germany and the Jews,

1933–1939,” in Rhonda L. Hinter and Jim Mochoruk, eds., *Re-imagining Ukrainian Canadians: History, Politics, and Identity* (Toronto: University of Toronto Press, 2011), 186. After the 1940 split, Sushko sided with the OUN(m). He was murdered in 1944, a murder his family attributes to the OUN(b). Myron B. Kuropas, “Who shot Col. Sushko?” *The Ukrainian Weekly*, March 1, 2009, 7.

58. See for instance Aristotle Kallis, *Genocide and Fascism: The Eliminationist Drive in Fascist Europe* (New York: Routledge, 2009), and Marius Turda, *The Idea of National Superiority in Central Europe, 1880–1918* (New York: Edwin Miller, 2005).

59. Mykola Stsibors'kyi, *Natsiokratiia* (n.p.: Ukr. vyd-vo “Proboiem,” 1942). For a discussion of *natsiokratiia*, see Roman Dubasevych, “Ukraina abo smert’,” in Amar, Balyns'kyi, and Hrytsak, *Strasti za Banderoiu*, 17–36.

60. Rossolinski-Liebe, “The ‘Ukrainian National Revolution,’” 87.

61. For Romania, see Vladimir Solonari, *Purifying the Nation: Population Exchange and Ethnic Cleansing in Nazi-Allied Romania* (Washington D.C.: Johns Hopkins University Press, 2010). On Slovak minority policies, see Heimann, *Czechoslovakia*, 112; on Croatia, see Dulić, *Utopias of Nation*.

62. Roman Shukhevych, leader of both the OUN(b) and the UPA, served in various Nazi German units from 1938 until 1943. He received training at the German Military Academy in Munich in 1938, in 1939–1940 he was joined by 120 other Ukrainian nationalists at a Gestapo training camp in Zakopane. Berkhoff, *Harvest of Despair*, 289, 298; Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 74, 91; Jeffrey Burds, *The Early Cold War in Soviet West Ukraine, 1944–1948*, Carl Beck Papers in Russian and East European Studies 1505 (Pittsburgh: University Center for Russian and East European Studies, 2001), 68.

63. Kul'chyts'kyi, *OUN v 1941 rotsi* (2006), 12 and 61, citing “Borot'ba i diial'nist' OUN pid chas viiny: Politychni vkazivky (traven' 1941 r.),” in *OUN v svitlui povstanov Velykykh Zboriv, Konferentsii ta inshykh dokumentiv z borot'bi 1929–1955 r.* [Zakordonni chastyny Orhanizatsii Ukrains'kykh Natsionalistiv] (1955), 48–57.

64. Tomasz Szarota, *U progu Zaglady: Zajscia anty(ydowskie i pogromy w okupowanej Europie: Warszawa, Pary(), Antwerpia, Kowno* (Warsaw: Wydawnictwo “Sic!” 2000), 210–214, and Peter Longereich

with Dieter Pohl, ed., *Die Ermordung der europäischen Juden: Eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941–1945* (Munich: Piper, 1989), 118–119. An analogous development also took part among profascist émigré groups in Germany. On March 19, 1941, they urged the Jews to leave Lithuania, so that “there would not be any unnecessary victims.” In Berlin on May 10, 1941, the so-called Lithuanian Activist Front (LAF) presented its *völkisch* ideological program, which accused the Jews collectively of having destroyed Lithuania and emphasized that “communism is directly rooted in Judaism.” Klaus-Peter Friedrich, “Spontane Volkspogrome oder Auswüchse der NSVernichtungspolitik?: Zur Kontroverse um die Radikalisierung der antijüdischen Gewalt im Sommer 1941,” *Jewish History Quarterly (Kwartalnik Historii Jydów)*, no. 4 (2004): 591.

65. TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 12, l. 10, Telegram Iaroslav Stest’ko no. 13, 25.6.1941.

66. “Instruktsii Revolutsiinoho Provodu OUN(B) dlia orhanizatsiinoho aktyvu v Ukraini na period viiny. “Borot’ba i diial’nist’ OUN pid chas viiny” V. Viis’kovi instruktsii,” TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 2, spr. 1, ark. 25–33.

67. Ivan Patryliak, “Viiskovi plany OUN(B) u taemni instruktsii Revoliutsiinoho provodu (traven’ 1941 r.) “Borot’ba i diial’nist’ OUN pid chas viiny,” *Ukrains’kyi Istorychnyi Zhurnal*, no. 2 (2000): 136.

68. “Instruktsii Revolutsiinoho Provodu OUN(B) dlia orhanizatsiinoho aktyvu v Ukraini na period viiny. “Borot’ba i diial’nist’ OUN pid chas viiny” H. Vkazivky na pershi dni orhanizatsii derzhavnogo zhyttia,” TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 2, spr. 1, ark. 33–57.

69. Berndt Boll, “Z”oczów, July 1941: The Wehrmacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia: From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past,” in Omer Bartov, Atina Grossmann, and Mary Nolan, eds., *Crimes of War: Guilt and Denial in the Twentieth Century* (New York: The New Press, 2002), 73.

70. Hannes Heer, “Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941” *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* Vol. 49, 5 (2001): 409–417; Israel Gutman, “Nachtigall Battalion,” *Encyclopedia of the Holocaust* (New York: Macmillan, 1990).

71. “Ukrains’kyi narode!” OUN(b) fl yer, July 1, 1941, TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 42, l. 35. See also Dieter Pohl,

Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944: Organization und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens, 2d ed. (Munich: Verlag Oldenburg, 1997), 57.

72. Kul'chyts'kyi, *OUN v 1941 rotsi* (2006), 11; Himka, "Central European Diaspora," 19.

73. Berkhoff and Carynyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists," 150.

74. Volodymyr Serhiichuk, ed., *OUN-UPA v roky viiny: novi dokumenty i materialy* (Kyiv: Vydavnytstvo khudozhnoi literatury "Dnipro," 1996), 239.

75. Rossolinski-Liebe, "The 'Ukrainian National Revolution' of 1941," 99, citing TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 22, ll. 1–27.

76. Gabriel N. Finder and Alexaner V. Prusin, "Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust," *East European Jewish Affairs*, 34, no. 2 (2004): 102; Berkhoff and Carynyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists," 171.

77. Rossolinski-Liebe, "The 'Ukrainian National Revolution' of 1941," 100. Similar attitudes were found within the OUN(m). Its organ *Selians'ka dolia* described the Jews as enemies, who "had to leave the land or die on it. The Muscovite, the Pole, and the Jew were, are, and will always be your enemies." Amir Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001), 242–243, citing TsDAHO Ukrainy, f. 57, op. 4, d. 369, l. 63.

78. Heer, "Blutige Ouvertüre"; Kai Struve, "Layers of Violence: Mass Executions and Pogroms against Jews in Eastern Galicia in Summer 1941," paper presented at the Fifth Annual Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukrainian Studies, University of Ottawa, October 30, 2009.

79. John-Paul Himka, "The Lviv Pogrom of 1941," paper presented at the Association for the Study of Nationalities, the Harriman Institute, Columbia University, 16 April 2011.

80. Bruder, "*Den ukrainischen Staat*," 146, citing Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung*, 60 ff.; Text des Amtes Ausland/Abwehr vom Juli, 1941, IfZ, Fd 47, Bl. 47, Bl. 41; Ic/AO vom 2.7.1941, BArch-MA, RH 20-17/277, Bl. 91, 126 and 137.

81. On the pogroms, see Marco Carynnyk, *Furious Angels: Ukrainians, Jews, and Poles in the Summer of 1941* (forthcoming); on the pogroms in Dubne, see idem, “The Palace on the Ikva: Dubne, September 18th, 1939 and June 24th, 1941,” in Elazar Barkan, Elizabeth A. Cole, Kai Struve, eds., *Shared History—Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941* (Leipzig:

Leipziger Universitätsverlag, 2007; Band V of *Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte und Kultur*), 263–301; on Zolochiv, see idem, “Zolochiv movchyt,” *Krytyka*, no. 10 (2005): 14–17, on Lviv, see Himka, “Lviv Pogrom”; on Ivano-Frankiv’sk, see Abraham Liebesman, *During the Russian Administration: With the Jews of Stanislawow During the Holocaust* (Atlanta: n.p. 1990), 2–6; Joachim

Nachbar, *Endure, Defy, and Remember: Memoirs of a Holocaust Survivor* (Southfield, Mich.: J. Nachbar, c2003), 7–9; on Drohobych, see Bernard Mayer, *Entombed: My True Story: How Forty-Five Jews Lived Underground and Survived the Holocaust* (Ojus, Fla.: Aleric Press, c1994), 7–16; on Borylaw, Sabina Wolanski with Diana Bagnall, *Destined to Live: One Woman’s War, Life, Loves Remembered* (London: Fourth Estate, 2008), 31–35; on Kutu, see Abraham Klein, *My Life in Kutu: A shtetl destroyed* (Montreal: A. Klein, 2003), 126–128. Thanks to John-Paul Himka for these references.

82. Dieter Pohl, “Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda,” in Barkan, Cole, and Struve, eds. *Shared History—Divided Memory*, 305–315.

83. Viktor Khar’kiv “Khmara,” a member of both Nachtigall and then *Schutzmannschaft* battalion 201, wrote in his diary that he participated in the shooting of Jews in two villages in the vicinity of Vinnytsia. TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 57, ark. 17–18.

84. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 147.

85. Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies*, 2d ed. (Boulder, Colo.: 1981), *passim*.

86. The leader of the original UPA, Taras Bul’ba-Borovets, wrote that “the supporter of pathological *Führerprinzip* (*vozhdizm*), the banderite Kuzii, killed the two senior officers of the Ukrainian army, Colonel Mykola Stsibors’kyi and Captain Senyk-Hrybiv’skyi, who were leaders of the *Provid* of the OUN[(m)] and were travelling to Kyiv, by shooting them in the back on an open street.” Taras

Bul'ba-Borovets', *Armiia bez derzhavy: Slava i trahediia ukrains'koho povstans'koho rukhu. Spohady*. (Kyiv: Knyha Rodu, 2008), 154. The OUN(m) immediately accused the OUN(b) of the murders, which carried all the hallmarks of Banderite assassinations. TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 42, l. 33, "Podae do vidoma!" claims the two OUN(m) leaders "fell by the hand of fratricidal murder"; TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 42, l. 42, "Dvi klespsydry," accused the OUN(b) of the murder, claiming that Stsibors'kyi and Senyk were killed by "fratricidal bullets." German documents show that there was no German involvement in these murders.

87. Grzegorz Rossolinski-Liebe, "Celebrating Fascism and War Criminality in Edmonton: The Political Myth and Cult of Stepan Bandera in Multicultural Canada," *Kakanien Revisited*, December 29, 2010, 3: <http://www.kakanien.ac.at/beitr/fallstudie/GRossolinski-Liebe2.pdf> (accessed January 9, 2011), citing Federal'naia Sluzhba Bezopasnosti, Moscow, N-19092/T. 100 l. 233 (Stepan Bandera's prison card).

88. Marples, *Heroes and Villains*, 129.

89. "Olevsk," entry by Jared McBride and Alexander Kruglov, *Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945*, vol. 2, *German-Run Ghettos*, ed. Martin Dean (Bloomington: Indiana University Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, forthcoming); Jared McBride, "Ukrainian Neighbors: The Holocaust in Olevsk," unpublished working paper.

90. Bul'ba-Borovets', *Armiia bez derzhavy*, 247.

91. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 74; Marples, *Heroes and Villains*, 129–130, 309; Bul'ba-Borovets', *Armiia bez derzhavy*, 250–267; Report from Soviet agent "Iaroslav" to the deputy director of the third department of the GUKR NKO "Smersh," Nov. 23, 1944, HDA SBU, f. 13, sbornik no. 372, tom 5, l. 25, reports that "the local leadership of OUN North has partly begun a struggle to totally liquidate the "Bul'ba" party and to cleanse a large part of Volhynia from Red Partisans"; "Orientovka o deiatel'nosti ukrainsko-nemetskikh nationalistiov v zapadnykh oblastiakh Ukrainskoi SSR za period 1941–1944 g.g.: Sostavlena po materialam NKVD USSR," report from the Ukrainian SSR commissar Riasnoi of State Security, Kyiv, March 1944, HDA SBU f. 13, sbornik 372, tom 5, 199. This author uses the commonly used term OUN-UPA to describe the organization following its violent takeover by the *banderivtsy*, and to distinguish the post-1942 UPA from the organization

led by Bul'ba-Borovets', which had a quite different orientation and ideology. The OUN(b) perceived the UPA as its armed wing; its leadership was staffed with ranking OUN(b) cadres. From May 1943 Shukhevych was the leader of both the OUN(b) and the UPA, and even the UPA's own fliers used the term "OUN-UPA." While the OUN(b)-led UPA from July 1944 was formally subordinated to the so-called Ukrainian Main Liberation Council, UVHR, this organization was staffed by the leaders of the OUN(b): Shukhevych was responsible for military matters, Lebed' for foreign affairs in the General Secretariat. Bruder, "*Den Ukrainischen Staat*," 189, 194, 202. Bul'ba-Borovets' dismissed the idea that the UVHR would be anything but the OUN(b) leadership under a different name as a "falsification": "UVHR was the same and only OUN Lebed'-Bandera. Its 'Council'[*Rada*] was declared to be a new form of that same group of people, Lebed', Stets'ko, Father Hryn'okh, Roman Shukhevych, Stakhiv,

Lenkavs'kyi, Vretsium, Okhrymovych, Rebet, and others." Bul'ba-Borovets', *Armiiia bez derzhavy*, 291. Shukhevych himself emphasized the institutional continuity of the OUN(b) and UPA: "The new revolutionary organizations UVO and OUN were born out of the traditions of insurgent struggle, which they maintained through the entire, difficult 25-year period of occupation in order to in 1943 again put into action a massive insurgency—now under the name of UPA." T. Chuprynka [Roman Shukhevych], "Zvernennia Holovnoho komandira UPA R. Shukhevycha do voiakiv UPA, July 1946," cited in Volodymyr Serhiichuk et al. eds., *Roman Shukhevych u dokumentakh raiianskykh orhaniv derzhavnoi bezpeky, 1940–1950*, (Kyiv: PP Serhiichuk M. I., 2007), 2: 52.

92. See, for instance Martin Dean, *Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944* (New York: St. Martin's Press in association with the United States Holocaust Museum, 2000). See also Timothy Snyder, "To Resolve the Ukrainian Problem Once and For All: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947," *Journal of Cold War Studies*, no. 2 (1999): 97.

93. "[An] analysis of 118 biographies of OUN(b) and UPA leaders in Ukraine during World War II shows that at least 46% of them served in the regional and local police and administration, the Nachtigall and Roland Battalions, the SS Galicia Division, or studied in German-sponsored military schools, primarily, in the beginning of World War II. At

least 23% of the OUN(B) and UPA leaders in Ukraine were in the auxiliary police, Schutzmannschaft Battalion 201, and other police formations, 18% in military and intelligence schools in Germany and Nazi-occupied Poland, 11% in the Nachtigall and Roland Battalions, 8% in the regional and local administration in Ukraine during the Nazi occupation, and 1% in the SS Galicia Division.” Katchanovski, “Terrorists or National Heroes,” calculated from Petro Sodol, *Ukrains'ka povstancha armiiia, 1943–1949: Dovidnyk*, (New York: Proloh, 1994).

94. Report No. 4-8-2034, by Pavel Sudoplatov, the leader of the third department of the fourth UPR of the NKGB of the USSR, to Kobulov, Deputy People’s Commissar of the NKGB of the USSR, March 16, 1944 HDA SBU, f. 13, sbornik no. 372, tom. 5, l. 209.

95. Reichsführer-SS, Chef der Deutschen Polizei, Chef der Bandenkampfverbände Ic.-We./Mu. Tgb. Nr. 67/44 a. H. Qu. 4 Januar 1944 Ic.-Bericht über die Bandenlage ost für die Zeit von 16.12–31.12 1943, Natsional’nyi Arkhiv Respubliki Belarus’ (NARB), f. 685, vop. 1, sp. 1, t. 1, l. 8.

96. Timothy Snyder, *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003), 162.

97. Friedman, “Ukrainian-Jewish Relations,” 182.

98. Berkhoff, *Harvest of Despair*, 291.

99. Snyder, *Reconstruction of Nations*, 165.

100. Mykhail Dmytrievich Stepeniak fi le, HDA SBU, f. 6, d. 1510, tom. 1, ll. 29, 39.

101. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 166, citing Ereignismeldung UdSSR Nr. 126 of October 27, 1941, Meldung der Kommandeurs der Sipo und des SD in Lemberg, BArch Berlin-Lichterfelde, R 58/218, Bl. 323.

102. A UPA “pogrom” could look like this: “Before our military action we were given orders to kill and rob all Poles and Jews on the territory of the Dederkal’s’kyi *r[ai]o[n]*. I personally took part in the pogrom of Poles and Jews in the Dederlra’kyi *raion* in the village Kotliarovka May 10–15, 1943. There we burnt 10 Polish farmsteads, killed about 10 people, and the rest escaped.” “Protokol doprosa Vozniuka Fedora

Iradionovicha, 23 maia 1944,” HDA SBU, f. 13, spr. 1020, ark. 221–229. Thanks to Jared McBride for this reference.

103. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 100, citing Kommunikat Nr. 7, Archiwum Akt Nowych, Ambasada RP w Berlinie 3677, Bl. 262.

104. Władisław Siemaszko and Ewa Siemaszko, eds. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludność polską Wołynia 1939–1945*, 2 vols., (Warsaw: Wydawn. von Borowiecky 2000), 1:872; see also 2:1269. Other UPA songs had a similar content:

Zdobycij, zdobycijmy slawe! Let us achieve our glory!

Wykosimy wszystkich Lachów po Warszaw . . . We’ll cut down all Poles [Liakhy] all the way to Warsaw . . .

Ukraiński narodzie . . . Ukrainian nation. . . .

Zdobycij, zdobycijmy sile! Gather strength!

Zar(niemy wszystkich Lachów do mogily . . . We’ll butcher the Poles into their graves . . .

Ukrainski narodzie Ukrainian nation. . . .

Gdzie San, gdzie Karpaty..... From the river San, to the Carpatians, *gdzie Krym, gdzie Kauka* From the Crimea to the Caucasus

Ukraina—Ukraincom..... Ukraine for the Ukrainians, *a wszystkim przybledom—precz!*All aliens must go!

After (the Polish translation) in *ibid.*, 2: 1294. Grzegorz Motyka, cites the following OUN march: “Death, death, death to the Poles/Death to the Moscow-Jewish commune/The OUN leads us into bloody battle . . . Each tormentor will face the same fate/ One gallow for Poles [Liakh] and dogs.” Grzegorz Motyka, *Ukraińska partyzantka 1942- 1960: działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii* (Warsaw: Instytut Studiów Politycznych PAN; RYTM, 2006), 54.

105. Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 146.

106. Berkhoff, *Harvest of Despair*, 292.

107. Snyder, *Reconstruction of Nations*, 169.

108. Moshe Maltz, *Years of Horrors—Glimpse of Hope: The Diary of a Family in Hiding* (New York: Shengold, 1993), 147, entry for November 1944.

109. *Ibid.*, diary entry for November 1943, 107.

110. Carynnyk, “Foes of our Rebirth”; Per A. Rudling, “Theory and Practice: Historical Representation of the Activities of the OUN-UPA,” *East European Jewish Affairs*, 36, no. 2 (2006): 163–189.

111. John-Paul Himka, “The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust,” paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, November 12–15, 2009, 8.

112. “With the Poles gone and the Soviets approaching, UPA made a decision to find the remaining Jewish survivors and liquidate them. As the Germans had taught them, they made assurances to Jews that they would not harm them anymore, they put them to useful work in camp-like settings, and then they exterminated them. . . . These murders took place at the same time OUN was trying to make overtures to the Western Allies (as were the East European collaborationist regimes.) . . . What is absolutely clear, however, is that a major attempt was launched at this time to eliminate Jewish survivors completely.” *Ibid.*, 27.

113. Weiner, *Making Sense of War*, 264, citing interrogation of Vladimir Solov’ev, TsDAHO Ukrainy, f. 57, op. 4, d. 351, l. 52. On UPA murder of Jews, see Shmuel Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–1944* (Jerusalem: Yad Vashem and the Federation of Volhynian Jews, 1990), 268–273.

114. Threatened Poles sought help from the Germans, and in some cases, replaced local Ukrainians as police units. The UPA’s own records from spring 1944 show how the murder of Poles continued, now on the charges that the Poles collaborated with the Gestapo. One UPA document, for the period March 13–April 15, 1944, reports 298 Poles in 19 villages were killed, many farmsteads burnt down, but a fraction of the OUN-UPA murders at the time. “Zvit s protypol’stskykh aktiv,” Postii, l. V. 44, TsDAVO, f. 4620, op. 3, spr. 378, ll. 43–44. On the OUN(b)-led UPA murder of Jews in Galicia during this period, see Himka, “The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust,” 12–17.

115. Motyka, *Ukrai”ska partyzantka*, 295–297.

116. Himka, “The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust,” 28.

117. According to the most extensive study of the OUN-UPA's anti-Polish campaign, the number of Polish victims reach 130,800 when including the victims whose names could not be established. Ewa Siemaszko, "Bilans Zbrodni," *Biuletyn instytutu pamieci narodowej*, no. 7–8 (116–117) (July–August 2010): 93.

118. Motyka, *Ukranska partyzantka*, 346–347. Mixed families were quite common in the Polish-Ukrainian borderlands, where the custom was that boys inherited nationality after their father, girls after their mothers. Kresy literature contains many testimonies of murders within mixed families. Ewa and Wlodysław Siemaszko have registered forty-five victims of intrafamily killings in Volhynia alone. Most of the victims are known by surname. Siemaszko and Siemaszko, *Ludobójstwo*, 2: 1059, table 13.

119. Andrii Bolianovs'kyi, "Ivan Hryn'okh—Providnyyi diach ukrains'koho pidpillia," in Ivan Hryn'okh, *Boh i Ukraina ponad use*, ed. and introduction by Oleksandr Panchenko (Hadiach: Vydavnytstvo "Hadiach," 2007), 64–65. 120. TsDAVO Ukrainy, f. 4628, op. 1, d. 10, ll. 170–179, in Vorontsov, "OUN-UPA," 229.

121. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 376; Frank Golczewski, "Shades of Grey: Reflections on Jewish-Ukrainian and German-Ukrainian Relations in Galicia," in Ray Brandon and Wendy Lower, eds., *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization* (Bloomington: Indiana University Press, 2008), 143.

122. Bruder, "Den Ukrainischen Staat," 57; Friedman, "Ukrainian-Jewish Relations," 195; Berkhoff and Carynnyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists," 150; Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 74, 76.

123. Himka, "The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust," 28.

124. Friedman, "Ukrainian-Jewish relations," 189.

125. Spector, *Holocaust*, 271; Weiner, *Making Sense of War*, 263; Snyder, *The Reconstruction of Nations* 170; Dmytro Rybakov, "Marko Tsarynnyk: Istorychna napivpravda hirsha za odvertu brekhniu," *Levyi bereh*, November 5, 2009. http://lb.com.ua/article/society/2009/11/05/13147_marko_tsarinnik_istorichna.html (accessed November 6, 2009).

126. Spector, *Holocaust*, 279; Mykhailo V. Koval', *Ukraina v druhii svitovyi i velykyi vitchyzniani viinakh, 1939–1945 rr.*, (Kyiv: Dim Al'ternatyvy, 1999), 154.

127. Interrogation of activist Mykhail Dmitrievich Stepaniak, HDA SBU, f. 6, d. 1510, tom 1, l. 54. When working with Soviet interrogations, it is critical to keep in mind that the Soviets had special interests in demonstrating the OUN-UPA's German connections. Yet, they confirm a picture, borne out of other evidence, that Nazi Germany was but a secondary enemy of the OUN and UPA.

128. Ibid., ll. 71–72.

129. Ibid., l. 61.

130. Report from Soviet agent “Iaroslav” to the deputy director of the third department of the USSR People’s Commissariat of Defense Chief Counterintelligence Directorate “SMERSH” (Glavnoe upravlenie kontrrazvedki SMERSH GUKR-NKO, “Smersh,”) Nov. 23, 1944, HDA SBU, f. 13, sbornik 372, tom 5, l. 25.

131. Ivan Katchanovski, “Terrorists or National Heroes?” See also Stepaniak file, HDA SBU, f. 6, d. 1510, tom 1, ll. 42, 54.

132. Special resolution passed by the Third Congress of the OUN(b) in February 1943, TsDAVO, f. 3833, op. 1, spr. 102, ark. 1–4. Thanks to Marco Carynyk for this reference. See also Motyka, *Ukranska partyzantka*, 117, n. 47.

133. The Second Congress of the OUN(b) issued detailed instructions that the fascist salute should be executed by raising the right arm “slightly to the right, slightly above the peak of the head,” while exclaiming “Glory to Ukraine!” (*Slava Ukraini!*), to which fellow members responded “Glory to the Heroes!” (*Heroiam Slava!*). This section was omitted from the republished resolutions of the Second

Congress. Compare, for instance, *OUN v svitli postanov Velykykh Zboriv* (n.p.: Zakordonni Chastyny Orhanizatsii Ukrains’kykh Nationalistiv, 1955), 44–45, with the original 1941 publication, TsDAHO, f. 1, op. 23, spr. 926, l. 199 (*Postanovy II. Velykoho Zboru Orhanizatsii Ukrains’kykh Nationalistiv*, 37), cited in Rossolinski-Liebe, “The ‘Ukrainian National Revolution’ of 1941,” 90.

134. Per A. Rudling, “Szkolenie w mordowaniu: Schutzmannschaft Battalion 201 i Hauptmann Roman Szuchewycz na Bia”orusi 1942 roku,” in Bogulaw Paz (ed.), *Prawda historyczna a prawda polityczna w badaniach naukowych: Przykład ludobójstwa na kresach południowo-wschodniej Polski w latach 1939–1946*, (Wroc”aw: Wydawnictwo uniwersytetu Wroc”awskiego, 2011), 183–204.

135. Bul'ba-Borovets, *Armiiia bez derzhavy*, 254, citing "Vidkrytyi list da Chleniuv Provodu Orhanizatsii Ukrains'kykh Natsionalistiv Stepana Bandery," *Oborona Ukrainy: Chasopys' Ukrains'koi Narodn'oi Revolutsiinoi Armii*, Osoblyve vydannia ch. 1, August 10, 1943.

136. John-Paul Himka, *Ukrainians, Jews and the Holocaust: Divergent Memories* (Saskatoon: Heritage Press, University of Saskatchewan, 2009), 46; Kurylo and Khymka, "Iak OUN stavlylosia do ievreiv?" 260.

137. Carynnyk, "Foes of Our Rebirth," citing "Nakaz Ch. 2/43, Oblasnym, okruzhnym i povitovym providnykam do vykonannia," TsDAVO, f. 3833, op. 1, spr. 43, l. 9.

138. Himka, *Ukrainians, Jews, and the Holocaust*, 46–47.

139. Document scan available on the website of the Embassy of Ukraine in Canada, <http://www.ukremb.ca/canada/ua/news/detail/11684.htm> (accessed January 18, 2011).

140. Volodymyr V'iatrovych, *Stavlennia OUN do ievreiv: formuvannia pozytsii na tli katastrofy* (L'viv: Vydavnytstvo "MS", 2006), 73.

141. Kosyk adds Armenians, Lithuanians, Italians, Romanians, Hungarians, Germans, and Belgians. Kosyk, *The Third Reich*, 373–374. Some of these non-Ukrainian UPA participants appear to have been former Soviet POWs who had served as Schutzmannen but defected after Stalingrad, and other collaborators. U.S. intelligence also mentioned former members of the Slovak Hlinka Guard, former soldiers of the Ukrainian Waffen-SS division *Galizien*, but also "escaped German SS men." Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 79, citing Preliminary Reports I and Informant Report 35520 [undated], National Archives and Records Administration, (henceforth NARA), RG 319, IRR TS "Banderist Activity Czechoslovakia," v. 1, D. 190425.

142. "Through resurrection and sabotage we finally broke the strengths of the Muscovite-Jewish [*moskovs'ko-zhydovskyi*] occupant. When the war finally broke his physical extermination and our rise under the leadership of our leader Stepan BANDERA." Leaflet distributed in June 1942 on the occasion of the first anniversary of the Act of June 30, 1941. HDA SBU, f. 13, spr. 372, ch. 35, l. 200. On 1947, see f. 13, op. 376, tom 4, l. 363. On 1948, see f. 13, op. 376, tom 65, l. 243.

143. "To the brotherly Czech and Slovak nations," in Petro J. Potichnyj, ed., *English Language Publications of the Ukrainian Underground*, Litopys UPA, 17 (Toronto: Litopys UPA, 1988), 158.

144. For instance, an underground OUN(b) journal from 1946 describes the *History of the VKP(b)* as the "Bolshevik Talmud." *Ukrains'kyi robotnyk: Vydaie kraiovyi oseredok propahandy OUN*, No.1. (January 1946): 2.

145. Anna Holian, "Anticommunism in the Streets: Refugee Politics in Cold War Germany," *Journal of Contemporary History*, 45, no. 1 (2010): 144.

146. *Ibid.*, 147–148.

147. "Evrei—hromadiane Ukrainy," OUN(b)-UPA leaflet written in March 1950, HDA SBU, f. 13, d. 376, tom 65, ll. 283–294.

148. *Ibid.*, l. 293.

149. "Protokol doprosa obviniaemo Okhrymovucha Vasilia Ostapovicha ot 5 ianvaria 1953 g.," HDA SBU, f. 5, spr. 445, t. 4, ark. 297, printed in Volodymyr Serhiichuk et al., eds., *Stepan Bandera u dokumentakh radians'kykh orhaniv derzhavnoi bezpeky, 1939–1959*, (Kyiv: PP Serhiichuk M. I., 2009), 3: 385.

150. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 79, citing NARA, RG 319, IRR TS "Banderist Activity Czechoslovakia," v. 2, D. 190425.

151. "List R. Shukhevycha kerivnyku pidpillia na Volyni 'Dalekomu,' July 18, 1946, HDA SBU f. 65, spr. S-9079, t. 2 (dodatok), ark. 287 (konvert), in Serhiichuk et al., *Roman Shukhevych*, 2: 54.

152. Petro Poltava, "Elementy revolutsiinosti ukrains'koho natsionalizmu," *Ideia i chyn*, ch. 10 (1948), HDA SBU, f. 13, no. 376, t. 6, l. 223.

153. In fact, Lutze was not even in Volhynia at the time, but was killed in a car accident in Potsdam. Motyka, *Ukrainska partyzantka*, 202–203. This falsification appeared with UPA veterans in the early 1950s, and is often repeated by the nationalists. Volodymyr Kosyk, *Ukraina i Nimechchyna u Druhii svitovii viini* (Lviv: Naukove t-vo imeni T. Shevchenka u L'vovi, 1993), 325. "We Ukrainians are proud of the fact that . . . the Chief of Staff of the German S.A. Lutze, [was] killed in course of military operations by the UPA, under the command of General Taras Chuprynka, the former Ukrainian commander of the "Nightingale

Battalion.” Jaroslaw Stetzko, “The Truth About Events in Lviv, West Ukraine, in June and July, 1941: An Open Letter to the “Rheinische Merkur,” Cologne,” *The Ukrainian*

Review 10, no. 3 (Autumn 1963): 70.

154. R. Hryts’kiv, “Protypovstans’ka borot’ba,” in Volodymyr V”iatrovych et al., *UPA: Istoriiia neskorennykh* (Lviv: TsDVR, 2007), 281.

155. Burds, *The Early Cold War*, 13, citing a secret report from CIC Special Agent Vadja V. Kolombatovic to the Commanding Officer, CIC Region III, May 6, 1947, United States Army Intelligence and Security Command (INSCOM), Dossier ZF010016WJ, 1906–9.

156. Breitman and Goda, *Hitler’s Shadow*, 77, 79, citing Special Agent Fred A. Stelling, Memorandum for the Officer in Charge, August 1, 1947, TS Organization of Banderist Movement, NARA, RG 319, IRR Bandera, Stephan, D. 184850. The 1950 so-called Kelley Report, written by Robert F. Kelley for the United States Army, similarly estimated that perhaps 75–80 percent of the Galician DPs sympathized with the OUN(b). Robert F. Kelley, “Survey of Russian Emigration,” 92–93, 106–07, 111, 116, in Lebed archives, Harvard Ukrainian Research Institute, box 1, file 12. This document was declassified on 30 October 1992. Thanks to John-Paul Himka for this reference.

157. Evhen Lozyns’kyi (1909–1977), was a local leader of the OUN(b) in the Stanislaviv area. He stood behind the June 30 Akt, but was soon arrested by the Gestapo, imprisoned in Kraków, L’viv, and Auschwitz, and released only at the end of the war. A committed totalitarian and one of Stets’ko’s closest associates, Lozyns’kyi served as regional *providnyk* of the OUN(b) in Bavaria after the war using the *nom-de-guerre lur*. Emigrating to the United States, he was detained at the border and spent four months in detention for his alleged involvement in the planning of a terrorist act against Soviet Foreign Minister Vyshinskii. In the United States, he served on the OUN(b)’s own “court system” and as leader of the Ukrainian League of Political Prisoners. “Vypiska iz doneseniiia agenta . . . ot 17 avgusta 1944 goda,” HDA SBU, f. 13, spr. 372, ark. 346; “Protokol doprosa obviniaemogo Okhrymovicha Vasiliiia Ostapovicha ot 10 Marta 1953,” HDA SBU, f. 5, spr. 445, ark. 49; “Protokol doprosa Matvienko, Mirona Vasil’evicha,” HDA SBU, f. 6, spr. 56232, ark. 231–237; Mariia Lozyns’ka, “Pam”iati levhena Lozyns’koho (1909–1977),” *Svoboda*, no. 46, November 16, 2007, 29:

<http://www.svoboda-news.com/arxiv/pdf/2007/Svoboda-2007-46.pdf>
(accessed January 6, 2011).

158. As late as 1974, the RCMP investigated the “planning [of] a violent act—possibly the kidnapping of a Soviet diplomat in Canada” by the OUN(b). Inquiry 74WLO-2S-83, “Re: Acts of aggression against the Soviet Union in Canada,” inquiry from the RCMP Liaison Office, Washington D.C. to CIA, Washington, DC, December 9, 1974, NARA, RG 263, E ZZ-18, Stephen Bandera Name File, v. 2; Staatsarchiv München, Staatsanwaltschaften 34887, vol. 1, l. 59, document on the OUN in Bavaria written by Inspector Fuchs, September 13, 1960. Thanks to Grzegorz Rossolinski-Liebe for these references.

159. Heorhyi Kas'ianov, *Do pytannia pro ideolohiiu Orhanizatsii Ukrain's'kykh Nationalistiv (OUN): analitychnyi ohliad* (Kyiv: Instytut Istorii Ukrainy, 2003), 32; Iurii Kyrychuk, *Ukrains'kyi natsional'nyi rukh 40-50kh rokiv XX stolittia: ideolohiia ta praktyka* (L'viv: Dobra sprava, 2003), 356.

160. “Protokol’ doprosa obviniaemogo Okhrimovicha, Valieia Ostapovicha ot 21 oktabria 1952 g.,” HDA SBU, f. 5, spr. 445, t. 1., ark. 219.

161. Ibid., ark. 241.

162. Ibid., ark. 44, 48.

163. Ibid., ark. 69.

164. Burds, “The Early Cold War,” 16, 55–56.

165. “Stenogramma protokol doprosa Matvieiko Mirona Vasil'evicha ot 9 1952 g.,” HDA SBU, f. 6, spr. 56232, ark. 173–179.

166. Ibid., ark. 177; Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 83, citing [Redacted] to Director of Security, January 9, 1956, NARA, RG 263, E ZZ-18, B 6, Stephen Bandera Name File, v. 1; Chief Base Munich to Chief, SR, EGMA-19914, March 29, 1956, NARA, RG 263, E ZZ-18, B 6, Stephen Bandera Name File, v. 2, and enclosures; Deputy Director, Plans, to Department of State, July 1, 1957, NARA, RG 263, E ZZ-18, B 126, Jaroslav Stetsko Name File, v. 1; Joint US-UK Conference, January 20, 1955, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 10, Aerodynamic: Operations, v. 12, n. 1; Director, CA to [Redacted], DIR 00782, March 2, 1956, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 11, Aerodynamic: Operations, v. 13.

167. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 81, citing SR/W2 to SR-DC, EE/SSS, January 13, 1952, NARA, RG 663, E ZZ-19, B 10, Aerodynamic: Operations, v. 10, f. 1.

168. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 83, citing “[Redacted] to Director of Security, January 9, 1956, NARA, RG 263, E ZZ-18, B 6, Stephen Bandera Name File, v. 1; Chief of Base Munich to Chief, SR, EGMA-19914, March 29, NARA, RG 263, E ZZ-18, B 6, Stephen Bandera Name File, v. 2 and enclosures; Deputy Director, Plans, to Department of State, July 1, 1957, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 10, Aerodynamic: Operations, v. 12, n. 1; Director, CIA to [Redacted], DIR 00782, March 2, 1956, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 11, Aerodynamic: Operations, v. 13.

169. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 80–81.

170. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 82, citing “Our Relations with the Ukrainian Nationalists and the Crisis over Bandera,” attached to EGQA-37253, March 12, 1954, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 10, Aerodynamics: Operations, v. 10, f.2.

171. Goda and Breitman, 82, *Hitler's Shadow*, citing CIA/State Department—SIS/Foreign Office Talks on Operations Against the USSR, April 23, 1951, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 9, Aerodynamics: Operations, v. 9, f. 2.

172. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 80.

173. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 83, citing “Joint US-UK Conference, January 20, 1955, NARA, RG 263, E ZZ-19, B 10, Aerodynamic: Operations, v. 12, f. 1.

174. Pavelil's exiled Ustaše movement, reorganized in 1956 as the Croatian National Liberation Movement (*Hrvatski Oslobodila'ki Pokret*, HOP), joined Stets'ko's Anti-Bolshevik Bloc of Nations, and had its European headquarters in Franco's Spain.

175. “Protokol doprosa Matvieiko, Mirona Vasil'evicha ot 14–15 iolia 1951 goda,” HDA SBU, f. 6, spr. 56232, ark. 96

176. Taras Fedoriv, *Batkivshchina Bandery* (Staryi Uhryniv, Ukraine: Hromas'ka orhanizatsiia “Banderivs'ke zemliatsvo,” 2007), 10.

177. Slava Stetzko, “A.B.N. Ideas Assert Themselves: The 20th Anniversary of the Anti-Bolshevik Bloc of Nations (A.B.N.), 1943–1963,”

The Ukrainian Review 10, no. 3 (Autumn, 1963): 9, Lypovets'kyi, *OUN banderivtsi*, 76.

178. "Do Ponevolenykh Narodiv i ikh Emigratsii: Zvernennia IV velykoho Zboru OUN" *Vyzvol'nyi shliakh: Suspil'no-politychnyi i naukovoliteraturnyi misiachnyk*, kn. 10 (247), (October, 1968): 1166; S. Stetzko, "A.B.N. Ideas Assert Themselves," 9; Oleksandr Panchenko, "Peredmova," in Roman Il'nyts'kyi, *Dumky pro ukrains'ku vyzvol'nu polityku: Vstupne slovo Oleha Il'nyts'koho* (Hadiach: Vydavnytstvo 'Hadiach,' 2007), 34.

179. Father N. Bahatyr, "Molytva pid chas vidkryttia IV Velykoho Zboru OUN," *Vyzvol'nyi shliakh: suspil'no-politychnyi i naukovoliteraturnyi misiachnyk*, Vol. 11–12 (248–249), (November–December 1968): 1267.

180. "Protokol doprosa obviniaemogo Okhrimovicha Vasilia Ostapovicha 30 oktabria 1952," HDA SBU, f. 5, spr. 445, t. 2, ark. 136. Yet, the Reagan administration maintained friendly relations with the OUN(b). In August 1983, Yaroslav Stest'ko was invited to the White House and received by President Reagan and Vice President Bush. "Ukraina staie predmetom svitovoi polityky: u 25-littia tyzhnia ponevolenykh narodiv i 40-richcha ABN," *Homin Ukrainy*, August 17, 1983: 1, 3; "Politychnyi aspekt vidznachennia richnyts': TPN i ABN," *Homin Ukrainy*, August 24, 1983: 1, 4.

181. Panchenko, "Peredmova," 32, 41.

182. Handwritten testimony by Vasyl' Kuk, "Kharakterystyka osib natsionalistychnykh seredovyshch za kordonom: Seredovyshche ZCh OUN," HDA SBU, f. 6, spr. 51895, t. 2, ark. 37.

183. "Protokol doprosa obviniaemogo Okhrimovich Vasilia Ostapovicha ot 11 dekabria 1952 g.," HDA SBU, f. 5, spr.445, t.4,ark. 30.

184. Burds, *The Early Cold War*, 13, citing a secret report of CIC Special Agent Vadja V. Kolombatovic to Commanding Officer, CIC Region III, 6 May 1947, INSCOM Dossier ZF010016WJ, 1906–9.

185. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 86, Card Ref. D 82270, July 22, 1947, NARA, RG 319, E 134B, B 757, Mykola Lebed' IRR Personal File, Box 757.

186. "Protokol doprosa obviniaemogo Okhrimovicha Vasilia Ostapovicha ot 1 1952 g.," HDA SBU, f. 5, spr. 445, t. 2, ark. 183.

187. Holian, "Anticommunism in the Streets," 138.

188. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 88–89.

189. The Immigration and Naturalization Services saw in Lebed' a "clear-cut deportation case" due to his wartime record with its "wholesale murders of Ukrainians, Poles and Jewish (sic)," but he was protected by CIA Assistant Director Allen Dulles's personal intervention. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 86, citing NARA, RG 263, E ZZ-18, Box 80, Mykola Lebed Name File, v. 1.

190. Breitman and Goda, *Hitler's Shadow*, 88.

191. "Report details ties between US and ex-Nazis," *Associated Press*, December 10, 2010: <http://www.google.com/hostednews/ap/article/ALeqM5hJe2eJeWstJo3-tpdA7nw-vGP6Tg?docId=3faa07027f724e5da4c1837d8c41b788> (accessed December 15, 2010).

192. "Protokol doprosa obviniaemo Okhrimovicha Vasiliia Ostapovicha ot 21 oktiabria 1952 g.," HDA SBU, f. 5, spr. 445, t. 1, ark. 220.

193. Charles T. O'Connell, *The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition, Carl Beck Papers in Russian and East European Studies 808*. (Pittsburgh: University Center for Russian and East European Studies, 1990), 9f, 28–32. The Ukrainian National Rada, led by Andrii Livyts'kyi, at the time consisted primarily of by Petliurites and members of the OUN(m). By cooperating with Russian anticommunists, Bandera believed that the Melnykites had "broken the united front of hostility toward so-called cooperation with . . . Muscovite imperialists and their protectors." "Pis'mo Glavaria ZCh OUN Bandera Stepana, adresovannoe 'Provodu' OUN na Ukrainskikh zamliakh, 'Provodu' OUN L'vovskogo kraia, druz'iam Chernomu i Usmikhu," June 1955, HDA SBU, f. 13, spr. 379, t. 2, ark. 191.

194. Arch Puddington, *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty* (Lexington: The University Press of Kentucky, 2000), 168.

195. Evhen Shtendera (b. 1924) served as commander of political education in the UPA. Serhiichuk, *Stepan Bandera*, 3:8–9. See also HDA SBU, f. 5, spr. 445, t. 3, ark. 100–129, published in *ibid.*, 3: 318. After the war he became a librarian at the University of Regina, main editor of the

Litopys UPA, and from 1992, an instructor at the L'viv Polytechnic Institute.

196. Wolodymyr Kosyk (b. 1924) combined his academic career with clandestine activities in the OUN(b) and its youth section, the Ukrainian Youth Association, (*Spilka Ukrains'koi Molodi*, SUM). After the war he taught at the Ukrainian Free University in Munich. In 1957 he led an ABN mission in Taipei, in Chiang Kai-shek's Nationalist China. He published his research both with the Ukrainian Free

University in Munich and in the Banderite intellectual journal *Vyzvol'nyi shliakh*. Zirka Vitoshyn'ska, "Volodymyr Kosyk: 'Politychni podii vidbuvaiut'sia ne v zamknenomu koli iakohos' narodu, a v pevnomu vnutrishn'omu i zovnishn'omu politychnomu kontksti,'" *Dzerkalo Tyzhdnia*, August 19, 2006: <http://www.dt.ua/newspaper/articles/47531> (accessed January 18, 2011); S. Stetzko, "A.B.N. Ideas Assert Themselves,"¹¹. For his research, Kosyk was awarded a gold medal from the Ukrainian Free University in Munich in 2000, and the order *For Merit (Za zaslugi)* of the third degree from President Yushchenko himself in 2005. He is honorary director of the Center for the Study of the Liberation Movement in L'viv.

197. Taras Hunczak (b. 1932), with his brother, sister, and father, were members of the OUN. Taras Hunczhak, *Moi spohady—stezhky zhyttia* (Kyiv: Dnipro, 2005), 16, 22, 30.

198. On Veryha (1922–2009) in Waffen-SS, see Vasyl' Veryha, *Pid krylamy vyzvol'nykh dum* (Kyiv: Vydavnytstvo imeni Oleny Telihy, 2007). His works have been published by the Canadian Institute of Ukrainian Studies. See, for instance, Wasyl Veryha, ed., *The Correspondence of the Ukrainian Central Committee in Cracow and Lviv with the German authorities, 1939–1944* (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, University of Alberta, 2000).

199. Oleksa Horbatsch (1915–1997) was assistant professor at the Ukrainian Free University in Munich 1965–1967, full professor 1971–1990, professor emeritus 1991–1997. Mykola Shafoval and Roman Iremko, eds., *Universitas Libera Ucrainensis: 1921–2006* (Munich: Ukrainische Freie Universität, 2006), 122. Horbatsch was proud of his service as a soldier in the Waffen-SS and a regular contributor to the veterans' journal *Visti kombatanta*. Bohdan Matsiv, ed., *Ukrains'ka dyviziia "Halychyna": Istoryia u svitlynakh vid zasnuvannia u 1943 r. do zvil'nennia z polonu 1949 r.* (Lviv: ZUKTs, 2009), 218–219, 254; Mykola

Mushynka, "Ioho biohrafii ia v ioho naukovykh pratsiakh: Do 75-richcha z dnia narodzhennia Prof. Oleksy Horbacha z Nimechchyny," *Druzhno vpered: Shchomisiachnyi kul'turnohromads'kyi iliustrovanyi zhurnal, vydae Soiuz rusyniv-ukraintsiv Slovachchyny*, no. 3 (1993): 13.

200. Petro Savaryn (b. 1926) never held an academic position, but was one of the founders of the Canadian Institute of Ukrainian Studies and chancellor of the University of Alberta 1984–87. He also served as president of the World Congress of Free Ukrainians 1983–1987, and the Alberta Progressive Conservative party. He is also active in the society of the veterans of the Waffen-SS Galizien. Petro Savaryn, *Z soboiu vzialy Ukrainu: Vid Tarnopillia do Al'berty* (Kyiv:KVITs, 2007), 275.

201. Ivan Hryn'okh (1909–1994), veteran and chaplain of the Nachtigall and Schutzmannschaft Battalion 201, worked at the Ukrainian Free University in Munich, as assistant professor 1974–1977, full professor 1978–1990, professor emeritus 1991–1994. Shafoval and Iaremko, *Universitas Libera Ucrainensis*, 122.

202. Petro Mirchuk (1913–1999) was arrested by the Germans in 1941 and spent the war in internment camps, including Auschwitz. Immediately after the war he was responsible for OUN(b) propaganda in occupied Germany. He was one of Stepan Bandera's close allies and a stern adherent of totalitarianism. Mirchuk's writings are representative of the sort of pseudo-scholarship the OUN(b) produced after the war. He received a J.D. in 1941 and a Ph.D. in 1969 from the Ukrainian Free University in Munich, and wrote several widely cited chronicles on the history of the OUN. He combined academic activities with high-ranking positions in the OUN(b). Posivnych, *Zhyttia i diial'nist' Stepana Bandery*, 140. Mirchuk was also used as an "expert" for the defense during the OSI hearings on deportation.

203. Markus Huss, "Male Historians in Exile: Constantly Relating to Their Background," *Baltic Worlds* 3, no. 1 (2010): 17–18.

204. Some of the more prominent examples are found in the writings of Mykola Riabchuk, according to whom "Ukraine is not just a 'normal' nation," but rather, "a postcolonial country shared near equally by the 'aboriginal' and 'settler' communities." Riabchuk juxtaposes the "aboriginal" Ukrainians to the Sioux population with (non-Ukrainian) "settlers" and invokes Hollywood images of *Dances with Wolves*. Under these conditions, Riabchuk argues that a part "of Bandera's legacy remains relevant—that of patriotism, national solidarity, self-sacrifice,

idealistic commitment to common goals and values.” Mykola Riabchuk, “Bandera’s Controversy and Ukraine’s Future,” *Russkii vopros*, no. 1, 2010:

http://www.ruskiivopros.com/?pag=one&id=315&kat=9&csl=46#_edn13 (accessed April 28, 2010); idem, “Ukraine: Revisiting a ‘Success Story’?” *Transitions Online*, issue 10/17/2006: 4. On Riabchuk’s use of postcolonial rhetoric in the service of nationalism, see Rudling, “Iushchenkiv fashyst,” in Amar, Balyyn’skyi, and Hrytsak, *Strasti za Banderoiu*, 254, and Roman Dubasevych, “Dity rozpachu,” *zakhid. net*, December 20, 2010: <http://zaxid.net/article/82258/> (accessed December 20, 2010).

205. Following president Yushchenko’s designation of Stepan Bandera as Hero of Ukraine in January 2010, CIUS director Zenon Kohut defended Bandera and denied the fascist nature of the OUN. Zenon Kohut, “Ukrains’kyi natsionalizm,” 145–146, and Rudling, “Iushchenkiv fashyst.”

206. Only in the past few years have scholars started to give these institutions serious attention. See, for instance, O’Connor, “The Munich Institute for the Study of the USSR;” Holian, “Anticommunism in the streets;” Julia Delande, “‘Building a Home Abroad’—A Comparative Study of Ukrainain Migration, Immigration Policy and Diaspora Formation in Canada and Germany after the Second World War,” Ph. D. Dissertation, Hamburg University, 2006; Huss, “Male Historians in Exile;” Rossoli#ski-Liebe, “Celebrating Fascism.”

207. Frank Golczewski, “Besprechung,” *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*, 44, no. 4 (1996): 592 ff, cited in Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 12.

208. Berkhoff and Carynnyk, “The Organization of Ukrainian Nationalists,” 149; Himka, “War Criminality,” 11; Bruder, “*Den ukrainischen Staat*,” 12–13; Krzysztof Lada, “Creative Forgetting: Polish and Ukrainian Historiographies on the Campaign against the Poles in Volhynia during World War II,” *Glaukopis*, no. 2/3 (2005): 346; Himka, “First Escape: Dealing with the Totalitarian Legacy in the Easrly Postwar Emigration,” paper presented at the Workshop on “National Politics and Population Migrations in Central and Eastern Europe,” Center for Austrian Studies, University of Minnesota, Minneapolis, 7–8 April, 2006, 7; idem, “Central European Diaspora,” 22; Jeffrey Burds, “Access Restrictions in Central European Archives,” round table discussion at the

fortieth national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Philadelphia, November 23, 2008.

209. Thus, only in 1996 did a complete version of Stets'ko's Akt of June 30, 1941, retaining the statement that the Ukrainian state would "cooperate closely" with Nazi Germany, appear in print. Volodymyr Serhiichuk, ed., *OUN-UPA v roky viiny: Novi dokumenty i materialy* (Kyiv: NAN Ukrainy, 1996), 239–240. Confronted with primary documents that establish the anti-Semitic nature of the OUN, pronationalist historians have sometimes dismissed them as Soviet forgeries. See, for instance, Taras Hunczak, "Problems of Historiography: History and Its Sources," *Harvard Ukrainian Studies* 25 (2001): 129–142. For a discussion of this, see Himka and Kurylo, "Iak OUN stavylasia do ievreiv?" 253.

210. Burds, "Access Restrictions," 2008.

211. Himka, "War Criminality," 9–24; idem, "Central European Diaspora," 17–31; Rudling, "Iushchenkiv fashyst," 237–309; Rossoli#ski-Liebe, "Celebrating Fascism."

212. Lew Shankowsky, "Pro problemu antysemityzmu v Ukraini," *Svoboda*, February 3, 1960, cited in Himka, "War Criminality," 10.

213. Berkhoff and Carynyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists," 152, citing Bohdan Osadczuk, "Curesy i cymesy," *Zustriczi* 9 (1995): 30. Yet, during the war, Osadczuk (1920–2011) published anti-Semitic material in the collaborationist press in occupied Poland. Covering the Ustaše press for *Krakivs'ki Visti*, Osadczuk reported: "The mass graves in Vinnytsia, *Hrvatski Narod* states, is new proof of the politics of destruction that the Jews from the Kremlin have conducted among the Ukrainian people. The murdered Ukrainians again throw guilt on Stalin and his Jewish collaborators and summon the world to an implacable struggle against the Jewish-Bolshevik threat, which would like to bring upon Europe the same fate that the defenseless victims in Vinnytsia met." B[ohdan] O[sadchuk], "Kryvava propahanda Ukrainy: Vynnytsia v evropeis'kii presi," *Krakivs'ki visti*, August 7, 1943., cited in John-Paul Himka, "Ethnicity and the Reporting of Mass Murder: *Krakivs'ki visti*, the NKVD Murders of 1941, and the Vinnitsa Exhumation," paper presented at the University of Alberta Holocaust Workshop, January 14, 2005, 13.

214. Taras Hunczak, "Ukrainian-Jewish Relations during the Soviet and Nazi Occupations," in Yuri Boshyk, ed., *Ukraine during World War II: History and Its Aftermath* (Edmonton: CIUS, 1986), 42, 45.

215. One of the initiators of the Waffen-SS division Galizien, Kubijovyč endorsed ethnic cleansing of Ukrainian lands and published anti-Semitic material during the Holocaust. Volodymyr Kubijovyč, "Pered maiestatom nepovynnoi krov," *Krakivs'ki visti*, July 8, 1941, cited in John-Paul Himka, "The Reception of the Holocaust in Postcommunist Ukraine," in Joanna Michlic and John-Paul Himka, eds., *Bringing to Light the Dark Past: The Reception of the Holocaust in Postcommunist Europe* (forthcoming); John-Paul Himka, "Ethnicity and the Reporting of Mass Murder," 19; Per A. Rudling, "Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology," *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes* 48, nos. 1–2 (March-June 2006): 96.

216. Bohdan Wytwycky, "Anti-Semitism," in Volodymyr Kubijovyč, ed., *Encyclopedia of Ukraine* (Toronto: CIUS Press 1984), 1: 82. On Wytwycky's writings on Jews as communists and NKVD men, see Rudling, "Organized Anti-Semitism," 98–99, n. 81.

217. Petro Mirchuk, *My Meetings and Discussions in Israel: Are Ukrainians "traditionally anti-Semites"?* (New York: Ukrainian Survivors of the Holocaust, 1982), 121.

218. Bruder, "*Den Ukrainischen Staat*," 167, n 69, citing Petro Mirchuk, *In the German Mills of Death, 1941–1945*, 2d ed. (New York, 1985), 17.

219. Mirchuk habitually refers to Poles as "degenerates," Jews as blood-suckers, Russians as Mongols and tyrants. Mirchuk, *My Meetings and Discussions in Israel*, 116, 118, 121, 122. He accused Jews of controlling the U.S. courts. "What is 'Jewish justice' doing in American courts? And why 'Jewish' and not American justice? Are we a colony of theirs? It's not enough that our government gives Israel billions of our tax money each year for nothing, and now American courts must yield to Jewish demands? . . . Goebbels himself wouldn't have been able to turn the Americans against the Jews the way they did it themselves. . . . I repeat again and again, not as an 'anti-Semite' but as your friend: the abuse of your influence in America for the purpose of persecuting innocent Ukrainians by accusing them of cooperation with the Germans—is merely sowing the wind. And everyone is familiar with the

proverb: 'Who sows in the wind, reaps the storm!' Think over this carefully! . . . I'm not threatening you with pogroms, I'm only warning you. All of those who have come to America from Eastern European countries, occupied by the Bolsheviks, know a great deal about the role of the Jews in the recent history of these lands—a role which, for your own good, it would be better to cover-up before the American public. But with these trials of 'war criminals'—the so-called murderers of innocent Jews—you're provoking them to reveal everything incriminating against the Jews. Is this what you want? These East-European émigrés have children and grandchildren, born and raised as American citizens. When you maliciously and groundlessly accuse their forbearers of imaginary crimes—and even generalize the accusation by claiming for example that all Ukrainians 'are anti-Semites'—then they, in turn, seeking to know the truth, learn from their parents about the role of the Jews in the apparatus of the bloody CheKa, GPU, NKVD, KGB; and they pass on this information to all their American acquaintances, co-workers, professors, journalists, et al. Tell me, do you really want that?" Ibid., 124–127.

220. Mirchuk, *My Meetings and Discussions in Israel*, 66. (*Srul* is a derogatory term for Jews.)

221. Orest Subtelny, *Ukraine: A History* (Toronto: University of Toronto Press, 2000), 489. This view came to have an impact also on Ukraine, as Subtelny's textbook, in Ukrainian translation, was widely used in Ukraine during the first years of independence. Marples, *Heroes and Villains*, 7, 23, 40–41.

222. In a discussion at the Fifth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, the Chair of Ukrainian Studies, the University of Ottawa, October 30, 2009, Potichnyj argued that Jews, killed by the UPA, were killed because they were communists. Interviewed by the *Washington Post*, he elaborated on this idea. "As for the killings of Jews and Poles, Potichnyj argues that no matter where guerillas fight for liberation, it's a messy affair. The Poles provoked the Ukrainians, he said. 'With respect to Jews,' he said, 'obviously, in the situation there must have taken place some killing of the Jews, although in 1943, when the UPA was quite strong, there were hardly no Jews left because the Germans had, unfortunately, killed them all off. But there were some remnants, and the remnants were either working with the Ukrainian underground or they were working with the Soviets.' Those allied with the Red partisans were obviously enemies of the

underground, he said.” John Pancake, “In Ukraine, movement to honor members of WWII underground sets off debate,” *Washington*

Post, January 6, 2010: A7; John Paul Himka [Ivan-Pavlo Khymka], “Chy ukrains’ki studii povynni zakhyshzhaty spadshchynu OUN-UPA?,” in Amar, Balyns’kyi, Hrytsak, *Strasti za Banderoiu*, 163.

223. “What is also indisputable is that many Jews served in the Soviet secret police during that period of Soviet rule in Western Ukraine. Naturally, Himka fails to mention the Jewish complicity which may have pointed to the motive of any number of oppressors. . . . While being Jewish in and of itself, certainly, was not reason to be killed, being Jewish was not immunity from being attacked when you sided and fought with the enemy.” Askold S. Lozynskyj, “Rewriting history: An evidentiary perspective,” *KyivPost*, February 16, 2010: http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/59650/print/ (accessed February 22, 2010).

224. Volodymyr Serhiichuk, *Nasha krov—na svoii zemli* (Kyiv: Ukrains’ka vydavnycha spilka, 2000), 56–57; Volodymyr Serhiichuk, *Trahediia Volhyni: Prychynyi perebih pol’s’ko-ukrains’koho konfl iktu v roky druhoi svitovoi viiny* (Kyiv: Ukrains’ka vydavnycha spilka, 2003). For a discussion on Serhiichuk, see Marples, *Heroes and Villains*, 232–233, 236–237.

225. See the interview with Volodymyr V”iatrovych, to which we will return to later. Masha Mishchenko, “Pratsivnyk SBU: My izdyly v Izrail’ pobachaty dos’e proty Shukhevycha—a ioho prosto ne issue,” *UNIAN*, March 25, 2008: <http://unian.net/news/print.php?id=242913> (accessed April 8, 2008).

226. For instance, on November 10, 2010 during the trial in Kyiv regarding the legality of Yushchenko’s collective designation of the OUN and the UPA as Heroes of Ukraine, Petro Mykytovych Perepust, representing the Sumy chapter of the far-right Ukrainian National Assembly-Ukrainian National Self Defense (UNA-UNSO), justified the “murder, dismemberment, and slaughter [*i ubyvaty, i pyliaty, i rizati*]—that is done all across the world when one people fight for their independence, they kill other people.” Legal argument, case 2a-6732/10, “Za Pozovom Vitrenko Natalii Mykhailivni do Prezydenta Ukrainy shchodo vyznannia nezakonnym Ukazu Prezydenta Ukrainy vid 28 sichnia 2010 roku No. 75/2010 ‘Pro vshanuvannia uzhasnykh borot’by za nezalezhnist’ Ukrainy u XX stolitti,” Okruzhnyi Administrativnyi sud

mista Kyeva, November 10, 2010. Press release, November 12, 2010. The proceedings are also available online: <http://www.youtube.com/watch?v=znQjFCNCAXg> (accessed November 12, 2010). Thanks to Krzysztof Janiga for this material.

227. In an interview, the 87-year-old Volhynian UPA veteran Ivan Hnatevych Kisliuk (b. 1923) presses the book *Armiiia bez Derzhavy*, by the founder of the original UPA, into my hands, and told me to open to page 253. It reads: “In the end of July 1943 the General Staff of the UNRA issued an appeal to the Ukrainian people, in which it protested against all those measures, which were condemned as the disreputable acts of blinded totalitarians, and emphasized that the full responsibility for the crimes falls upon the leader of the OUN Bandera, Mr. Mykola Lebed’-Ruban.” “See, Ruban, Jew! [zhyd!],” Mr. Kisliuk said, pointing at Lebed’s Ashkenazi-sounding *nom de guerre*, which to him proved Jewish responsibility for the Volhyn massacres. Bul’ba-Borovets’, *Armiiia bez derzhavy*, 253. Personal interview, Kyiv-Troishchina, Ukraine, September 23, 2010.

228. Weiner, *Making Sense of War*, 161–172.

229. V. R. Nakhmanovych, “Bukovyns’kyi Kurin’ i masovi rozsteli evreiv Kyiva voseni 1941 r.,” *Ukrains’kyi istorychnyi zhurnal* no. 3 (474), (May–June 2007): 90.

230. John-Paul Himka, “The Reception of the Holocaust.”

231. Himka, “War Criminality”; idem, “Central European Diaspora”; Glenn Sharfman, “The Quest for Justice: The Reaction of the Ukrainian-American Community to the John Demjanjuk Trials,” *Journal of Genocide Research* 2, no. 1 (2000): 65–87.

232. Petro J. Potichnyj was one of the few exceptions among the pronationalist scholars. He reached out to the Jewish community, aiming at a dialogue. Howard Aster and Peter Potichnyj, *Jewish-Ukrainian Relations: Two Solitudes* (Oakville, ON: Mosaic Press, 1983); idem, eds., *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective* (Edmonton: CIUS and University of Alberta, 1990).

233. Berkhoff and Carynnyk, “The Organization of Ukrainian Nationalists,” 149, 151, 152, citing Mykola Lebed’, “Orhanizatsiia protynimets’koho opouru OUN, 1941–1943 rokiv,” *Suchasnist’*, no. 1–2 (January–February 1983): 154.

234. Berkhoff and Carynnyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists," 151, citing Wolodymyr Kosyk, "Problems of the History of OUN and UPA," *Ukrainian Review* 40 (Spring 1993): 26–27.

235. Petro J. Potichnyj, in Yevhen' Shtendera and Petro J. Potichnyj, eds., *Litopys UPA*, vol. 17, *English-Language Publications of the Ukrainian Underground* (Toronto: Litopys UPA, 1988), 140.

236. Taras Hunczak, "Between Two Leviathans: Ukraine during the Second World War," in Bohdan Krawchenko, ed., *Ukrainian Past, Ukrainian Present: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990* (New York: St. Martin's Press, 1993), 99.

237. Alexander Motyl, *The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919–1929* (New York: Columbia University Press, 1980), 166.

238. Alexander Motyl, "Ukraine, Europe, and Bandera," Cicero Foundation Great Debate Paper, 10/05 (March 2010), 6: [http://www.cicerofoundation.org/lectures/Alexander J Motyl Ukraine Europe and Bandera.pdf](http://www.cicerofoundation.org/lectures/Alexander%20J%20Motyl%20Ukraine%20Europe%20and%20Bandera.pdf) 6.

239. "It makes no sense to refer to Eastern Europeans, who were regarded by the Germans as subhumans, as 'Nazi' war criminals; they were not allowed to join the Nazi Party." Myroslav Yurkevich, in "Discussion," in Bozhyk, *Ukraine in World War II*, 158. Yet, National Socialism attracted many Eastern Europeans. In fact, Nazi Germany categorically banned any use of swastikas and other Nazi symbols in the émigré press, as well as prohibited the use of the term "National Socialist" in the names of any Slavic émigré organizations in Germany. Iury Hrybouski, "Belaruski rukh i Niamechchyna napiaredadni i u pachatku Druhoi sus'vetnai vainy," *ARCHE* No. 5 (80), (May 2009): 152.

240. Hunczak, "Ukrainian-Jewish Relations," 44–45. Similarly Mykola Riabchuk describes the OUN's collaboration and anti-Semitism as "rather disputable" and relies on Motyl's definition, in which collaborators are "individuals or groups who abandon their sovereign aspirations and serve another power's goals." Mykola Riabchuk, "Bandera's Controversy and Ukraine's Future," citing Motyl, "Ukraine, Europe, and Bandera," 6.

241. Daniel Ursprung, "Faschismus in Ostmittel- und Südosteuropa: Theorien, Ansätze, Fragestellungen," in *Der Einfluss von*

Faschismus und Nationalsozialismus auf Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa, ed. Mariana Hausleitner and Harald Roth (Munich: IKGS-Verlag, 2006), 22.

242. Alexander Motyl, "Is Putin's Russia Fascist?" *National Interest Online*, December 3, 2007: <http://nationalinterest.org/commentary/inside-track-is-putins-russia-fascist-1888>.

243. Motyl, "Is Putin's Russia Fascist?" and idem, "Surviving Russia's Drift to Fascism," *Kyiv Post*, January 17, 2008: <http://www.kyivpost.com/opinion/oped/28182/> (both accessed January 15, 2011).

Andreas Umland has taken Motyl to task over his use of this terminology. "If we would apply Motyl's loose conceptualization of fascism to contemporary world history, we might find so many 'fascisms' that the term would lose much of its heuristic and communicative value. . . . Motyl's comment is in so far unconstructive as he deprives researchers of Russian nationalism of an important analytic tool." Andreas Umland, "Is Putin's Russia Really 'Fascist'? A Response to Alexander Motyl": <http://www.globalpolitician.com/print.asp?id=4341> (accessed January 15, 2011).

244. Motyl, "Ukraine, Europe, and Bandera," 14.

245. Wilfried Jilge, "Competition Among Victims? The Image of the Other in Post-Soviet Ukrainian Narratives on World War II," in Heorhii Kas'ianov, ed., *Obraz inshoho v susidnikh istoriakh: mifi , stereotypy, naukovi interpretatsii: Materialy mizhnarodnoi naukovi konferentsii, Kyiv, 15–16 hrudnia 2005 roku* (Kyiv: NAN Ukrainy, Instytut istorii Ukrainy, 2008), 66.

246. This interpretation has found a receptive audience among some pro-OUN and UPA diaspora historians. See, for instance, Canadian Institute of Ukrainian Studies Director Zenon Kohut's reply to John-Paul Himka "Re: Should Ukrainian Studies Defend the Heritage of OUN-UPA?" February 12, 2010. Dominique Arel's Ukraine List, UKL 441 (Bandera-OUN and Famine Debates), February 16, 2010: <http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/UKL441.pdf>.

247. For instance, public intellectual Mykola Riabchuk sees no difficulty with the UPA cult, as long as the focus remains on their "ethical rather than ideological values" and as long as their ideology, ethnic cleansing or mass murders are not celebrated. "The UPA fighters . . .

are praised first of all for their patriotism and commitment to the national-liberation cause, for their idealism and dedication, for spiritual strength and self-sacrifice.” Mykola Riabchuk, “Ukraine: Neither Heroes nor Villains: Review of *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*, by David Marples (Budapest: Central European Press, 2007),” *Transitions Online*, 6 February 2007.

248. See, for instance, the interview with Volodymyr V’iatrovych, Masha Mishchenko, “Pratsivnyk SBU.”

249. See, for instance Peter J. Potichnyj and Yevhen Shtendera, eds., *Political Thoughts of the Ukrainian Underground, 1943–1951* (Edmonton: CIUS and University of Alberta, 1986); Himka, “War Criminality,” 11. See Rudling, “Theory and Practice”; &ada, “Creative Forgetting;” Marples, *Heroes and Villains*, 298–301; Dietsch, *Making Sense of Suffering*, 147–176; Grzegorz Rossolinski-Liebe, “Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs über den polnisch-ukrainischen Konflikt, 1943–1947,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 57, no. 1 (2009): 54–85.

250. Howard Aster, “Reflections on the Work of Peter J. Potichnyj,” *Journal of Ukrainian Studies* 21, no. 1–2 (1996): 226–227. Potichnyj largely limits his focus to the period during which OUN and UPA took a more liberal and open position to national minorities. See, for instance, Potichnyj and Shtendera, *Political Thoughts of the Ukrainian Underground*, a collection of essays partly based upon Mykola Lebed’s archives. Unsurprisingly, there is next to nothing in the *Litopys UPA* on the topic of the Volhynian massacres in 1943, and total silence on UPA murders of Jews.

251. Andreas Umland, “Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen,” *Ukraine-Analysen*, no. 41 (2008): 7–10. Émigré nationalists who reestablished contacts in Ukraine, used to clandestine work, were often disappointed the organization and nature of the nationalists in the old country. See, for instance, Sukhovers’kyi, *Moi Spohady*, 237.

252. For examples of this narrative, see Petro Sodol, “Foreigners in the UPA,” *Ukrainian Quarterly* 58, no. 4 (2002): 342–348; Volodymyr Kosyk, “Organizational Conditions and the Initial Struggle of the Ukrainian Insurgent Army (UPA),” *Ukrainian Quarterly* 58, no. 4 (2002): 310–325; Volodymyr Viatrovych, [V’iatrovych] “The Communist Alliance against the Ukrainian Insurgent Army (UPA),” *Ukrainian Quarterly* 58, no.

4 (2002): 326–341; Herbert Romerstein, “The KGB Disinformation Campaign Against Ukrainians and Jews,” *Ukrainian Quarterly* 58, no. 4 (2002): 349–360.

253. Serhiichuk, *Nasha krov—na svoii zemli*, 3, 42, 77.

254. Vasyly' Derevyns'kyi, *Stavlennia OUN(b) i UPA do susidnykh narodiv ta natsional'nykh menshyn* (Kyiv: Natsional'na Akademiia nauk Ukrainy, Instytut istorii Ukrainy, 2006), 44.

255. Serhii Hrabovs'kyi, “Tak proty koho zh voiuuvav Shukhevych u Bilorusi?” *Ukrains'ka Pravda*: <http://www.pravda.com.ua/news/2007/11/13/66774.htm> (accessed November 18, 2007). On Hrabovs'kyi's celebration of OUN-UPA and Waffen-SS division Galizien, see Marples, *Heroes and Villains*, 231–232.

256. Hunczak, “Problems of Historiography,” 136.

257. Morton Weinfeld, *Like Everyone Else . . . but Different: The Paradoxical Success of Canadian Jews* (Toronto: McClelland & Stewart, 2001), 213–214; Daniel Mendelsohn, *Lost –A Search for Six of Six Million* (London: HarperCollins, 2007), 99; Golczewski, “Shades of Grey,” 114–155.

258. See, for example, Himka, “The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust,” 15, citing the USC Shoah Foundation Institute for Visual History and Education, 20586 Jack Glotzer, 12–15; Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews*, 358; Ahron Weiss, “Jewish-Ukrainian Relations in Western Ukraine During the Holocaust,” in Peter J. Potichnyj and Howard Aster, eds., *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective* (Edmonton: CIUS and University of Alberta, 1990), 409–420; Weiner, *Making Sense of War*, 270–271.

259. See Mykola Lebed, *UPA: Ukrains'ka Povstans'ka Armiia* (n.p. 1946), 35–36; for other early claims on Jews in UPA, see Petro Mirchuk, *Ukrains'ka Povstans'ka Armiia, 1942–1952* (Munich: Cicero, 1953), 69–72.

260. Lebed', *Ukrains'ka Povstans'ka Armiia*, 35–36, cited in Friedman, “Ukrainian-Jewish Relations,” 204.

261. Leo Heiman, “We Fought For Ukraine—the Story of Jews Within the UPA,” *Ukrainian Quarterly*, vol. 20, no. 2 (Spring 1964):33–44.

262. Dr. Stella Krentsbakh, “Zhyvu shche zavdiaky UPA,” in Petro Mirchuk and V. Davydenko, eds., *V riadakh UPA: Zbirka spomyniv buv.*

Voiakiv Ukrains'koi Povstans'koi Armii (New York: Nakladom T-va b. Voiakiv UPA v ZDA i Kanadi, 1957), 342–349.

263. “The questionable source mentioned here is the ‘memoir,’ allegedly by a Jewish woman named Stella Kreutzbach, in *Nasha Meta*, Toronto 27 and December 4, 1954; *Ukrainske Slovo* (Buenos Aires), October 10, 1954; *Kalendar Almanakh na 1957 Rik* (*Calendar Almanac for 1957*) (Buenos

Aires): 92–97. *Kalendar* also features an article by Dmitry Andreyewsky (pp. 88–91), in which he states that Stella Kreutzbach went to Palestine after the war, where she was later employed as a secretary in the foreign ministry, and that several weeks after the publication of her memoirs in the *Washington Post* (which the Ukrainian publication credited for first releasing the memoirs) she was mysteriously shot and killed. I checked the *Washington Post* of that period and did not find the memoirs. At my request, Dr. N. M. Gelber of Jerusalem made inquiry in the foreign ministry there; the reply was that the ministry had never had an employee by that name and that such a case of homicide was entirely unknown. Moreover, a careful analysis of the text of the ‘memoirs’ has led me to the conclusion that the entire story is a hoax. Similarly, the Ukrainian writer B. Kordiuk labels the story ‘a mystification’; he states that ‘none of the members of the UPA’ known to him ‘ever met or heard of her.’” Philip Friedman, *Roads to Extinction: Essays on the Holocaust*, ed. Ada June Friedman, introduction by Salo Wittmeyer Baron (New York: Conference on Jewish Social Studies, Jewish Publication Society of America, 1980), 203–204.

264. The Krentsbakh/Kreutzbach forgery was also discussed in the Ukrainian émigré press, where the writer Bohdan Kordiuk concurred with Friedman’s conclusions: “The careful historian Friedman give the story of Dr. Stella Krentsbakh, who ‘Thanks UPA for her Life,’ which has been reprinted so many times, his attention, but finds nothing about her. And rightly so, since none of the UPA veterans, known by the author of these lines, either heard or knew of this legendary Stella Krentsbakh. Neither have any Jews heard of her. Hardly any one of the tens of thousands of Ukrainians refugees claim to have met this Stella Krentsbakh. The biography, attributed to her in certain places, does not hold up to critical scrutiny; claims that she would have been working in the Ministry of Foreign Affairs do not correspond to the truth. And some were nonsensical claims—that she would have been killed on the streets of

Jerusalem from a shot to the nape of her neck, supposedly due to her favorable memories of the UPA. That nonsense constitutes a jungle of the prejudices which so burden Ukrainian-Jewish relations. It seems to us, that as long as there is still no independent evidence, the stories of Dr. Stella Krentsbakh need to be regarded as a mystification.” Bohdan Kordiuk, “Retsenzii: Pro liudei, spovnennykh samoposviaty: Their Brother’s Keepers by Philip Friedman. With a Foreword by Father John A. O’Brien. Crown Publishers, Inc. New York, 1957, pp. 224,” *Suchasna Ukraina* (Munich) 15 (194), July 20, (1958): 7.

265. Tatiana Zhurzenko, “The Geopolitics of Memory,” *Eurozine*, May 10, 2007. Available online: <http://www.eurozine.com/articles/2007-05-10-zhurzenko-en.html> (accessed November 9, 2010).

266. Dietsch, *Making Sense of Suffering*, 223–226.

267. Andreas Umland and Anton Shekhovtsov, “Pravoradikal’naia partiinaia politika v postsovetskoii Ukraine: zagadka elektoral’noi marginal’nosti ukrainskikh ul’tranatsionalistov v 1994–2009 gg.,” *Ab Imperio*, no. 2 (2010): 219–247.

268. Johan Dietsch, “Imagining the Missing Neighbor: Jews and the Holocaust in Ukrainian History Textbooks,” in Heorhii Kas’ianov, *Obraz inshoho v susidnikh istoriakh: mifi , stereotypy, naukovi interpretatsii: Materialy mizhnarodnoi naukovi konferentsii, Kyiv, 15–16 hrudnia 2005 roku* (Kyiv: NAN Ukrainy, Instytut istorii Ukrainy, 2008), 202, citing David Levy and Nathan Sznaider, “Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory,” *European Journal of Social Theory*, Vol. 5, No. 1 (2002): 100.

269. Wilfried Jilge, “Zmanannia zhertv,” *Krytyka*, vol. 10, no. 5 (May, 2006): 14–17. 270. Ihor Yukhnovs’kyi (b. 1925) is a physicist, not a trained historian. An enthusiastic admirer of Bandera and Shukhevych, the OUN and UPA, Yukhnovs’kyi has occasionally voiced anti-Semitic views. Aleksandr Burakovs’kyi, “Key Characteristics and Transformation of Jewish-Ukrainian Relations during the Period of Ukraine’s Independence, 1991–2008,” *Nationalism and Ethnic Politics*, 15, no. 1 (2009): 121; Zenon Zawada, “Kyiv conference focuses on World War II and hisotrical memory,” *Ukrainian Weekly*, no. 44, November 1, 2009, 18. On Yukhnovs’kyi’s sympathies for the “Social Nationalists,” see Lilia Kuzik, “Ihor lokhnovs’kyi: Ta derzhava zh mala utvorytysia. I ia robiv, shchob vona utvorylas’,” *Zaxid.net*, August 11, 2011. http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?igor_yuhnovskiyta_derzhava_

zh_mala_utvoritysya_i_ya_vse_robiv_shhob_vona_utvorilas&objectId=1233429 (accessed October 2, 2011) The Social-Nationalist Party of Ukraine (SNPU) mobilized the neo-fascist right and used an SS symbol as party emblem. In 2004 it was renamed the All-Ukrainian association *Svoboda*. Anton Shekhovtsov, "The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party," *Europe-Asia Studies*, Vol. 63, No. 2, (March 2011): 213.

271. Lypovets'kyi, *OUN banderivtsi*, 84.

272. OUN(b) veteran Volodymyr Kosyk serves as its honorary director, and Petro Sodol (b. 1935), a former president of the OUN(z)-affiliated publishing house Prolog in New York and a senior member of the Ukrainian nationalist youth organization *Plast*. http://upa.in.ua/book/?page_id=5#zabilyj (accessed December 15, 2010). On *Plast* and SUM in the diaspora, see Per A. Rudling, "Multiculturalism, Memory, and Ritualization: Ukrainian Nationalist Monuments in Edmonton, Alberta," *Nationalities Papers*, Vol. 39, no. 5 (September, 2011): 738–739.

273. For a list of the TsDVR's intellectual collaborators and partners, see <http://cdvr.org.ua/content/партнери> (accessed October 1, 2011)

274. News release of the Center for the Research of the Liberation Movement, TsDVR, *Informatsiina dovidka*; http://upa.in.ua/book/?page_id=7 (accessed December 15, 2010).

275. Sofi a Hrachova, "Unknown Victims: Ethnic-Based Violence of the World War II Era in Ukrainian Politics of History after 2004," paper presented at the Fourth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Chair of Ukrainian Studies, University of Ottawa, October 23–25, 2008, 9.

276. Endorsement by "Ihor Yukhnovs'kyi, Academician, head of the Ukrainian Institute of National Memory," in Volodymyr V"iatrovych, ed., *Ukrains'ka Povstans'ka Armii: Istoriia neskorenykh* (Kyiv: Tsentr doslidzhen' vyzvol'noho rukhu, 2007), back cover.

277. "Instytut natsional'noi pam"iati zvernuvsia do lushchenka, aby vin prysvoiv Romanu Shukhevychu zvannia Heroia Ukrainy," *Zik: syla informatsii*, July 2, 2007: <http://zik.com.ua/ua/news/2007/07/02/80305> (accessed October 15, 2010).

278. On the state honoring of Stets'ko, see Viktor Yushchenko, "Ukaz prezidenta Ukrainy No. 416/2007 Pro vshanutannia pam'iaty Iaroslava Stets'ka i Iaroslavy Stets'ko": <http://www.president.gov.ua/documents/6145.html> (accessed April 10, 2008). On the cult of Shukhevych, see Per A. Rudling, "The Shukhevych Cult in Ukraine: Myth Making with Complications," *World War II and the (Re)Creation of Historical Memory in Contemporary Ukraine*, Kyiv, September 25, 2009. Available online http://www2-historicalmemory.org.ua/abstract_e.html (accessed October 11, 2009). On Bandera, see Amar, Balyns'kyi, and Hrytsak, *Strasti za Banderoiu*. In December 2010, the Kyiv city council declared that they will rename city streets after Shukhevych, Stets'ko, and Mel'nyk. "Na Oboloni z'iavyt'sia vulitsia Romana Shukhevycha," *Ukrains'ka pravda: Istorychna pravda*, December 16, 2010: <http://www.istpravda.com.ua/short/2010/12/16/9227/> (accessed December 17, 2010).

279. Swedish historian Göran B. Nilsson describes the Soviet practice of writing history from the perspective of a constantly changing present as "chronological imperialism." Göran B. Nilsson, "Historia som humaniora," *Historisk Tidsskrift* no. 1 (1989): 1, 4.

280. To commemorate the centennial of the birth of the OUN poet Olena Teliha, President Yushchenko in 2006 issued a presidential decree to erect a memorial "to her and her associates" in Babin Yar, where her body had been buried in 1942. Aleksandr Burakovs'kyi, "Istoriia memorializatsii evreiskoi tragedii v Bab'em Iaru za god ee 70-letiia: pozor Ukrainy," *My Zdes'*, no. 278: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2725> (accessed October 3, 2010), citing Yushchenko decree No. 416/2006. In Drohobych, a monument to Bandera has been erected at the site of the former ghetto. Omer Bartov, *Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine* (Princeton, Conn.: Princeton University Press, 2007), 52–53.

281. Jilge, "Zmanannia zhertv," 14.

282. V'iatrovych, *Stavlennia OUN do ievreiv*.

283. There is no shortage of such memoirs. See for example Shimon Redlich, *Together and Apart in Brzezany: Poles, Jews and Ukrainians, 1919–1945* (Bloomington: Indiana University Press, 2002), 103–104; Reuben Ainsztein, *Jewish Resistance in Nazi-Occupied*

Eastern Europe: With a Historical Survey of the Jew as Fighter and Soldier in the Diaspora (London: Paul Elek, 1974), 252–256. On the OUN's and the UPA's attitude to Jews during the war, see Weiner, *Making Sense of War*, 239–297.

284. A Wehrmacht intelligence report from April 1944 reports that “the UPA has successfully taken up pursuit of the Jewish gangsters and up to now shot almost 100.” Staatsanwaltschaft Dortmund 45 Js 24/62, Bd “Reste von Gutachten und Dokumenten aus dem Bestand des Pz. AOK 4,” BA-MA, RH-21, Pz. AOK 4, Abt. Ic/AO, Tätigkeitsbericht, April 1944, as cited in Golczewski, “Shades of Grey,” 143. On this topic, see Weiner, *Making Sense of War*, 263–264.

285. *Pres-tsentr Sluzhba bezpeki Ukrainy*, “U Sluzhby bezpeky Ukrainy vidbulys’ Hromads’ki istorychni slukhannia “Evrei v Ukraini”komu Vyzvol’nomu ruzi,” April 14, 2008, http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=77689&cat_id=39574 (accessed April 14, 2008).

286. Iryna Ehorova, “Volodymy V”iatrovych: Holovnym sub’ektom istorychnoho protsesu v Ukra)ni XX stolittia bula ne URSS, a ukra)ns’kyi vyzvol’nyi rukh,” *Den’*, February 18, 2008: <http://www.ukrnationalism.org.ua/interview/?n=69> (accessed March 16, 2008).

287. John-Paul Himka, “True and False Lessons from the Nachtigall Episode,” *Brama*, March 19, 2008: http://brama.com/news/press/2008/03/080319himka_nachtigall.html (accessed March 19, 2008). See also Kurylo and Himka [Khyrnka], “Iak OUN stavylasia do ievreiv?” 252–265.

288. V”iatrovych, *Stavlennia OUN*, 78–81. At the April 2008 conference at the SBU, V”iatrovych repeated his argument on the SBU website, adding an additional example of a Jew in the UPA, Leiba-Itsko Dobravs’kyi. “U Sluzhby bezpeki Ukrainy.”

289. V”iatrovych, *Stavlennia OUN*, 74, citing R. Petrenko, “Za Ukrainu, za ii voliu. Spohady,” *Litopys Ukraini’s’koi Povstans’koi Armii*, 27 (Toronto and Lviv: Litopys UPA, 1997), 173.

290. Himka, *Ukrainians, Jews, and the Holocaust*, 47.

291. As of January 2011, the documents were still available on the website of the Ukrainian Embassy in Canada, “Novini,” Posol’sstvo Ukrainy v Kanadi, February 6, 2008:

<http://www.ukremb.ca/canada/ua/news/detail/11684.htm> (accessed January 18, 2011).

292. Iaryna Iasynevych, "V"iatrovych: 'Kampania proty Shukhevycha ne maie istorychnoi osnovy,'" *Narodna Pravda*, March 4, 2008: <http://narodna.pravda.com.ua/history/47cd371e88b05/> (accessed March 16, 2008).

293. Volodymyr V"iatrovych, "Iak tvorylasia lehenda pro Nakhtihal'," *Dzerkalo Tyzhnia*, no. 6 (685) 16–22 February 2008: <http://www.dt.ua/3000/3150/62036/> (accessed March 16, 2008)

294. Mishchenko, "Pratsivnyk SBU."

295. SBU, "U Sluzhbi bezpeky Ukrainy vidbulys' Hromads'ki istorychni slukhannia 'Evrei v Ukrain'skomu vyzvol'nomu rusi,' April 14, 2008:

http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=77689&cat_id=39574 (accessed April 14, 2008).

296. Wilfried Jilge, "Nationalukrainischer Befreiungskampf: Die Umwertung des Zweiten Weltkrieges in der Ukraine," *Osteuropa* 58, (2008): 179.

297. SBU, "U Sluzhbi bepeki Ukrany vidkrylas' fotovystavka "Ukrains'ka Povstans'ka Armiia. Istorია neskorenykh," May 27, 2008: http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=78839&cat_id=78711 (accessed August 21, 2008).

298. V"iatrovych, *Stavlennia OUN*, 96, citing HDA SBU, f. 13, spr. 376, tom 65, ark. 283–295; SBU, "Evrei v Ukrain'skomu vyzvol'nomu rusi."

299. SBU, "Sluzhba bezpeki Ukrainy vidkryvae dlia shyrokooho zahalu arkhivni materialy shchodo osib, prychetnykh do orhanizatsii ta zdiisnennia politiki Holodomoru-Henotsydurepresii" http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=80420&cat_id=395 (accessed August 7, 2008).

300. SBU, "U Sluzhbi bezpeki Ukrainy vidkrylas' fotovystavka 'Ukrains'ka Povstans'ka Armiia.'" Iurii Shukhevych (b. 1933) is the son of UPA commander Roman Shukhevych and leader of the far-right UNA-UNSO, the Ukrainian sister party of the German neo-Nazi NPD. It is openly antidemocratic—in the 1990s its propaganda posters carried the slogan "Vote for us and you will never have to vote again." Along with

Levko Luk'ianenko (b. 1928), Shukhevych was one of the more prominent nationalist dissidents and a cause celebre for the émigré OUN. Following independence, Luk'ianenko became Ukraine's leading anti-Semite. Yushchenko designated both Iurii Shukhevych and Luk'ianenko Heroes of Ukraine. Per A. Rudling, "Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary

Ukraine," in Andrea Mammone, Emmanuel Godin, and Brian Jenkins, eds., *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational* (forthcoming); John-Paul Himka, "The Importance of the Situational Element in East Central European Fascism," *East Central Europe* 37 (2010): 357.

301. "Fishbein: ne dopustit' Ukrainu v NATO—spetsoperatsiia Kremliia," DELFI, July 12, 2009: <http://www.delfi.ua/news/daily/foreign/fishbejn-ne-dopustit-ukrainu-v-nato---specoperaciyakremliya.d?id=467241> (accessed September 7, 2009); Svitlana Makovyts'ka, "Maestro bozhystoi movy: Ukrains'kyi poet Moisei Fishbein—pro politychnyi dal'tonizm, heniiv slova i heroiv Ukrainy,"

Ukraina moloda, November 28, 2007: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1051/171/37785/> (accessed December 5, 2007). Fishbein repeats, almost verbatim, the same statements in subsequent interviews. Ol'ha Betko, "Poet M. Fishbein: dlia mene UPA—tse sviate," BBC Ukrainian Service, October 14, 2008.

302. For Fishbein's complete speech, see Moses Fishbein, "The Jewish Card in Russian Special Operations Against Ukraine: Paper delivered at the 26th Conference on Ukrainian Subjects at the University of Illinois at Urbana-Champaign, 24–27, June 2009: <http://www.vaadua.org/VaadENG/News%20eng-2009/fishbeyn2.htm> (accessed November 8, 2009).

303. Fishbein, "The Jewish Card"; "Russia uses 'Jewish card' to destabilize Ukraine, Fishbein says," *Ukrainian News*, 25 June–July 8, 2009, 6; and Marko Levytsky, "UPA detractors fan the flames of ethnic discord," *Ukrainian News*, February 18–March 3, 2010, 6.

304. Moses Fishbein, "The Jewish Card in Russian Operations against Ukraine," *Kyiv Post*, June 30, 2009: <http://www.kyivpost.com/opinion/44324> (accessed September 7, 2009).

305. Paul Goble, "Window on Eurasia: Moscow Special Services Again Play the 'Jewish Card' against Ukraine, Kyiv writer Says," *Window on Eurasia*, July 9, 2009: <http://windowoneurasia.blogspot.com/2009/07/window-on-moscow-special.html> (accessed September 5, 2009). Goble presents himself as "a longtime specialist on ethnic and religious questions in Eurasia," and worked, among other things, for the U.S. State Department, the CIA, and RFE/RL until 2004, when he made a career as vice dean and director of research at several universities in the former Soviet Union.

306. Krentsbakh, "Zhivu schche zavdiaky UPA"; "Spohady Stelly Krentsbakh—'Zhyvu shche zavdlaiky UPA.' Memoirs of Stella Krenzbach—'I Am Alive Thanks to the UPA,'" October 25, 2009, on Moisei Fishbein's blog: <http://mosesfishbein.blogspot.com/2009/10/memoirs-of-stella-krenzbachi-am-alive.html> (accessed October 25, 2009).

307. "Ievreika Stella Krentsbakh rozpovila, shcho vyzhyla zavdiaky UPA," *Press-tsentral TsDVR*, December 9, 2009: <http://upa.in.ua/book/?p=929> (accessed December 15, 2010).

308. Levytsky, "UPA detractors fan the flames of ethnic discord," 6: Marco Levytsky, "Open letter vilifies freedom fighters, minimizes Holodomor," *Kyiv Post*, May 6, 2011 http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/103827/print/ (Accessed May 10, 2011) Riabchuk also repeats the Viatrovych/Fishbein line that "quite a few Jews were rescued by nationalists, and some of them even joined UPA to fight both Nazis and Soviets." "Bandera's Controversy and Ukraine's Future."

309. Victor Rud, "RE: John Pancake's UPA Article of January 6, 2010," Open letter to the *Washington Post* on behalf of the Ukrainian American Bar Association, January 22, 2010, citing Fishbein, "The Jewish Card in Russian Special Operations Against Ukraine."

310. Moses Fishbein, "Listivka UPA 'Evrei—hromadiansky Ukrainy.' 1950 rik," December 7, 2009: <http://mosesfishbein.blogspot.com/2009/12/1950.html> (accessed December 7, 2009).

311. Kurylo and Himka, "Iak OUN stavlyasia do ievreiv?"

312. This is based upon Viatrovych's most positive estimate, which includes the four named Jews, the Stella Krentsbakh/Kreutzbach forgery and her claim that she worked with twelve Jews in her sanitary

unit: twenty-five Jews divided by the lowest estimate of about 25,000 UPA insurgents in 1943. V'iatrovych, *Stavlennia OUN*, 74–82. In order to provide a perspective here, this handful of Jewish physicians in the UPA should be put in relation to estimates that between 25,000 and 40,000 people served in the UPA in 1943–1944 and that perhaps as many as 300,000 people came through the ranks of the OUN-UPA. Marples, *Heroes and Villains*, 131–132, 169. The estimates of the number of people organized in the OUN and UPA varies. Stanislav Kul'chyts'kyi estimates that 400,000 people were organized by the OUN-UPA between 1929 and the middle of the 1950s, or 10 percent of the Western Ukrainian population. Stanislav Kul'chyts'kyi, "Polska problematyka w ukrai#skich badaniach historii OUN-UPA," in *Antypolska akcja OUN-UPA, 1943–1944: Fakty i interpretacje* (Warsaw, 2003), 137, cited in Bruder, "Den ukrainischen Staat," 279. German estimates from the end of 1943 put UPA membership at 40,000. Nationalist sources claim 100,000 members, but well-substantiated estimates provide numbers between 30,000 and 40,000 soldiers. John Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 3d ed. (Englewood, Colo.: Ukrainian Academic Press, 1990), 115.

313. See, for instance the story of Ludwik Wrodarczyk, a Roman Catholic village priest in Okopy in Volhynia, a rescuer of Jews who in 2000 was designated as Righteous of Nations. The UPA kidnapped and killed him in December 1943. Maria Debowska and Leon Popek, *Duchowie"stwo diecezji luckiej: Ofi ary wojny i represji okupantów, 1939–1945* (Lublin: Polihymnia Wydawnictwo Muzyczne, 2010). In Hanachevka (Hanaczów) in Galicia, the commander of the Polish self-defense, Kazimierz Wojtowicz, assisted dozens of Jews in the village. The Jews of Hanachevka organized a Jewish platoon, fighting the UPA together with the local Poles within the ranks of Armja Krajowa. Wojtowicz survived the war and was, together with his two brothers designated as Righteous of Nations. Marples, *Heroes and Villains*, 206; Jerzy Wigierski, *W lwowskiej Armii Krajowej* (Warsaw: PAX), ch. 2–7; Motyka, *Ukranska partyzantka*, 382.

314. "Sered heroiv novoho romanu Zabuzhko 'Muzei pokynutykh sekretiv' kolysgni v'iazni tiurny 'na Lontskoho'" *Press-tsentr TsDVR*, December 24, 2009: <http://upa.in.ua/book/?p=981#more-981> (accessed December 27, 2010). Zabuzhko writes that V'iatrovych's center provided her with "half a bag full of working material—xero copies, DVDs, photographs and memoirs on the history of the

Ukrainian Resistance—the Ukrainian Insurgent Army (UPA).” “Popil Klaasa,” *Ofi tsiina storinka Oksany Zabuzhko*, <http://www.zabuzhko.com/ua/critique/ukrhellebosch.html> (accessed December 27, 2010).

315. “L’vivs’ki novyny: Oksana Zabuzhko: ‘Ia ne pysala istorii UPA—ia pysala lav-stori,’” *Vysokyi zamok*, January 26, 2010: <http://news.lvivport.com/content/view/20694/26/> (accessed December 27, 2010).

316. Only 6 percent of Ukrainians had a “very positive” attitude toward the OUN(b), and 8 percent “basically positive,” whereas 30 percent were “very negative,” and 15 percent “generally negative.” The attitudes to the UPA was similar, with 5 percent very positive, 8 percent generally positive, while 29 percent very negative, and 16 percent generally negative. Significantly, the attitudes within the younger generation did not differ significantly from the older; neither did the attitude within the group of highly educated differ much from the population in general. The exception was Galicia, where 62 percent of those surveyed had a positive attitude to OUN(b), and 59 to UPA. Even in Volhynia only 5 percent of respondents were very positive, and 11 percent generally positive to UPA. Asked about war criminality, 35 percent of respondents thought OUN(b) and UPA were guilty of mass murder of Ukrainians, Jews, and Poles; 6 percent of murdering people from one of these groups. Only 14 percent of respondents thought them innocent of mass murder. Ivan Kachanovs’kyi, “Ukraintsy ne veriat v mify ob OUN i UPA,” *Fraza*: <http://www.fraza.ua/print/14.10.09/76064.html> (accessed January 23, 2010).

317. Asked, “How would you define your country’s relation to the following groups during World War II?” 64 percent of the respondents answered that relations with Ukrainians were bad, a higher number even than Germans (63 percent) and Russians (57 percent). Wojciech Szacki and Marcin Wojciechowski. “Zli Niemcy. +li Ukraińcy: To Niemcy byli g’ównymi wrogami Polaków w II wojnie i to oni zadali nam najwi\$cej cierpie#. Ale najgorzej wspominamy kontakty z Ukraincami,” *Gazeta Wyborcza*, August 24, 2009, 4.

318. The question, “Who was responsible for the crimes committed in Volhynia in 1943?” 14 percent answered “Ukrainians,” while only 5 percent answered “UPA, Ukrainian nationalists, Ukrainian military formations.” A full 19 percent blamed “Russians, the USSR, NKVD.

Among them, 1 percent blamed ‘Ukrainians and Russians’ and ‘Ukrainians executing Russian orders’; 1 percent blamed ‘Germans’ and ‘Ukrainians, on German orders’; 2 percent blamed ‘Poles and Ukrainians,’ ‘Mutual slaughter,’ and ‘both sides’; 1 percent maintained that ‘Others were responsible,’ or that it was ‘unclear’ who was to blame. By far the largest group, 57 percent, answered ‘Don’t know, have not heard about it, diffi cult to answer.’ Katarzyna Makaruk, ‘Wo"y# 1943,’ *Komunikat z bada*”, Warsaw, July 2008, BS/110/2008, Centrum Badania Opini Spo"ecznej, CBOS, 4: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2008/K_110_08.PDF (accessed December 26, 2010).

319. Andreas Umland, ‘Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen,’ *Ukraine-Analysen*, no. 41 (2008): 7–10.

320. Ernest Renan, ‘What Is a Nation?’ in Homi K. Bhabha, ed., *Nation and Narration* (London: Routledge, 1990), 11.

321. Bruno Bettelheim, *The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales* (New York: Vintage, 1989), 7–8

322. *Ibid.*, 9–10.

323. Harald Welzer, Sabine Moller, and Karoline Tschuggnall, ‘Opa war kein Nazi’: *Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002), 210.

324. *Ibid.*, 207.

325. *Ibid.*, 209.

326. Peter Niedermüller, ‘Der Mythos der Gemeinschaft: Geschichte, Gedächtnis und Politik im heutigen Osteuropa,’ in Andrea Corbea Hoise, Rudolf Jaworski, and Monika Sommer, eds., *Umbruch im östlichen Europa: Die nationale Wende und das kollektive Gedächtnis* (Innsbruck: Studien Verlag, 2004), 11–26.

327. Gudrun Persson, ‘On the Meaning of the Tristesse and the Lie,’ *Baltic Worlds* 3, no. 2 (June 2010): 16, citing Andrei Zubov, *Istoriia Rossii: XX vek, 1894–1939* (Moscow: Astrel, 2009), 933.

328. Dmytrii Rybakov, ‘Marko Tsarynnyk: Istorychna napivpravda hirsha za odvertu brekhniu’; *LB.ua*, November 5, 2009. <http://society.lb.ua/life/2009/11/05/13147> Marko TSarinnik Istorična n

[apivp.html](#) (Accessed Nov. 6, 2009); Himka, "True and False Lessons; Vasyly' Rasevych, "Zamknute kolo 'spetsial'noi' ukrainskoi istorii," *Zaxid.net*, September 13, 2010: <http://zaxid.net/article/74357> (accessed September 16, 2010).

329. In April 2007, President Yushchenko submitted to the Verkhovna Rada a draft law against Holodomor denial, which, had the law passed, would criminalize denial of the genocidal character of the famine of 1932–1933. *The Day Weekly Digest* (Kyiv), no. 11, April 3, 2007; Ilya Khineiko, "Russian Duma's Discussion of Second World War Revisionism in the Near Abroad States," *Current Politics in Ukraine*, June 23, 2009: <http://ukraineanalysis.wordpress.com/> [*CIUS Stasiuk Program Blog*] (accessed October 2, 2009). As there is no consensus whether the famine was an act of genocide, this would, technically, have made a number of senior scholars and academics, including Mark B. Tauger, R. W. Davis, Stephen G. Wheatcroft, Michael Ellman, Lynne Viola, Moshe Lewin, even Robert Conquest—who remains ambivalent on the—liable for jail time in Ukraine. On the assessment of the famine as genocide, see Marples, *Heroes and Villains*, 72, 313, n. 1.

330. Roman Serbyn, "Erroneous Methods in J.-P. Himka's Challenge to "Ukrainian Myths," August 7, 2011, *Current Politics in Ukraine Blog: Opinion and analysis on current events in Ukraine*, Stasiuk Program, CIUS, University of Alberta, ed. David R. Marples. <http://ukraineanalysis.wordpress.com/> (accessed October 1, 2011).

331. The following commentary by Taras Hunczak is fairly typical in this regard: "Despite overwhelming evidence exonerating the OUN and Roman Shukhevych, there are still individuals, particularly those with communist leanings or followers of the Moscow trend to condemn the Ukrainians' struggle for independence, who continue to slander the leaders of the Ukrainian resistance movement." Taras Hunczak, "Shukhevych and the Nachtigall Battalion: Moscow's Fabrications," *Ukrainian Weekly*, no. 37 (September 13, 2009): 18.

332. Ukrainian Canadian Congress, "Ukraine's President Recognized Ukraine's Freedom Fighters," UCC Press release, email of February 1, 2010. On the UCC's strategy to "defend" their heroes, see Rudling, "Iushchenkiv fashyst," 252, 295–296 and John-Paul Himka, "Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History," in a forthcoming *Ab Imperio* volume on *Geschichtspolitik*, sponsored by the Carnegie Foundation, ed. Alexei Miller.

333. Pres-sluzhba Prezydenta Viktora Ianukovycha, "Rishenniam sudu prezydents'kyi ukaz 'Pro prysvoennia S. Banderi zvannia Heroi Ukrainy' skazovano," press release, January 12, 2011, *Prezydent Ukrainy Viktor Ianukovykh: Ofi tsiine internet-predstavnytsvo*: <http://www.president.gov.ua/news/19103.html> (accessed February 12, 2011).

334. "Babi Yar transferred to Culture Ministry," *Ukrinform: Ukrainian National News Agency*, March 2, 2011.

335. Askol'd Lozyns'kyj (b. 1952), a New York lawyer and OUN(b)-activist, is a former president of the World Congress of Free Ukrainians, and the son of Evhen Lozyns'kyj.

336. Wolodymyr Derzko, "Ukrainian Diaspora must learn how to play hardball with Yanukovich," *Kyiv Post*, September 27, 2010: http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/84019/ (accessed October 13, 2010); Askold S. Lozynskyj, "Anti-Semitism charges don't stick against Ukrainian nationalist group," *Kyiv Post*, December 20, 2010: http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/93235/ (accessed December 24, 2010).

337. Olena Tregub, "Ukrainian-Americans reject meeting with Yanukovich," *Kyiv Post*, September 23, 2010: <http://www.kyivpost.com/news/nation/detail/83599/> (accessed October 15, 2010).

338. "Paul Grod: 'My position on Ukraine . . . was agreed with leaders of UCC's member organizations,'" interview by Martha Onufriv, *EPOSHTA*, September 28, 2010: http://www.eposhta.com/newsmagazine/ePOSHTA_100928_CanadaUS.html#fo1a (accessed October 15, 2010).

339. Lozynskyj, "Anti-Semitism charges don't stick."

340. Askold S. Lozynskyj, "How insensitive bigots continue to play Ukrainians and Jews against each other," *Kyiv Post*, November 8, 2010: http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/89252/ (accessed November 8, 2010); Peter O'Neil, "My role in a dark conspiracy," *Letter From Paris* by Peter O'Neil, November 10, 2010: <http://communities.canada.com/shareit/blogs/letterfromparis/default.aspx?PageIndex=2> (accessed November 13, 2010).

341. Lozynskyj, "Rewriting history," reprinted as Askol'd Lozyns'kyi, "Perepysuvannia istorii: z perspektyvy dokaziv," 204–210; also Rudling,

"Iushchenkiv fashyst," 255, 302, both in Amar, Balyn'skyi, and Hrytsak, *Strasti za Banderoiu*.

342. Lozynskyj, "Anti-Semitism charges don't stick."

343. Onufrir interview, "My position on Ukraine."

344. Peter O'Neil, "Ukrainian museum toured by Harper shows 'one-sided' history of atrocities, critics say," *Edmonton Journal*, November 5, 2010: <http://www.edmontonjournal.com/news/Ukrainian+museum+toured+Harper+show+sided+history+atrocities+critics/3785861/story.html> (accessed November 6, 2010).

345. Rudling, "Iushchenkiv fashyst," 252–253, 296; Himka, "Interventions"

346. "Reminder to Register for the XXIII Congress in Edmonton," email from UCC to author, October 15, 2010.

347. Peter O'Neil, "Historian hopes Harper's visit to Ukraine museum will help shed light on war atrocities," *The Montreal Gazette*, November 10, 2010, <http://www.montrealgazette.com/news/Historian+hopes+Harper+visit+Ukraine+museum+will+help+shed+light/3807727/story.html> (accessed November 10, 2010).

348. "Arkhivni dokumenty ruiniut' mif pro antysemityzm OUN, - V"iatrovych," *Zik: syla informatsii*, <http://zik.com.ua/ua/news/2011/01/09/265640>(accessed January 9, 2011)

349. Paul Grod, "Ukrainian Community Honors Veterans on Remembrance Day," UCC Press release, November 11, 2010.

350. "Remembrance Candle Focus of Holodomor Commemorations: Canadians prepare to mark the 77th anniversary of the Ukrainian Genocide," UCC National Press release, November 16, 2010; Peter O'Neil, "Harper's Ukraine famine exaggerated, scholar says," *Edmonton Journal*, October 30, 2010: <http://www2.canada.com/edmontonjournal/news/story.html?id=ea26329d-c6c5-4e76-b8f5-48ff37f57537> (accessed March 24, 2011).

351. Whereas the change of national government has effectively ended state support for the OUN cult, this sort of heroization continues on the local level. In December 2010 the Kyiv city government announced plans to rename streets after Roman Shukhevych, Iaroslav

Stets'ko, Andrii Mel'nyk, and Olena Teliha. "Na Oboloni z"iavyt'sia vultrisia Romana Shukhevycha," *Ukrains'ka pravda: Istorychna pravda*, December 16, 2010: <http://www.istpravda.com.ua/short/2010/12/16/9227/> (accessed December 17, 2010).

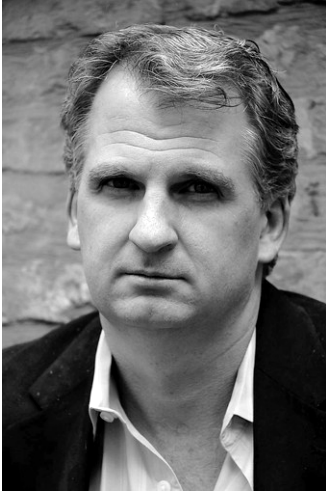
352. "Voin UPA: Bandera—iedyni lytsar u Evropi, khto 1941 roku skazav Hitleru 'ni'": <http://aingwar.blogspot.com/> (accessed September 26, 2010).

353. Oleh Tiahnybok, "Evroparlament he vkazuvatyme Ukraini, koho vyznavaty Heroiami," February 26, 2010, *Ukrains'ka Pravda Blohy*: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/tiahnybok/4b88066cc9c5f/> (accessed April 26, 2010).

ОБ АВТОРЕ

Тимоти Д. ШНАЙДЕР

Timothy D. Snyder

Имя американского историка Тимоти Д.Шнайдера (англ. Timothy David Snyder) в научном сообществе ассоциируется с исследованиями истории Восточной Европы и, в частности, истории Украины, Польши, России. Занимается преимущественно историей 20 столетия, специализируется на вопросах национализма, тоталитаризма, Холокоста.

Тимоти Д. Шнайдер (1969 г.р.) обучался в Брауновском Университете (или Университете Брауна, англ. *Brown University*) в 1987-1991 годах, затем – в Оксфордском университете (англ. *University of Oxford*) в 1991 – 1995 годах. Докторское звание получил в 1997 году в Оксфордском университете. Работал в Национальном центре научных исследований (CNRS, Франция, в 1994-1995 годах), а также в Институте наук про человека в Вене (Institut für die Wissenschaften vom Menschen). Является профессором Йельского университета (англ. *Yale University*).

Тимоти Д.Шнайдер – автор более пяти книг:

- «Национализм, марксизм и современная Центральная Европа: Биография Казимира Келлес-Крауца» (*Nationalism, Marxism, and Modern Central Europe: A Biography of Kazimierz Kelles-Krauz*) (Harvard University Press, 1998);

- «Реконструкция наций: Польши, Украины, Литвы, Белоруссии, 1569-1999» (The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999) (Yale University Press, 2003);

- «Очерки времён тайной войны: миссия польского художника по освобождению Советской Украины (о Хенрике Йожевски)» (Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine (on Henryk Józewski) (Yale University Press, 2005);

- «Красный принц: тайные жизни эрцгерцога Габсбургов (об эрцгерцоге Вильгельме, Австрия)» (The Red Prince: The Secret Lives of A Habsburg Archduke (on Archduke Wilhelm of Austria) (Basic Books, 2008);

- «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» (Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin) (Basic Books, 2010);

- «Размышление над 20 столетием» (в соавторстве с Тони Юдтом) Thinking the Twentieth Century (Tony Judt with Timothy Snyder) (Penguin, 2012).

Книга «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» (Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin) (Basic Books, 2010), рассказывающая об истории нацистских и советских опустошений, совершённых на землях между Берлином и Москвой, получила ряд наград, в том числе Лейпцигскую премию за европейское понимание (the Leipzig Prize for European Understanding), а также премию Ральфа Валдо Эмерсона в области гуманитарных наук (the Ralph Waldo Emerson Award in the Humanities). Она была названа Книгой года в нескольких десятках публикаций, была переведена более чем на двадцать языков и стала бестселлером в четырёх странах.

Научные статьи, касающиеся украинской истории:

- «Неизвестный Холокост» («The Unknown Holocaust» on Joshua Rubenstein and Ilya Altman, eds., The Unknown Black

Book: The Holocaust in the German-Occupied Soviet Territories, Bloomington: Indiana University Press, 2008, in Truthdig, 15 February 2008);

- «Ключи к Киеву» («Keys to Kiev» on Serhii Plokhyy, The Unmaking of Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History, Toronto: University of Toronto Press, 2005, for Times Literary Supplement, 16 December 2005, 25);

- «Украина: Оранжевая Революция» («Ukraine: The Orange Revolution» with Timothy Garton Ash, New York Review of Books, 28 April 2005, 28-32);

- «Недоверие к СССР» («Anti-Trust for the USSR», Christian Science Monitor, 2 October 1991);

- «Разделённая Украина не дрейфует ни в сторону Востока, ни в сторону Запада» («A Divided Ukraine Drifts Neither East nor West», Christian Science Monitor, 31 March 1998) и другие.

Тимоти Шнайдер публикует свои работы на английском, польском, немецком, русском, украинском, чешском, французском, словацком, белорусском, испанском языках.

Публиковался в таких научных журналах:

Osteuropa, Transit, Past and Present, East European Politics and Societies, Polin, Revue des Etudes Slaves, Критика, Nationalism and Ethnic Politics, Contemporary European History, Yad Vashem Studies, Nations and Nationalism, Nowa Europa Wschodnia, Il Mestiere di Storico.

Ожидаются к публикации такие работы:

«Братские земли: Семейная история европейских наций» (Brotherlands: A Family History of the European Nations), «Сталинизм в Европе: война, террор, доминирование» (Stalinism in Europe: War, Terror, Domination, as co-editor with Ray Brandon) (в соавторстве с Реем Бренденом).

Тимоти Д. Шнайдер

«Фашистский герой в демократическом Киеве»

Timothy D. Snyder. A Fascist Hero in Democratic Kiev.

Будущему украинскому президенту придется обратить некоторое внимание на историю, потому что «уходящий» предшественник только что сделал героя из давно умершего украинского фашиста. Удастая наивысшей государственной наградой «Героя Украины» Степана Бандеру (1909-1959) 22 января, Виктор Ющенко вызвал протесты со стороны главного раввина Украины, президента Польши и многих из его собственных граждан.

Это не удивительно. Бандера преследовал цель сделать из Украины однопартийную фашистскую диктатуру, без национальных меньшинств. Во время Второй Мировой войны его последователи убили много поляков и евреев. Почему президент Ющенко, лидер демократической Оранжевой революции, хочет реабилитировать такую фигуру? Бандера, который провел несколько лет в польском и нацистском заключении, и погиб от рук советского КГБ, для некоторых украинцев является символом борьбы за независимость в XX веке.

Родившись в 1909 году, Бандера созрел в тот момент, когда дело национального самоопределения победило в большинстве стран Восточной Европы, но не в Украине. Земли современной Украины была разделены между Российской империей и монархией Габсбургов, когда началась Первая Мировая война, и снова были разделены между новым Советским Союзом и вновь независимой Польшей, когда кровопролитие прекратилось. Советы победили одну украинскую армию, поляки - другую. Украинцы, таким образом, стали крупнейшим национальным меньшинством, как в Советском Союзе, так и в Польше. Со временем большинство украинских политических партий в

Польше смирились с польской государственностью. Украинская военная организация, однако, сформированная из украинских ветеранов в Польше, поддерживала движение, которое стремилось изменить границы Европы: фашизм. При Бенито Муссолини, который пришел к власти в 1922 году в Италии, и который служил примером, ими было проведено нескольких неудачных покушений на польских политиков.

К тому времени, как Украинская военная организация стала Организацией украинских националистов (ОУН), что произошло в 1929 году, молодое поколение было доминирующим. Молодые террористы, такие как Степан Бандера, были сформированы не довоенными империями, но фашистской идеологией и опытом дискриминации по национальному признаку в Польше. В 1920-х годах польские власти закрыли украинские школы и проигнорировали обещание Польши относительно предоставления украинской национальной автономии. В конце 1920 и начале 1930-х годов, в то время как новое польское правительство искало примирения с пяти миллионами украинских граждан, украинские националисты действовали решительно, чтобы предотвратить любое компромиссное решение. Бандера был одним из главных организаторов террористических кампаний, рассчитанных на то, чтобы предотвратить «принятие» украинцами польского правительства, провоцируя польское возмездие. Основными целями их покушений были украинцы и поляки, которые хотели работать вместе. ОУН убила ведущего защитника украинско-польского сближения, Тадеуша Головко (Hołowko) в постели санатория. Они также пытались (но неудачно) убить Хенрика Жозевски (Józewski), который проводил политику национальных уступок по отношению к украинцам в Польше.

Бандера и его приятели украинские националисты были осведомлены о ещё более масштабных репрессиях на советской стороне границы, где жило гораздо большее количество украинцев; учитывая факт эффективности

советской тайной полиции, однако, они могли действовать только на территории Польши. Они, тем не менее, отреагировали на преднамеренный голод, организованный Иосифом Сталиным для миллионов крестьян в Советской Украине в 1933 году. Бандера был, вероятно, вовлечён в планирование, в качестве мести, покушения на советского дипломата в Польше в конце того года. Украинские националисты надеялись использовать суд над молодым украинцем, который совершил убийство, в качестве форума для распространения новости о голоде, но польские власти не допустили этого. Украинские националисты (и многие другие украинцы в Польше и в других местах) были озлобленными на молчание Запада в ответ на массовую гибель в СССР. 1933 был также годом, когда Гитлер пришел к власти в Германии. Бандера и другие украинские националисты считали фашизм единственной силой, которая может уничтожить обоих из своих угнетателей, - Польшу и Советский Союз. Активисты ОУН были в контакте с немецкой военной разведкой.

В июне 1934 года ОУН убила Бронислава Пиераки (Pieracki), польского министра внутренних дел, когда тот начал вести переговоры с умеренным крылом украинских групп в Польше. За участие в организации убийства, Бандера был приговорен к смерти, данная мера была заменена на пожизненное заключение - в январе 1936 года. Он был освобожден из тюрьмы, когда немцы вторглись в Польшу в сентябре 1939 года, и тогда стремился перевести ОУН под своё командование. Вместо этого, она раскололась на две фракции, более радикальной из которых руководил Бандера, известной как ОУН-Бандеры и ОУН-Б.

Бандера был активен в то время, и в том месте, где насилие было очень возможно, но там, где вероятность того, что это приведет к обретению украинской национальной независимости, была минимальной. Его последователи пошли еще дальше в омут насилия на Восточном фронте, не

создавая тем самым украинского государства. Немцы уничтожили Польшу в 1939 году, как и надеялись украинские националисты, и пытались уничтожить Советский Союз в 1941 году. Когда вермахт вторгся в Советский Союз, в июне того года, к ним присоединились армии Венгрии, Румынии, Италии и Словакии, а также небольшие контингенты из украинских добровольцев, связанные с ОУН-Б. Некоторые из этих украинских националистов помогали немцам организовать убийственные погромы евреев. При этом они действовали в поддержку немецкой политики, но в той части, которая была в соответствии с их собственной программой этнической чистоты и их собственной идентификацией евреев с советской тиранией.

Украинские националистические политические цели, однако, не совпадали с таковыми Гитлера. В июне 1941 года сторонники Бандеры объявили о независимости для украинского государства, при этом обещая сотрудничество с нацистской Германией. Адольф Гитлер не был заинтересован в украинской независимости на этих или любых других условиях, и в конечном итоге арестовал большую часть руководства ОУН-б. Бандера также был заключен в тюрьму в Берлине, а затем в лагере Заксенхаузен. Как и другие националисты роста, он был зачислен в резерв на случай непредвиденной необходимости в будущем, когда он может быть полезным для нацистов.

Бандера был всё еще в немецком лагере в Заксенхаузене, и без влияния, когда его группа приняла командование партизанской армии в начале 1943 года. После того как ситуация изменилась не в пользу немцев в результате Сталинградской битвы, украинцы, которые служили немцам в качестве вспомогательных полицейских, вышли из Немецкой службы и ушли в леса. Среди их обязанностей, как полицейских, были массовые убийства западных украинских евреев. Эти украинцы, некоторые из которых являлись членами ОУН-Б, вошли в основу

Украинской повстанческой армии (или УПА), которая заявила о том, что выступает как против существующей немецкой оккупации, так и прихода советской власти. Два лидера организации Бандеры, Николай Лебедь и Роман Шухевич, перевели перевели УПА под контроль ОУН-Б.

Под их командованием, УПА провела этническую чистку поляков на Западной Украине в 1943 и 1944 гг. Партизаны УПА убили десятки тысяч поляков, большинство из которых - женщины и дети. Некоторые евреи, нашедшие приют в польских семьях, также были убиты. Поляки (и немногие евреи, оставшиеся в живых) бежали из сельской местности, контролируемой УПА, в города, контролируемые немцами. Те, кто выжил, сформировал организации самообороны или присоединился к немецкой полиции (вместо украинцев) или советским партизанам, которые боролись против УПА. Во всех этих конфликтах поляки также поступали по отношению к украинским гражданским лицам. УПА, вероятно, по этой причине, убила столько же украинцев, сколько и поляки, так как считала людей, которые не придерживались её собственного направления национализма предателями.

После того, как Красная армия вытеснила немцев из Украины летом 1944 года, УПА вовлекла советские войска в крупномасштабную партизанскую войну. В конце 1944 года немцы выпустили Бандеру из Заксенхаузена, и он подумывал о возвращении в Украину. Его товарищи украинские националисты отговорили его от этого, на том основании, что он был слишком ценен как символ борьбы и не должен рисковать своей жизнью. Между тем тысячи украинцев погибали, сражаясь за независимость под его именем. Никакие другие подпольные силы не сопротивлялись Советам так долго, как УПА, или вызывали такие потери. К концу 1940-х годов, однако, Советский Союз преобладал, убив более сотни тысяч украинцев, и ещё большее число депортировав в Сибирь. Если советские подсчёты верны, то украинских националисты понесли большее число смертных жертв в

борьбе с коммунистическим правлением, чем армии США в Корейской и Вьетнамской войнах вместе взятых.

Именно это жертвенное наследие многие в Западной Украине сегодня ассоциируют с Бандерой, и не хотят, чтобы оно было забыто. УПА также воевала и на польской стороне границы, оказывая сопротивление польскому коммунистическому режиму, который занимался депортациями украинцев со своей родины. Многие люди, которые присоединились к УПА как в Советском Союзе, так и коммунистической Польше, сделали это после войны, в целях самообороны, и не принимал участия в предыдущих кампаниях убийств. После того, как холодная война началась, некоторые из ОУН-Б членов и бойцов УПА были завербованы британской и американской разведками, а затем сброшены на парашютах в ходе обреченных миссий через советскую границу. Советские и польские коммунисты, консолидировав своё преимущество в конце 1940-х годов, демонизировали ОУН и украинских партизан, как «немецко-украинских фашистов», при этом используя достаточно точную характеристику, которая могла служить в качестве прочной и эффективной пропаганды, как внутри, так и вне Советского Союза. Сам Бандера остался в Германии после войны ведущей фигурой в капризный среде украинских националистов в Мюнхене. Он остался верен идее фашистской Украины до момента, когда был убит КГБ в 1959 году.

Фашизм никогда не имели значительного влияния в Восточной и Центральной Украине, и был важен лишь в политической жизни западной части Украины при сложившихся особых обстоятельствах во время Второй мировой войны и партизанской войны против Советской власти, когда террористы с опытом подпольной деятельности пользовались естественным преимуществом. Тем не менее, Бандера ассоциируется с определенной альтернативной историей страны, которая находится за пределами влияния России и Советского Союза. Бандера родился в Габсбургской

монархии, а не русской империи, и его движение возникло в Польше, а не в Советском Союзе. Эти земли вошли в состав Советского Союза только в результате Второй мировой войны. Украинские националисты из этого региона считали, что они принимали участие более крупном европейском движении, и они были правы. «Выздоровление» от фашистской идеологии в южной, центральной и западной частях Европы происходило только после Второй мировой войны, в условиях американской оккупации и процветания. Для многих людей в Западной Украине, триумфальный марш на запад Красной Армии через свою родину означал не столько освобождение, сколько начало новой оккупации, советской после польской и немецкой. УПА была единственной надеждой для национальной самообороны.

Это то, что некто рассказывает об украинской истории, которая не является доминирующей. Ющенко потерпел сокрушительное поражение в первом туре президентских выборов, возможно, в какой-то мере, потому что гораздо больше украинцев идентифицируют себя с Красной Армией, чем с националистическими сторонниками из Западной Украины. Чучело Бандеры было сожжено в Одессе после того, как он был назван героем; и даже его статуя в западном украинском Львове, возведенная городскими властями в 2007 году, находилась под охраной во время избирательной кампании. Для Ющенко, который не является западным украинцем, обьятия Бандеры были частью более общей попытки дистанцировать Украину от наследия сталинизма. Всем, кто интересуется историей советской Украины, известно, от Владимира Путина в Москве до украинских националистических эмигрантов в Торонто, что партизанская борьба под именем Бандеры против введения сталинского правления была полна огромной решимости. Таким образом, кажется, есть определенная бинарная политическая логика в решении Ющенко: прославлять Бандеру означает отрицать Сталина и отвергать любые претензии Москвы к власти над Украиной.

Реабилитация Бандеры, которая может согласовываться с идеологической конкуренцией в середине двадцатого века, вряд ли имеет этический смысл сегодня. Ющенко, который высоко оценил недавний приговор суда Киева относительно осуждения Сталина за геноцид, считает героем человека, чья политическая программа, призывающая к этнической чистоте, и чьи последователи участвовали в этнических чистках поляков, а в некоторых случаях - и во время Холокоста. Бандера противостоял Сталину, но это не значит, что двое мужчин были совершенно разными. В их борьбе за Украину мы видим торжество принципа, общего для фашистов и коммунистов, что политические преобразования освящает насилие. Именно это наследие, казалось, революционеры Восточной Европы, преодолели за последние тридцать лет: от движения «Солидарность» в Польше в 1980 году до украинских президентских выборов 2005 года. Именно тогда, во время Оранжевой революции, мирные демонстрации за свободные и честные выборы привели Ющенко в президенты. «Объятиями» Бандеры в то время как он покидает свой пост, Ющенко бросает тень на свое политическое наследие.

24 февраля 2010, 2:16 p.m.

<http://www.nybooks.com/blogs/nyrblog/2010/feb/24/a-fascist-hero-in-democratic-kiev/>

ОБ АВТОРЕ

Гжегож РОССОЛИНСКИ–ЛИБЕ

Grzegorz Rossoliński-Liebe

Гжегожа Россолински–Либе (Берлин) / Grzegorz Rossoliński-Liebe (Berlin), немецкого историка (Университет Гамбурга), относят к перспективным и уважаемым исследователям таких тем, как фашизм, этническое и политическое насилие, Холокост. Также Гжегож Россолински – Либе специализируется на вопросах, касающихся Второй мировой войны,

теории истории, центрально-европейских студий.

Степень магистра он получил в Европейском Университете Виадрина (нем. *Europa-Universität Viadrina in Frankfurt (Oder)*), который является одним из старейших университетов Европы, расположенном во Франкфурте-на-Одере, на востоке Германии.

После этого продолжил обучение в Университете Гамбурга. Диссертация этого историка посвящена изучению жизни и деятельности Степана Бандеры: «Степан Бандера: Жизнь и существование после неё украинского фашиста» / *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Fascist (1909-2009)* должна выйти в свет ориентировочно в 2013-м году. При работе над данной темой, он исследовал соответствующие документы в около 10 городах Германии, Украины, Польши, презентовал наработки в Канаде и в Германии. Диссертация составляет более 600 страниц.

Другие работы, касающиеся украинского вопроса:

- «Украинская национальная революция» 1941 года: Дискурс и практика фашистского движения» / Критика: Исследования истории России и Евразии, том 12, номер 1. (2011): 83-114.

- «Прославление фашизма и военной преступности в Эдмонтоне. Политический миф и культ Степана Бандеры в мультикультурной Канаде.» / Опубликовано в *Kapapien Revisited* 29.12.2010.

Россолински-Либе убеждён, что культ Степана Бандеры начал развиваться сразу же после убийства убийства радикальных националистических и фашистских западных украинских политиков с 15 октября 1959 года.

Некоторые фракции украинской диаспоры организовывали мемориальные торжества в канадских городах, включая Эдмонтон, а также ряде других стран, за пределами Советского Союза. Изначально эти торжества проводились ежегодно, но сейчас они проводятся каждые пять лет. На этих торжествах Бандера представлен как великий украинский герой и мученик, который умер за Украину. Фашистские и антисемитские убеждения Бандеры, а также погромы и военные преступления ОУН-УПА замалчиваются, - отмечает Россолински-Либе в вышеуказанной работе, касающейся мифа Бандеры.

- «Акт 30 июня 1941 года и его празднование в Украине в 2011 году». На DefendingHistory.com

Эта дата – 70-летие со Дня провозглашения Украинского государства ОУН-б деятелем Ярославом Стецько, который вечером 30 июня 1941 года зачитал «Акт провозглашения Украинского государства» во Львове.

- «История города Львова в его политических памятниках».

Напечатано в: *есе-urban The Online Publications Series of the Center for Urban History of East Central Europe, No. 6, October 2009*

Гжегож Россолински–Либе

«Прославление фашизма и военной преступности в Эдмонтоне»

Политический миф и культ Степана Бандеры в мультикультурной Канаде

Автор благодарен Иоанну-Павлу Химке (John-Paul Himka) за разрешение прочесть его неопубликованные манускрипты, Перу Андерсу Рудлингу (Per Anders Rudling) за его критические и конструктивные комментарии и Майклу Млинарзу (Michał Młynarz) и Саре Линден Песей (Sarah Linden Pasay) за языковую редакцию.

Введение

Канадская история, как и канадское общество, является неоднородной и сложной. Процесс взаимодействия с такой историей требует не только понимания транснациональных или глобальных исторических знаний, но и критического восприятия различного прошлого людей, которые иммигрировали в Канаду. Одним из самых проблемных компонентов неоднородной канадской истории является политический миф Степана Бандеры, который возник в Канаде после убийства Бандеры 15 октября 1959 года. Миф Бандеры стимулировала часть украинской диаспоры в Канаде и других странах, чтобы воздать почтение фашистскому, антисемитскому и радикальному националистическому политику, чьи сторонники и приверженцы были не только готовы к сотрудничеству с нацистами, но и убивали евреев, поляков, русских, не-националистически настроенных украинцев и других людей в Украине, которых они воспринимали как врагов священной концепции нации.

В этой статье я делаю акцент на политическом мифе и культе Степана Бандеры в Эдмонтоне, исследуя, как некоторые элементы украинских групп иммигрантов пытались совместить политику канадского мультикультурализма с антикоммунистической риторикой времён Холодной войны, чтобы прославлять «героизм» Степана Бандеры. Данное прославление являлось частью их борьбы с Советским Союзом за независимую Украину. Исследуя политический миф и культ Степана Бандеры, я, прежде всего, предоставляю краткое теоретическое введение в политический миф. Во-вторых, используя метод «глубокого описания» и критику идеологии², я анализирую, как украинцы прославляли Бандеру в Эдмонтоне и некоторых других городах Канады под влиянием его политического мифа.

Поскольку центром данной статьи является политический миф, а не на личность Степана Бандеры, я не рассматриваю его биографию в подробностях. Кроме того, я не исследую более ранние формы мифа Бандеры, которые возникли во время Второй Польской Республики и во время Второй мировой войны, особенно во время Украинской национальной революции, организованной ОУН-Б летом 1941 года³, или негативный образ Степана Бандеры, который был создан в Советском Союзе, и который всё ещё «живит» репутацию Бандеры как героя среди необходимым «топливом» среди многочисленных украинских

² For "thick description", cf. Geertz, Clifford: Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture. In: Geertz, C.: The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books 1973, pp. 3-30. For the critique of ideology, see Grabner-Haider, Anton: Ideologie und Religion. Interaktion und Sinnsysteme in der modernen Gesellschaft. Wien: Herder 1981; Schleichert, Hubert: Wie man mit den Fundamentalisten diskutiert, ohne den Verstand zu verlieren. Anleitung zum subversiven Denken. München: Beck 2005, pp. 112-117.

³ For a discussion of the «Ukrainian National Revolution» in the summer of 1941, cf. Rossoliński-Liebe, Grzegorz: The «Ukrainian National Revolution» in the Summer of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement. In Kritika: Explorations of Russian and Eurasian History 12/1 (2011), pp. 83-114.

националистов, в том числе, и некоторых ученых в Канаде и Западной Украине⁴.

Здесь не хватает места, чтобы изложить историю таких организаций, как ОУН (Организация украинских националистов) и УПА (Украинская повстанческая армия) или для анализа вопросов, связанных с сотрудничеством нацистов с украинскими националистами, польско-украинским конфликтом, этническими чистками поляков УПА, а также важностью фашизма⁵ и антисемитизма в ОУН, но эти вопросы были широко изучены такими учеными, как Фрэнком Голжевски (Frank Golczewski)⁶, Дитером Полем (Dieter Pohl)⁷, Гжегожем Мотыкой (Grzegorz Motyka)⁸, Франциском Брудером (Franziska Bruder)⁹, Капелом Беркхоффом (Karel Berkhoff)¹⁰, Джеффри Бурдсом (Jeffrey Burds)¹¹, и Тимоти Шнайдером (Timothy Snyder)¹².

⁴ To my knowledge, there are no scholarly works concerning the de-monization of Stepan Bandera by the Soviet propaganda machine.

⁵ For the problem of fascism in the OUN, cf. Golczewski, Frank: *Deutsche und Ukrainer 1914–1939*. Paderborn: Schöningh 2010, pp. 571-591; Rossoliński-Liebe 2011.

⁶ Golczewski 2010; Golczewski, Frank: *Die Kollaboration in der Ukraine*. In: Dieckmann, Christoph (Ed.): *Kooperation und Verbrechen. Formen der »Kollaboration« im östlichen Europa*. Göttingen: Wallstein 2003, pp. 151-182.

⁷ Pohl, Dieter: *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens*. München: Oldenburg 1997.

⁸ Motyka, Grzegorz: *Ukraińska partyzantka 1942–1960: działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii [The Ukrainian Guerilla 1942–1960: The Activity of the OUN and the UPA]* Warszawa: Inst. Studiów Historycznych PAN 2006.

⁹ Bruder, Franziska: *»Den Ukrainischen Staat erdämpfen oder sterben!« Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929–1948*. Berlin: Metropol 2007.

¹⁰ Berkhoff, Karel C.: *Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under the Nazi Rule*. Cambridge: Belknap 2004.

¹¹ Burds, Jeffrey: *AGENTURA: Soviet Informants' Networks & the Ukrainian Underground in Galicia, 1944–48*. In: *East European Politics and Societies* 11/1 (1997), pp. 89-130.

¹² Snyder, Timothy: *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven: Yale UP 2003; Snyder, Timothy: *To Resolve the Ukrainian Question Once and for All: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947*. In: *Journal of Cold War Studies*, 1/2 (Spring 1999), pp. 86-120.

Личность и политический миф Степана Бандеры

В этой статье нет определения мифа как оппозиции истины или реальности, как историки и другие ученые иногда утверждают для того, чтобы подчеркнуть свою правоту. Я определяю, как миф как «историю», которая мобилизует эмоции и парализует разум. Политический миф является более современной версией мифа, который имеет отношение к политике или идеологии. В этой статье я следую культурному, не оценочному понятию (концепту) идеологии, которое было разработано Клиффордом Гирцем (Clifford Geertz) в его эссе «Идеология как культурная система». Для Гирца это является потерей ориентации, которая самым непосредственным образом даёт рост идеологической деятельности, невозможностью, из-за отсутствия полезной модели, понять всеобъемлемость гражданских прав и обязанностей, с участием каждого.¹³ Эта потеря ориентация, конечно, произошла в Западной Украине после Первой мировой войны. Она нашла воплощение (проявила себя) в так себя в таких организациях, как ОУН, которая радикализовала украинский национализм, переориентировав его на нацистскую Германию, фашистскую Италию и другие экстремальные и радикальные националистические движения. Это относится к терроризму, которые имел место в период между двумя войнами, и массовому насилию и убийствам, которые проводились во время Второй мировой войны. Потеря культурной ориентации также происходила в среде украинской диаспоры в Канаде и других странах по всему миру, хотя она присутствовала в отличной форме, чем утрата, которая произошла в 1930-х и 1940-х годов в Западной Украине. В настоящее время эти общины стали прославлять Степана Бандеру и военных преступников, как Роман Шухевич, как героев украинской нации.

However, cf. also Jeffrey Burds' review of Snyder's article on <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/com-ment13.htm> (accessed: 14.12.2010).

¹³ Geertz, Clifford: Ideology as a Cultural System. In: Geertz 1973, pp. 193-233, here p. 219.

Политический миф Степан Бандера базировался не исключительно на личности самого Степана Бандеры. Как правило, политические мифы внедрены в идеологию, которая дает им смысл. В случае с мифом Бандеры, это значение предоставляется идеологии украинского национализма, которая в своей радикальной версии, возникла после Первой мировой войны в Западной Украине. Кроме того, воплощение политических мифов может быть понято в качестве визуальной составляющей идеологии, увлекательного рассказа или изображения, которое также является частью пропаганды этой идеологии, которая состоит из многих взаимосвязанных политических мифов.¹⁴ Кроме идеологии, политический миф взаимосвязан с культурами, ритуалами и символами.

Культ Степана Бандеры и обряды, возникшие вокруг данной личности, находятся на практической стороне политического мифа Степана Бандеры¹⁵. Культ и обряды практикуется теми, кто верит в миф, действуя в качестве его производителей, преемников, или и тех, и других. В случае с политическим мифом Степана Бандеры, - это политический культ личности. Межвоенный период стал «свидетелем» возникновения ряда культов личности в Европе. Хотя некоторые из них не были фашистскими или авторитарными, в том числе культ Томас Гарриг Масарик (Tomáš Garrigue Masaryk) Чехословакии¹⁶, все они полагались на харизму для легитимации власти. Харизма лидеров редко была «природной», но часто сфабрикованной благодаря активным усилиям пропаганды. Эти культы возникали при различных

¹⁴ Flood, Christopher G.: Political Myth. A Theoretical Introduction. New York, London: Gerland Pub. 1996, pp. 15-26.

¹⁵ Hein, Heidi: Historische Kult-forschung. Digitales Handbuch zur Geschichte und Kultur Russlands und Osteuropa. In: <http://epub.ub.uni-muenchen.de/636/1/hein-kultforschung.pdf>, pp. 4-5 (accessed: 30.10.2009).

¹⁶ Masaryk was neither a fascist nor an authoritarian dictator but his charisma was used to create a cult which helped to legitimise the existence of Czechoslovakia. Cf. Orzoff, Andrea: The Husbandman: Tomбль Masaryk's Leader Cult in Interwar Czechoslovakia. In: Austrian History Yearbook 39 (2008), pp. 121-137.

политических, культурных и социальных обстоятельствах, преследовали выполнение различных целей в тех обществах, где они были применены. Поэтому было бы неправильно ставить знак равенства между ними, но является возможным сравнивать их, учитывая, что сравнение - это не только анализ сходств, но и различий. Наиболее известные европейские культы личности были установлены: вокруг самого антисемитского европейского лидера Адольфа Гитлера (Adolf Hitler) в Германии¹⁷, который является прототипом фашистского лидера Бенито Муссолини (Benito Mussolini) в Италии¹⁸; Франциско Франко (Francisco Franco) в Испании¹⁹; Антонио Салазара (Antonio Salazar) и Ролау Прето (Rolão Preto) в Португалии²⁰, Филиппа Петена (Philippe Pétain) во Франции²¹, Анте Павелича (Ante Pavelić) в Хорватии²², Корнелиу Целеа Кодряну (Corneliu Zelea Codreanu) и Иона Антонеску в Румынии²³, Иосифа Пилсудского и Романа Дмовски (Józef Piłsudski and Roman Dmowski) в Польше²⁴,

¹⁷ There are many publications concerning Hitler's charisma. The problematic of the Hitler myth is well explained in Kershaw, Ian: *The »Hitler Myth«: Image and Reality in the Third Reich*. Oxford: Clarendon Pr. 1987. Cf. also Lepsius, M. Rainer: *The Model of Charismatic Leadership and Its Applicability to the Rule of Adolf Hitler*. In Pinto, Antynio Costa/Eatwell, Roger/ Larsen, Stein Ugelvik (Eds.): *Charisma and Fascism in Interwar Europe*. London: Routledge 2007, pp. 37-52.

¹⁸ Gentile, Emilio: *Mussolini as the Prototypical Charismatic Dictator*. In: Pinto/Eatwell/Larsen 2007, pp. 113-127.

¹⁹ Payne, Stanley G.: *Franco, the Spanish Falange and the Institutionalisation of Mission*. In: Pinto/Eatwell/ Larsen 2007, pp. 53-62.

²⁰ Pinto, Antynio Costa: *»Chaos« and »Order«: Preto, Salazar and Charismatic Appeal*. In: Pinto/Eatwell/Larsen 2007, pp. 65-75.

²¹ Baruch, Marc Olivier: *Charisma and Hybrid Legitimacy in Pétain's État français (1940–1944)*. In: Pinto/Eatwell/Larsen 2007, pp. 77-85.

²² Goldstein, Ivo: *Ante Pavelić: Charisma and National Mission in Wartime Croatia*. In: Pinto/Eatwell/Larsen 2007, pp. 87-95; Cox, John K.: *Ante Pavelić and the Ustaša State in Croatia*. In: Fischer, Bernd J. (Ed.): *Balkan Strongmen. Dictators and Authoritarian Rulers of South Eastern Europe*. West Lafayette: Purdue UP 2007, pp. 199-238.

²³ Fisher-Galati, Stephen: *Codreanu, Romanian National Traditions and Charisma*. In: Pinto/Eatwell/Larsen 2007, pp. 107-112.

²⁴ Hein, Heidi: *Der Piłsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939*. Marburg: Herder Inst. 2002.

Видкуна Квислинга (Vidkun Quisling) в Норвегии²⁵, Иосифа Сталина в Советском Союзе²⁶, Миклоша Хорти (Miklós Horthy) в Венгрии²⁷, Энгельберта Долфуба и Курта Шушнига (Engelbert Dollfuß and Kurt Schuschnigg) в Австрии²⁸, Андрея Глинки и Иосифа Тисо Andrej Hlinka and Jozef Tiso) в Чехословакии и Словакии²⁹, Антанаса Сметона (Antanas Smetona) в Литве³⁰, Ахмеда Зогу (Ahmed Zog) в Албании³¹, Александра Карадоревича (Aleksandar I. Karadordević) в Югославии³², Мустафы Кемалья Ататюрка (Mustafa Kemal Atatürk) в Турции³³, Анастасии Вонсятски и Константина Роджаевского (Anastasii Vonsiatskii and Konstantin Rodzaevskii) среди русских émigrés³⁴ и некоторых других³⁵.

²⁵ Larsen, Stein Ugelvik: Charisma from below? The Quisling Case in Norway. In: into/Eatwell/Larsen 2007, pp. 97-106.

²⁶ Apor, Balázs/Behrends, Jan C./Jones, Polly/Rees, E.A. (Eds.): The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc. Basingstoke: Palgrave Macmillan 2004.

²⁷ Fenyo, Mario D.: Hitler, Horthy and Hungary. New Haven: Yale UP 1972, p. 26f., p. 77f., pp. 140-143, p. 207f.

²⁸ Pauley, Bruce F.: Fascism and the *Führerprinzip*: The Austrian Example. In: Central European History 12/3 (1979), pp. 281-286.

²⁹ Besier, Gerhard: »Berufsständische Ordnung« und autoritäre Diktaturen. Zur politischen Umsetzung einer »klassenfreien« katholischen Gesellschaftsordnung in den 20er und 30er Jahren des 20. Jahrhunderts. In: Besier, G./ Lybbe, Hermann (Eds.): Politische Religion und Religionspolitik. Zwischen Totalitarismus und Bürgerfreiheit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 2005, pp. 79-110, here p. 107f.

³⁰ Kasparavičius, Algimantas: The Historical Experience of the Twentieth Century: Authoritarianism and Totalitarianism in Lithuania. In: Borejsza, Jerzy W./Ziemer, Klaus (Eds.): Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century. New York, Oxford: Berghahn 2006, pp. 304-308.

³¹ Fischer, Bernd J.: King Zog, Albania's Interwar Dictator. In: Fischer 2007, pp. 19-49.

³² Farley, Brigit: King Aleksandar the Royal Dictatorship in Yugoslavia. In: Fischer 2007, pp. 51-86.

³³ Ahmad, Feroz: Kemal Atatürk and the Founding of the Modern Turkey. In: Fischer 2007, pp. 141-163.

³⁴ For Anastasii Vonsiatskii, cf. Stephan, John J.: The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile 1925–1945. New York: Hopper & Row 1978, pp. 91-140. For Konstantin Rodzaevskii, cf. Stephan 1978, pp. 73-90.

³⁵ In Canada fascist movements occurred as well, cf. Betcherman, Lita-Rose: The Svastika and the Maple Leaf. Fascist Movements in Canada in the 1930s. Toronto: Fitzhenry & Whiteside 1975.

Тем не менее, миф о Бандере не может быть сведен к культуре личности. Миф также относится к событиям, в которых Бандера не принимал участия, а также лицам, которые идентифицировали себя и были признаны другими как бандеровцы, обращаясь тем самым к имени Степана Бандеры. Символ Бандеры также часто используется для обозначения эпохи, в которой, как подразумевали верующие в миф, «поколение Бандеры» боролось за Украину.

Развитие политического мифа Степана Бандеры началось до Второй мировой войны на Юго-Восточных территориях Польской Республики, населенных в основном украинцами. В начале, миф был сформирован польско-украинским конфликтом и Варшавской националистической политикой относительно украинского меньшинства. В частности, миф о Бандере развился после убийства польского министра внутренних дел Бронислава Пиераки (Bronisław Pieracki), ОУН-активистом Григорием Мацейко в июне 1934 года и последующих деяний членов ОУН в 1935 и 1936 в Варшаве и Львове. Странники украинского национализма воспринимали эти деяния в рамках своей продолжающейся борьбы за освобождение Украины, недвусмысленно связывая их с именем Бандеры и способствуя его «символизации» с «храбрым украинским сердцем».

Во время Второй мировой войны миф развивался и распространялся среди лиц, относящихся к различным национальностям и религиозным группам, которые населяли или оккупировали территорию Западной Украины, в том числе к группам галицких украинцев, евреев, поляков, немцев, советских русских и украинцев. Одним из наиболее важных событий, которые и побудили рост политического мифа и культа Степана Бандеры во время Второй мировой войны стала «Украинская национальная революция» летом 1941 года, которая разгорелась в начале немецко-советской войны 22 июня 1941 года. Именно тогда ОУН-Б провозгласила Украинское государство с центром во Львове 30 июня 1941 года, пытаясь убедить нацистских политиков признать его, с

надеждой того, чтобы стать частью новой фашистской Европы под эгидой фашистской Германии. Степан Бандера, руководитель ОУН-Б, должен был быть руководителем нового украинского фашистского государства.

В соответствии с *Führerprinzip*, применяемых ОУН-Б, слово Бандеры было бы выше всего писаного права в ОУН-Б государстве - он стал бы воплощением этого фашистского украинского государства. Нацисты, однако, не признали государства, и взяли в плен Бандеру 5 июля 1941 года. Он был доставлен в Берлин, где находился под домашним арестом до 15 сентября 1941 года. Впоследствии был арестован и содержался в тюрьме в Берлине в качестве почетного заключенного (*Ehrenhäftling*) до октября 1943 года. С октября 1943 по октябрь 1944 года Бандера остался в Zellenbau, части концентрационного лагеря Заксенхаузен для политических заключенных. После того, как Бандера был выпущен, ему было позволено последующее сотрудничество.³⁶

То, что произошло в Украине в то время как Бандера был в Берлине, было чрезвычайно важным для политического мифа Степана Бандеры. Во время «Украинской национальной революции» ОУН-Б создала отряды милиции, которые вместе с немецкими войсками, организовывали и проводили погромы. **В результате этих мероприятий от 13.000 до 35.000 евреев были убиты преступниками погромов. УПА, армия созданная ОУН-Б, проводила в 1943 году на Волыни и в 1944 году в Восточной Галиции кампании этнических чисток против польского населения, в результате чего от 70.000 до 100.000 человек были убиты. Одновременно партизаны УПА также убили несколько сотен евреев, которые пережили предыдущие репрессий до тех пор. Между 1944 и 1953 годами, УПА убивала украинцев, которые были обвинены в сотрудничестве с Советами.**

³⁶ Motyka 2006, pp. 231-234; FSB (Federal'naia Sluzhba Bezopasnosti), Moscow, N-19092/T. 100, l. 233 (Ste-pan Bandera's prison card) .

Всего в это время ОУН-УПА было убито более 20. 000 гражданских лиц. Во время войны против ОУН-УПА Советами было убито 153.000, 134.000 - арестовано и депортировано 203.000 членов ОУН-УПА, членов их семей и случайных западно-украинских граждан. Фанатичная и безответственная борьба ОУН-УПА против гораздо более мощных Советов, конечно, способствовала массовому и насильственному масштабу советских зверств против западных украинцев. Тем не менее, в конечном счете, никто не может нести большей ответственности за советские преступления, чем сами Советы, так же, как и поляки несли полную ответственность за убийство от 10.000 до 20.000 украинцев (как членов ОУН-УПА, так и представителей гражданских лиц) во время и после Первой мировой войны.³⁷

³⁷ On the pogroms in western Ukraine, cf. Pohl, Dieter: Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine – A Research Agenda. In: Barkan, Elazar/ Cole, Elizabeth A./Struve, Kai (Eds.): *Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941*. Leipzig: Leip-ziger Univ.verl. 2007, pp. 305-313; Lesser, Gabriele: Pogromy w Galicji Wschodniej w 1941 r. [Pogroms in Eastern Galicia in 1941]. In: Traba, Robert (Ed.): *Tematy polsko-ukraińskie [Polish-Ukrainian Subjects]*. Olsztyn: Wspylnota Kulturowas Borussia 2001, pp. 103-126. Similar waves of pogroms also broke out shortly after the start of the German-Soviet war in North-Eastern Poland, Lithuania, Latvia, Estonia, Bessarabia and Bukovina. For pogroms in Poland, cf. Żbikowski, Andrzej: Pogroms in Northeastern Poland – Spontaneous Reactions and German Instigations. In: Barkan/ Cole/Struve 2007, pp. 315-354. For pogroms in Lithuania, cf. Dieckmann, Christoph: Lithuania in Summer 1941. The German Invasion and the Kaunas Pogrom. In: Barkan/Cole/Struve 2007, pp. 355-385. For Latvia and Estonia, cf. Bundesarchiv Berlin Lichtenfelde R58/215, l. 134. (Ereignismeldung UdSSR, Nr. 40, 01.08.1941). For Bessarabia and Bukovina, cf. Solo-nari, Vladimir: Patterns of Violence. The Local Population and the Mass Murder of Jews in Bessarabia and Northern Bukovina, July-August 1941. In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 8/4 (2007), pp. 749-787. The first pogrom actions in L'viv started probably on 30 June 1941 or even before. For testimonies that date the beginning of the violent actions to July 1, 1941, cf. Lewin, Kurt I.: *Przeżyłem. Saga Świętego Jura spisa-na w roku 1946 [I Survived. The Saga of Saint George Written in the Year 1946]*. Warszawa: Zeszyty Literackie 2006, pp. 56-57; AŻIH (Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie) 229/54, Teka Lwowska [L'viv portpholio], l. 2. For the course of the pogrom in L'viv, cf. Mick, Christoph: *Ethnische Gewalt und Pogrome in Lemberg 1914 und 1941*. In: *Ost-europa* 53 (2003), pp. 1810-1829, here p. 1810f., pp. 1824-1829; Heer, Hannes: *Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941*. In: *Zsf. f. Geschichtswissenschaft* 49 (2001), pp. 409-427, here p. 410, p. 424; Bruder 2007, pp.

ОУН-Б активисты и партизаны УПА, которые совершали эти злодеяния, были известны как бандеровцы: люди Бандеры. Этот термин не был изобретен советской пропагандой, но восходит к расколу ОУН в конце 1940 - начале 1941 года, разграничивая членов ОУН-Б и членов ОУН-М фракции, которые стали известны как мельниковцы в честь своего лидера Андрея Мельника. Таким образом, Бандера стал главным символом ОУН-Б и УПА, хотя лично он не участвовал в зверствах ОУН-Б и УПА. Тем не менее, он, безусловно, несёт ответственность, по крайней мере, за погромы в июне и июле 1941 г., поскольку он готовил «Украинскую национальную революцию» и организовывал ОУН-Б милицию.

С 1944 года советская пропаганда помогла сделать Степана Бандеру наиболее реальным (заметным) символом украинского фашизма и радикального национализма не только в советской Украине, но и во многих других советских республиках и странах-сателлитах. Создавая рассказ, который изображал Бандеру врагом «приличных» советских украинцев и осуждая украинский национализм, который прославлял «антисоветчину», советская пропаганда подталкивала украинских эмигрантов-националистов в Канаде к прославлению личности Степана Бандеры, что привело к пропагандистской кампании со стороны сообщества эмигрантов против Советского Союза во время Холодной войны. Такое эффективное участие украинской диаспоры не

140-150; Grelka, Frank: Die ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/1942. Wiesbaden: Harras-sowitz 2005, pp. 276-286; Pohl 1997, pp. 60-62; Wachs, Philipp-Christian: Der Fall Theodor Oberländer (1909– 1998). Frankfurt/M: Campus 2000, p. 71, pp. 78-80. For the violent actions against Poles in Volhynia and Galicia, see Motyka 2006, pp. 298-400; Snyder 1999, pp. 93-100. For the second Soviet occupation of Western Ukraine, the brutal conflict between the Soviets and the OUN-UPA, and the terror conducted by the Soviets and the OUN-UPA against the civil population, cf. Burds 1997, pp. 104-115; Bruder 2007, p. 231f., p. 261f.; Motyka 2006, pp. 503-574, p. 649f.; Boekh, Katrin: Stalinismus in der Ukraine. Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden: Har-rassowitz 2007, pp. 339-367. For the number of Ukrainians killed by Poles, see Motyka 2006, p. 411f.

оставило места для критического понимания с тем, чтобы примириться с сотрудничеством украинских националистов с нацистами и их участием в Холокосте, этническими чистками поляков на Волыни и Восточной Галиции в 1943/44, и массовыми убийствами гражданских украинцев, которые поддерживали или были обвинены в поддержке Советской власти в Западной Украине между 1944 и 1951 годами. Украинская диаспора полностью замалчивала память о всех националистических, фашистских и антисемитских особенностях Степана Бандеры, в том числе о таких смущающих ритуалах, проводимых лидерами «Украинской национальной революции» 1941 года, как приветствие правой рукой «немного вправо, чуть выше вершины головы» при выкрикивании «Слава Украине!» и реагировании «Героям слава».³⁸

Канадские верующие в миф Бандеры

Убийство Бандеры агентом КГБ Богданом Сташински позволило националистическим элементам диаспоры винить коммунистических советских лидеров, в основном, Никиту Хрущева, в его смерти. Сразу после убийства, миф о Бандере вновь появился среди украинской диаспоры в Австралии, Аргентине, Канаде, ФРГ, Великобритании, США и ряде других стран. Между тем, советская цензура и пропаганда предотвращала распространение мифа в советской Украине, продвигая, при этом, кардинально отличный набор

³⁸ Tsentral'nyi derzhavnyi arkhiv hromads'kykh ob'iednan' Ukraïny (TsDAHO) f. 1, op. 23, spr. 926, l. 199 (Postanovy II. Velykoho Zboru Orha-nizatsni Ukranns'kykh Natsionalistiv, l. 37). This salute later embarrassed the OUN. In post-war publications reprinting the resolutions of the second OUN conference, the resolution about the fascist salute was deleted from the text. Compare, e.g., OUN v svitli postanov Velykykh Zboriv [The OUN in the Light of the Resolutions of Grand Assemblies] (n.p.: Zakordonni Chastyny Orhanizatsin Ukranns'kykh Natsionalistiv, 1955), pp. 44-45 with the original publication of 1941 in: TsDAHO f. 1, op. 23, spr. 926, l. 199 (Postanovy II. Velykoho Zboru Orhani-zatsni Ukranns'kykh Natsionalistiv, 37).

культурных и политических мероприятий, в частности, направленных на демонизацию Степана Бандеры, а также всех других украинских бойцов, которые в то же время были воспеты диаспорой.

Наиболее значимыми местами, где миф заново сотворен, и большинство ритуалов поддерживались, были Лондон, Мюнхен и Торонто. Влиятельные газеты публиковались в этих центрах. После убийства Бандеры были организованы: в Мюнхене – «Путь к победе», «Украинская мысль» - в Лондоне и «Украинское эхо» в Торонто действовали, имея целью возродить в очень интенсивной манере, политический миф Бандеры, влияя тем самым на подписчиков в других городах и странах. Организованное в Эдмонтоне еженедельное издание «Украинские новости» было менее значительным в процессе создания политических мифов Степана Бандеры.

Трудно выяснить, какие лица, или какие части украинской диаспоры находились под влиянием политического мифа Степана Бандеры, или которые прославляли культ Бандеры в Эдмонтоне. Украинцы иммигрировали в Канаду с 1890-х годов и, как следствие, украинская диаспора была разделена по линии поколений, а также по уровням политического воздействия. Первый этап в развитии мифа Бандеры в 1930-х и 1940-х годов повлиял главным образом на украинцев в Польше. Одновременно с этим, украинская диаспора в Канаде в меньшей степени подвергалась влиянию мифа Бандеры. В связи с тем, что эта волна диаспоры была менее политизированной или националистической, она не испытывала особого энтузиазма по поводу этого мифа. Идеология украинского национализма достигла Канады и других мест с большим сообществом диаспор только с приходом ПЛ (перемещенных лиц) после Второй мировой войны. Многие из них отказались вернуться в

советскую Украину, поскольку они опасались преследований за сотрудничество с нацистами.³⁹

Многие ПЛ выросли в межвоенной Польше и познакомились с мифом Бандеры во время Второй мировой войны. Когда эти украинцы прибыли в Канаду, даже еще более националистические компоненты украинской диаспоры не приняли их очень радикальных ценностей и отказались работать с ними. Новая политическая диаспора в среднем была более образованной и политически более активной, чем представители старшего поколения, которые в основном состояли из крестьян. Младшие члены диаспоры организовывали группы молодежи, приходы, политические партии, субботние школы, ветеранские объединения, научные общества, кредитные союзы, курорты, энциклопедические проекты, музеи и архивы, радиопрограммы, занятия спортом, клубы по интересам и т.д.⁴⁰

Холодная война мотивировала канадских политиков не вмешиваться с антисоветской деятельностью в жизнь этих общин. Политика мультикультурализма, официально принятая в 1970 году, декадой позднее того, как миф Бандеры вновь появился, сподвигла канадских политиков интерпретировать мероприятия, организованные радикальными националистическими элементами украинской диаспоры как проявление украинской культуры.⁴¹

Сообщество бандеровцев (в основном, но не исключительно, состоящее из бывших членов ОУН-Б) имело сильнейшие идеологические корни. Они действовали радикально и число членов, которые поддерживали планы ОУН-Б относительно освобождения Украины от Советов и

³⁹ Not all DPs left Ukraine together with the withdrawing German army in 1944. Some of the DPs were sent to Germany as forced labourers earlier during the war.

⁴⁰ Himka, John-Paul: A Central European Diaspora under the Shadow of World War II: The Galician Ukrainians in North America. In: Austrian History Yearbook 37 (2006), pp. 17-31, here p. 18.

⁴¹ Satzewich, Vic: The Ukrainian Diaspora. London, New York: Routledge 2002, p. 105.

очищения её территории от врагов, увеличивалось. Бандеровцы создали влиятельные центры в Германии, Великобритании и Канаде. В Великобритании они взяли шефство над Ассоциацией украинцев в Великобритании.⁴²

В Канаде 25 декабря 1949 года они основали ЛВУ (Лига Освобождения Украины - Ліга Визволення України). Лигой было создано около 20 общинных центров для более 50 ответвлений в Канаде. Наиболее важным средством, которое использовали бандеровцы для распространения своих идей и влияния на мышление канадских украинцев, была газета «Украинское эхо», публикуемая в Торонто. На официальном сайте Лиги показано, что Лига была готова объединить украинский национализм с политикой мультикультурализма в Канаде:

Основное внимание Лиги, однако, было направлено на продвижение идей национальной независимости Украины и прав человека для украинского народа, в то же время – на поддержку интересов украинской канадской общины в рамках политики мультикультурализма в Канаде. Общественные мероприятия включали в себя митинги, демонстрации, политические массовые собрания, семинары, конференции, публичные лекции, петиции и массовую корреспонденцию.⁴³

Лига также создавала женские, молодежные и ветеранские организации, такие как СУМ (украинская молодежная ассоциация – Объединение Украинской Молодёжи - Спілка Української Молоді) или ОЖЛВУ (Об'єднання жінок Канади Ліги Визволення України - Ассоциация женщин Канады Лиги за освобождение Украины).

Глубоким смыслом и главной целью деятельности организации бандеровцев было подготовить своих детей к возможной борьбе за независимое украинское государство. Этот бой станет продолжением фашистской Украинской

⁴² Ibid.

⁴³ V Avangardi Ukrannsk'koi spravy. Liga vyzvolennia Ukranny [In the Vanguard of the Ukrainian Matter]. In: http://www.lucorg.com/luc-histo-ry_174.htm (accessed: 23.10.2009).

революции лета 1941 года и борьбы УПА в период между 1943 и 1953 годами. Для этой цели в 1962 году памятник героям Украины был установлен на территории новооткрытого оздоровительного лагеря в Эленвиле (Ellenville), расположенном в северной части штата Нью-Йорк. Памятник представлял собой гигантское копьё с украинским трезубцем на нем и бюстами Симона Петлюры и Евгения Коновальца, а также Романа Шухевича и Степана Бандеры, по обе стороны от копьёя. Украинские дети диаспоры собрались перед памятником читать стихи, прославляющие украинских героев или для исполнения фольклорных танцев.⁴⁴

Подобные лагеря были созданы в Канаде. В Онтарио, лагерь «Веселка» был открыт в 1954 году и лагерь «Верховина» был открыт в 1955 году в Св. Феодоре в Квебеке. СУМ Садбери (Sudbury) открыла лагерь под названием «Билогорша», а СУМ в Тандер-Бее (Thunder Bay) создала еще два лагеря («Карпаты» и «Диброва»). Лагеря преследовали образовательные цели: научить детей диаспоры любить свою страну и ненавидеть врагов Украины. Активисты ОУН и партизаны УПА были представлены детям как герои, в то время как военные преступления УПА и антисемитизм и фашизм активистов из ОУН отрицались. Долгосрочной целью было сформировать новое поколение, которое продолжало бы их борьбу за украинское государство: каким видят его организаторы, «обучить украинскую молодежь их истории и культуре, а также направить на то, чтобы те стали активными членами своих украинских и местных общин, при этом служа Богу и своей украинской родине».⁴⁵

⁴⁴ Sawa-Priatka, Tania: A Short History of the Ukrainian American Youth Association's «Oselia» on the Occasion of its 50th Anniversary. In: http://www.cym.org/us/ellenville/Oselia50_UWar-ticle.asp (accessed: 09. 12.2009).

⁴⁵ Sawa-Priatka, Tania: unnumbered manuscript. For the organisation of banderivtsi in Canada, cf. Lalande, Julia: «Building a Home Abroad». A Comparative Study of Ukrainian Migration, Immigration Policy and Diaspora Formation in Canada and Germany after the World War II (Diss., Univ. of Hamburg, 2006).

Канадский мультикультурализм, украинский национализм и политическая активность

Канадский парламент принял принцип мультикультурализма в качестве официальной политики в 1971 году. К этому времени мультикультурализм в Канаде был понят как противовес ранее доминирующей английской культуры. Как и другие страны, Канада стремилась ликвидировать культурное или этническое неравенство и установить большую терпимость к «Другим». В этом контексте политика мультикультурализма, была успешной. С одной стороны, она помогала сделать так, чтобы канадское общество лучше осознавало свое культурное и этническое разнообразие и «Отличность» от общества в целом. Мультикультурализм побуждал и позволял канадским гражданам с не-английскими или французскими корнями идентифицировать себя с Канадой на базе их традиционной культуры. Это позволило открыть немецкие, итальянские, украинские и школы других национальностей школ и обогатить Канадское общество в новых направлениях.

С другой стороны, та же политика помогла создать атмосферу, при которой трудно было критически относиться («принимать») к историям, которыми руководствовались отдельные личности, и на которых базировался фольклор различных этнических групп. Существование «подлинности» или «первоначальности» было взято в основу как теории мультикультурализма, так и национализма. Это «принятие» превратило мультикультурное общество в мульти этническую или многонациональную общину, в которой критическое восприятие («принятие») прошлого отдельной группы,

In: http://www.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2007/3265/pdf/Lalande_Dissertation_2006.pdf, pp. 184-190 (accessed: 24.10.2009). For the camp in Ellenville, the monument of the Ukrainian heroes and the reproduction of banderits in this camp, see http://www.cym.org/us/_archives/2009/2009PamyatnykProj.asp (accessed: 24.10.2009). For the camps in Canada, cf. Mycak, Iryna: The Ukrainian Youth Association of Canada 1948–1988. Toronto: Beskyd Graphica 1990, p. 8.

независимо от её намерений, понималось как незаконное и часто нетактичное вмешательство в его уникальную культуру. Это, в сочетании с антисоветским и антикоммунистическим климатом Холодной войны, позволило некоторым из этих групп, чтобы развивать и разрабатывать ритуалы, которые были связаны с радикальным национализмом, фашизмом и антисемитизмом, где данные явления существовали в их «внешней родине» между 1920-1940 годами.⁴⁶

Канадский мультикультурализм не создавал или восстанавливал миф Бандеры в Канаде; на самом деле, миф был разработан за десять лет до официального введения политики мультикультурализма. Кроме того, мультикультурализм не может быть обвинен в становлении украинского фашизма в Канаде, поскольку он уже распространился в 1920-х и 1930-х годах среди украинцев в Польше. Тем не менее, мультикультурализм позволил облегчить процесс прославления антисемитов, фашистов и радикальных националистов, рассматривая его как неотъемлемую часть украинской культуры, которая, в соответствии с принципами мультикультурализма, принадлежала в гетерогенной канадской культуре. Украинцы, поддерживающие Бандеру в Канаде, не прославляют и не помнят его как антисемита, фашиста и национал-радикала. Они «опустили» эти «темные стороны» Бандеры и бандеровцев, и вместо этого сосредотачиваются на роли национальных героев, которые боролись за независимость Украины против Советского Союза и нацистской Германии,

⁴⁶ On multiculturalism in general and debates about multiculturalism, cf. Powell, Timothy B.: All Colors Flow into Rainbows and Nooses. The Struggle to Define Academic Multiculturalism. In: Cultural Critique 55 (2003), pp. 152-181. For multiculturalism in Canada, cf. Cameron, Elspeth (Ed.): Multiculturalism and Immigration in Canada. An Introductory Reader. Toronto: Canadian Scholar's Pr. 2004; Bissoondath, Neil: Selling Illusions. The Cult of Multiculturalism in Canada. Toronto: Penguin 2002; Ти́шек, Славој: A Leftist Plea for ›Eurocentrism‹. In: Critical Inquiry 24 (1998), pp. 988-1009; Ти́шек, Славој: Multiculturalism, or The Cultural Logic of Multinational Capitalism. In: New Left Review 225 (1997), pp. 28-51.

якобы, при этом никогда не сотрудничая с нацистами или совершая военные преступления.⁴⁷

Некоторые элементы украинской общины в Канаде приняли политику мультикультурализма за те возможности, которые она предложила. Одной из таких возможностей было сохранение украинского языка и культуры. УКК (Украинский Канадский комитет), руководящая организация, основанная в ноябре 1949 года, объединила украинских националистов воедино националистических украинцы вместе при одном обстоятельстве:

[...] Являясь потомками 50 миллионов украинцев, которые подвергаются резкой политики Русификации, проводимой настоящей советской власти, мы в Канаде имеем возможность и считаем святой обязанностью сохранить украинский язык и украинскую культуру за пределами нашей родной земли.⁴⁸

Это сохранение также означало продолжение украинского национализма, что может быть проиллюстрировано изображением на обложке издания «Политика мультикультурализма. Украинско-канадский мемуар»⁴⁹, написанного активистом идей мультикультурализма, Манолой Л.Лупулом (Manoly P. Lupul). На фотографии (рис. 1) изображено шесть человек. Трое из них сидят за столом, а трое других - стоят за ними. Двое из мужчин сидят, один в центре и один правее, у них в руках есть ручки, и они подписывают документ. Документ представляет собой договор между Канадским Институтом Украинских студий (КИУС) университета Альберты, академической институцией, созданной летом 1976 года, и Научным

⁴⁷ For a critique of national representation of World War II in Ukraine, cf. Himka, John-Paul: Victim Cinema. Between Hitler and Stalin: Ukraine in World War II – The Untold Story. In: Kasianov, Georgiy/Ther, Philipp (Eds.): A Laboratory of Transnational History. Ukraine and Recent Ukrainian Historiography. Budapest: Central European UP 2009, pp. 211-220.

⁴⁸ Cit. Lalande 2006, p. 257.

⁴⁹ Lupul, Manoly R.: The Politics of Multiculturalism. A Ukrainian-Canadian Memoir. Edmonton, Toronto: Canadian Inst. of Ukrainian Studies Pr. 2005.

обществом имени Шевченко в Европе, в котором обе стороны договорились о сотрудничестве над «Энциклопедией Украины» в декабре 1976.⁵⁰

Fig. 1: The photograph from the cover of Lupul, Manoly R.: The Politics of Multiculturalism. A Ukrainian-Canadian Memoir. Edmonton, Toronto: Canadian Inst. of Ukrainian Studies Pr. 2005.

Рис 1. Фото с обложки издания Манола Лупула «Политика мультикультурализма. Украинско-канадский мемуар». Эдмонтон, Торонто: Канадский Институт Украинских Студий. 2005.

Мужчинами, изображёнными сидящими на фото, являются, начиная с левой стороны: Георг Луцкий, Владимир Кубийович, Манола Лупул. Людьми, которые стоят, слева направо, являются: Петр Саварин, Антанас Фиголь и Иван Лысяк-Рудницкий.

⁵⁰ Ibid., p. 322.

Как уже упоминалось, Манола Лупул был автором издания «Политика мультикультурализма. Украинско-канадский мемуар», а также членом Совета Альберты по Мультикультурализму и первым директором Канадского Института Украинских студий (КИУС). Он решил расположить это изображение на обложке, которое, вероятно, символизировало для него важный момент, иллюстрирующий одновременно украинских активистов политики мультикультурализма и украинского национализма.

После Второй мировой войны, Иван Лысяк-Рудницкий был довольно открытым и либеральным историком на кафедре истории в Университете Альберты, а также заместителем директора КИУС. Он критически отзывался о Бандере, а также об украинском и других фашистских движениях. Во время войны, однако, Лысяк-Рудницкий, как и некоторые другие украинские интеллектуалы, писал националистические статьи для газеты «Краковские новости», украинской военной газеты. Хотя он никогда не принадлежал к ОУН-Б, он, однозначно, был некритически настроенным к националистическим и антисемитским течениям европейского фашизма, рассматривая нацистов как освободителей.⁵¹

Георг Луцкий был вторым заместителем директора КИУС. В Институте он руководил Отделением по разработке «Энциклопедии Украины», которое располагалось в Департаменте Славянских языков и литературы в университете Торонто (University of Toronto).⁵² В опубликованных им в 1992 мемуарах Луцкий писал: «Я был одним из немногих мальчиков в нашей школе, которых украинский национализм глубоко не волновал.

⁵¹ For Lysiak-Rudnytsky after the war, cf. Canadian Institute of Ukrainian Studies. A Brief History from 1976 to 1996. In: <http://www.ualberta.ca/CIUS/about/about-history.htm> (accessed: 29.07.2010). For Rudnytsky during the war, cf. Himka, John-Paul: Ethnicity and the Reporting of Mass Murder: Krakivs'ki visti, the NKVD Murders of 1941, and the Vinnytsia Exhumation (forthcoming in a volume on violence in the borderlands, ed. By Omer Bartov and Eric Weitz).

⁵² Canadian Institute of Ukrainian Studies. A Brief History from 1976 to 1996. In: <http://www.ualberta.ca/CIUS/about/about-history.htm> (accessed: 29.07.2010).

Националистическая риторика казалась мне полным клише, что касается и различных националистических молодежных групп (Пласт и т.д.), я отказался от участия в них».⁵³

Несмотря на эти заявления с 1937 по 1939 гг. Луцкий учился в Берлине и получал Стипендию от нацистской Германии. В 1939 году он уехал в Англию, где в 1943 году записался добровольцем в британскую армию и служил в разведке, отчасти выполняя работу, связанную с переводами.⁵⁴ В 1941-1945 годах Антанас Фиголь был представителем УЦК (Український Центральний Комітет – Украинского Центрального Комитета) в Берлине. С 1955 года Фиголь работал советником по экономическим вопросам в Научном Обществе имени Шевченко в эмиграции, Генеральным секретарём которого был между 1947 и 1963 годами бывший директор Украинского Центрального Комитета Владимир Кубийович.

Петр Саварин был членом Совета руководителей Университета Альберты и вице-президентом Прогрессивно-консервативной партии Альберты, а также один из ведущих деятелей украинской общины в Эдмонтоне. В 1983 году, через семь лет после того, как была сделана фотография, Саварин стал президентом Всемирного Конгресса украинцев и занимал эту должность до 1988 года. С 1982 по 1986 год он был ректором Университета Альберты. Во время Второй мировой войны Саварин служил добровольцем в 14-й гренадерской дивизии войск СС, известных также как Ваффен-СС «Галичина». В этом военном формировании он проходил обучение и внушение СС Гимmlера. После войны Саварин гордился своим СС прошлым. Он был представителем Ассоциации ветеранов Ваффен-СС «Галичина» в Эдмонтоне.

⁵³ Luckyj, George S. N.: Memoirs. In: Isajiw, Wsevolod/ Boshyk, Yuruy/ Senkus, Roman (Eds.): The Refugee Experience: Ukrainian Displaced Persons after World War II. Edmonton: Canadian Inst. of Ukrainian Studies Pr. 1992, pp. 508-512, here p. 508.

⁵⁴ Luckyj 1992, p. 508f.

Как представитель Ассоциации ветеранов в Эдмонтоне, он сделал своё СС прошлое важной частью своей украинской идентичности и, вероятно, воспоминал ее как вклад в канадский мультикультурализм.

Кроме того, он был, пожалуй, первым и единственным ректором Североамериканского университета с СС прошлым, который гордился им.⁵⁵

Наиболее интересным аспектом этой картины, однако, является присутствие Владимира Кубийовича. Он не принадлежал к ОУН-Б, но активно сотрудничал с нацистами, в результате чего стал близок к Бандере в конце Второй мировой войны. С апреля 1940 по январь 1945 года он возглавлял Украинский Центральный Комитет (УЦК) в Кракове, который входил в состав Генерального правительства. Комитет ассоциировался с газетой «Краковские новости», которая не только перепечатывала немецкую антисемитскую пропаганду, но и размещала статьи, написанные украинскими интеллектуалами, которые соответствовали запросам немецких властей относительно написания националистических и антисемитских материалов. Действительно, Кубийович разместил статью в газету.⁵⁶

Кроме того, он попросил руководителя Генерального правительства Ганса Франка, рассмотреть «весьма значительную часть конфискованного еврейского богатства, возвращённого украинскому народу». По мнению Кубийовича, оно принадлежало украинцам и в конечном итоге оказалось в

⁵⁵ On Petro Savaryn memoirs, in which he discusses and expresses pride in his SS past, cf. Savaryn, Petro: *Z soboiu vzialy Ukraïnu. Vid Ternopillia do Al'berty* [We took Ukraine with Us. From Ternopil to Alberta]. Kyïv: KVITs 2007, p. 275; Bairak, Mykhailo: *Ukrains'ka Strilets'ka Hromada v Edmontoni* [Ukrainian War Veterans Association in Edmonton]. Edmonton: *Ukrains'ka Strilets'ka Hromada – Vid-dilu v Edmontoni* 1978, p. 185. On the 14th Grenadier Division of the Waffen SS, cf. Golezewski, Frank: *Shades of Grey: Reflections on Jewish-Ukrainian and German-Ukrainian Relations in Galicia*. In: Brandon, Ray/Lower, Wendy (Eds.): *The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization*. Bloomington: Indiana UP 2008, pp. 114-155, here p. 136.

⁵⁶ For Kubiiiovych and *Krakivs'ki visti*, see Himka: *Ethnicity and the Reporting of Mass Murder* (forthcoming).

руках евреев» только из-за безжалостного нарушения закона евреями и их эксплуатации украинского народа».⁵⁷

Помимо того, что Кубийович взял шефство над «Краковскими новостями» и поощрял ведущих нацистов, чтобы те позволили украинцам принять участие в ариизации, он также поддержал создание Ваффен-СС «Галичина», которая в основном состояла из украинцев. Это подразделение воевало в июле 1944 года против советской армии. Часть этого подразделения также участвовали в антипартизанской деятельности и совершали преступления против гражданского населения.⁵⁸ В феврале и марте 1945 года, в то время как советская армия находилась примерно в 60 километрах от Берлина, Кубийович вместе с Бандерой, Мельником и Павлом Скоропадским использовал последний шанс сотрудничать с нацистами в УНК (Український Національний Комітет -Украинский Национальный комитет), который возглавлял Павел Шандрук. УНК мобилизовал около 75.000 украинцев в последнем крестовом походе с остальными фанатичными нацистами против Советского Союза.⁵⁹

После разработки некоторых корреляций между украинским национализмом и канадским мультикультурализмом с помощью изображения на обложке издания

⁵⁷ Kubiiovych to Frank, 29 August 1941, NAC, MG 31, D203, vol. 23, file 31. Cit. Golczewski 2008, p. 133f. In his seminar *History at the Movies: The Holocaust in Cinema* at the University of Alberta in the winter semester of 2010, John-Paul Himka mentioned that during the War his father-in-law Mykhailo Chomiak, the chief editor of *Krakivs'ki visti* moved into an Aryanised Jewish apartment in Krakyw. However, Himka did not reveal any specific information about this incident. After the war Chomiak worked for the Edmonton based *Ukranns'ki visti* (Ukrainian News), and between 1981–1982 he was the chief editor of this newspaper. On Chomiak as the editor of *Krakivs'ki visti*, cf. Himka, John-Paul: *Krakivski visti: An Overview*. In: Gitelman, Zvi/Hajda, Lu-bomyr/Himka, John-Paul/Solchanyk, Roman (Eds.): *Cultures and Nations of Central and Eastern Europe. Essays in Honour of Roman Szporluk*. Cambridge: Harvard Ukrainian Pr. 1998, pp. 251-261, here p. 254.

⁵⁸ Motyka 2006, p. 181, p. 383, p. 386; Golczewski 2008, p. 136; Him-ka 2006, p. 165f.

⁵⁹ Golczewski, Frank: *Geschichte der Ukraine*. Güttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 1993, pp. 259-260.

«Политика мультикультурализма. Украинско-канадский мемуар» Лупула, мы подходим к культу Бандеры в Эдмонтоне, западная Канада.

Ритуальное прославление Степана Бандеры в Эдмонтоне

Произведение ритуалов имеет решающее значение для формирования коллективной идентичности; участники представления становятся коллективом. Ритуалы также влияют на мораль и ценности отдельных личностей, принимающих участие в них, тем самым преобразовывают культурное, политическое и социальное состояния практикующих групп.⁶⁰ Эмоции, которые вызываются во время исполнения ритуалов, могут также сильно влиять на когнитивные функции отдельных лиц, или заменять их.⁶¹

Благодаря той роли, которую играют эмоции в формировании нравственности и ценностей людей, ритуалы используются для формирования коллективной идентичности.⁶² Ритуалы также могут быть использованы для обеспечения чувства ориентации и убеждения членов коллектива группы относительно правоты их политической, культурной и социальной направленности. Наконец, ритуалы также используются для придания символичности отдыху сообществ.⁶³

Таким образом, изучение ритуалов, причастных к созданию мифа Бандеры, придает пронизательности нашему взгляду не только на процессы, связанные с созданием политического мифа, но также на процессы создания общин - частей украинской диаспоры, которая «любила» Степана Бандеру, или сообщества в Советском Союзе, которое «ненавидело» его.

⁶⁰ Bergesen, Albert: Die rituelle Ordnung. In: Belliger, Andrija/Krieger, David J. (Eds.): Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch. Opladen, Wiesbaden: Westdt. Vlg. 1998, pp. 49-76, here p. 50f.

⁶¹ Kertzer, David J.: Ritual, Politik und Macht. In: Belliger/Krieger 1998, pp. 365-379, here p. 387.

⁶² Bergesen 1998, p. 53.

⁶³ Ibid., p. 50f.

С самого начала, элементы украинской диаспоры использовали смерть Бандеры для таких целей, как распространение ненависти к Советскому Союзу или объединение сообщества церемонией показного и коллективного траура. «Украинские новости» сообщили своим читателям в Эдмонтоне о смерти Степана Бандеры 19 октября 1959 года; о смерти Бандеры было объявлено на первой странице и читатели были проинформированы о том, что Бандера погиб от рук неизвестного убийцы. Кроме того, статья ознакамливала читателей о подробностях из жизни Бандеры, которая была сведена к его «национально-революционной деятельности». Статья не содержала никакой информации о зверствах бандеровцев, совершенных против евреев, поляков и неугодных украинцев во время или после войны. Предпоследнее предложение статьи сообщало читателям, что оба брата Бандеры, Александр и Василий, погибли в «немецком лагере Освенцим». Эта информация предполагала, что не только Степан Бандера, но и два его брата пали в борьбе за Украину. В последнем предложении статьи было объявлено о том, что похороны Степана Бандеры состоятся 20 октября 1959 года в Мюнхене, с призывом к украинской общине в Эдмонтоне почтить это мероприятие.⁶⁴

Читатели «Украинского Эха», газеты под редакцией Лиги Освобождению Украины (ЛВУ), также имели возможность ознакомиться с материалом о смерти Бандеры. Редакция «Гомін України» («Глас Украины») превратила её в одну из величайших катастроф украинской нации. 24 октября 1959 года, первая страница превратилась в огромный некролог с фотографией Бандеры посередине.

⁶⁴Stepan Bandera ne zhyve [Stepan Bandera is dead]. In: Ukrainian News 42/XXXII (19.10.1959), p. 1.

Рис. 2. Первая страница «Украинского эха» 24.10.1959.

Fig. 2: The front page of Ukrainian Echo 24.10.1959.

Заголовок и заключение содержали поразительную надпись: «С Любящей Памятью к Степану Бандере». Между фотографией и надписями, редакторы сообщили читателям, что траур продлится два месяца, с 15 октября по 15 декабря. Введения к двум статьям были напечатаны на другой стороне фотографии, которая была продлена на шестой странице. Одна из статей была озаглавлена «Борец, Лидер и Символ», а другая была названа «В глубокой печали ...».

Эти статьи рассказали читателям о том, что смерть Степана Бандеры «потрясла всю украинскую диаспору по эту

сторону океана», и что Бандера был убит врагами. Кроме того, читателям намекнули, что с личностью Степана Бандеры, символ как общей украинской борьбы, так и целой эпохи борьбы за независимость, в частности, ушёл прочь.⁶⁵

26 октября, первая страница нового выпуска «Украинских новостей» сообщила читателям печальную весть о смерти Бандеры, содержала подробную⁶⁶ информацию о том, как Бандера был найден задыхающимся в своем подъезде. Читатели узнали, что Бандера умер в машине скорой помощи по дороге в больницу и, что заключение полиции в Мюнхене заявляло, что Бандера умер из-за цианистого калия, который был найден в его теле во время вскрытия. Кроме того, газета пишет о похоронных церемониях в Мюнхене 20 октября и работе церковных служб, которые были проведены во многих канадских городах 18 и 20 октября.

31 октября 1959 года на первой странице «Украинского эхо» была опубликована статья под названием «Окончательное путешествие «Руководителя» Бандеры». Авторы прославляли «заключительный 500-метровое путешествие Бандеры», в ходе которого его сопровождали около 1500 поклонников и 10 священников, которые приехали на похороны со всех концов мира, чтобы попрощаться с их руководителем («провидником»), который погиб на передовой кровавой, затяжной войны с жестоким, лживым и злобным врагом».⁶⁷ Чтобы убедить читателей в серьезности трагедии, которая настигла украинскую нацию, вместе с апологетической статьей издатель напечатал фотографию, где гроб Бандеры держали четверо мужчин и похоронная процессия за ним. В центре фотографии, идя рядом с гробом, изображены четыре молодые женщины в униформе, скорее всего, члены СУМ (Спілка української молоді – Союз

⁶⁵ Ukrainian Echo 44/XI (24.10.1959), p. 1, p. 6.

⁶⁶ Jak zhyнув Stepan Bandera [How Bandera died]. In: Ukrainian News 43/ XXXII (26.10.1959), p. 1f.

⁶⁷ Ostannia doroha providnyka Bandery [The Final Journey of the »Providnyk« Bandera]. In: Ukrainian Echo 45/XI (31.10.1959), p. 1.

украинской молодёжи) и мужчина в костюме. Лица всех четырех молодых женщин в форме и хорошо одетого мужчины, похоже, были наполнены чувствами грусти, сожаления и беспокойства. Одна из женщин, скорбящая о потере своего лидера, видна, плачущей и глядящей в землю. Глаза человека в костюме ориентированы на последние 500 метров путешествия его лидера. Его лицо не только печально, но также кажется задумчивым и возмущенным. Мимика всех людей на снимке даёт то же сообщение - потери очень важной и незаменимой личности.⁶⁸

2 ноября, на первой странице «Украинских новостей» была опубликована статья с заголовком «1500 человек на похоронах Бандеры», которая напомнила украинской общине в Эдмонтоне о важности потери. Полторы тысячи людей приняли участие в похоронах, они подчеркнули, несмотря на то, что они проводились в рабочий день. В статье также было отмечено, что представители других освободительных движений присутствовали на похоронах, в том числе венгерского, болгарского, словацкого, румынского, хорватского и туркменского движений, тем самым подчеркивая более широкое значение потери.⁶⁹

7 ноября первая страница «Украинского Эха» сообщила своим читателям, что «украинская нация» перенесла удар «злойдейской» и «дикарской» Москвы, которая убила самым хитрым и коварным образом, величайшего лидера украинского освободительного движения. По мнению авторов этой статьи, потеря Бандеры для украинского народа была сродни потере великого сына народа, который всю свою жизнь боролся за свободу Украины.

Кроме того, авторы характеризовали Бандеру как «отличный пример непоколебимого истребителя - революционера, идеолога и стратега, теоретика и практика

⁶⁸ Cf. the picture in: Ukrainian Echo 45/XI (31.10.1959), p. 1.

⁶⁹ 1500 People at Bandera's Funeral. In: Ukrainian News 44/XXXII (02.11.1959), p. 1.

Украинской освободительной революции».⁷⁰ Такого рода характеристика Бандеры повторялась и во многих других статьях, печатавшихся в прессе украинской канадской диаспоры. Как правило, авторы этих статей были заинтересованы, чтобы прославить своего «провидныка» (лидера) и никогда не упоминали о зверствах, совершённых бандеровцами или «освободительным украинским движением». Они также избегали ссылок на отрицательное изображение Бандеры, которое возникло после Второй мировой войны. Это позволило Бандере выступить в качестве святой или полубожественной фигуры, сравнимой с Адольфом Гитлером, Муссолини и Иосифом Сталиным в разгар своей власти и популярности.

Диаспора украинцев, которые не смогли присутствовать на похоронах Бандеры в Мюнхене оплакивала его в местах их проживания. В Эдмонтоне Организации Движения за свободу (Organisations of the Freedom Movement) начали готовиться к пышным празднествам в день смерти Бандеры, 15 октября. 20 октября, в день похорон Бандеры в Мюнхене, панихиды были организованы почти во всех украинских церквях в Эдмонтоне. 25 октября, масса панихида была организована в Украинском католическом соборе Св.Иосифа в 7 вечера, с участием шести священников. Члены СУМ и Пластунской скаутской организации представили свои знамена как скаутскую форму, висящую позади алтаря, в то время как члены ЛВУ (Ліга Визволення України – Лига Освобождения Украины) также присутствовали. Собор был полон людей, как одетых в форму, так и в штатском. После того, как мужской хор Украинского Национального Дома в Эдмонтон (Украинский Народный Дом) обогатил национальную и святую атмосферу в церкви своими вокальными выступлениями, пастор церкви выступил с речью, в которой он воспевал любовь,

⁷⁰ Zvernennia Provodu ZCH OUN [Appeal of the ZCH OUN Leadership]. In: Ukrainian Echo 46/XI (07.11.1959), p. 1.

преданность и трудолюбие Бандеры по отношению к Украине. Сине-желтый флаг Украины и красно-черный флаг ОУН были укреплены на входе в церковь, где молодые девушки распространяли чёрные ленты.⁷¹

После церковной службы, празднование продолжалось в Украинском Национальном Доме, который также был украшен флагами. Именно там состоялась «траурная церемония». Зал не мог вместить толпу, которая собралась, чтобы оплакать смерть Бандеры и некоторые были возвращены назад. Панихиду открыл Похоронный марш Шопена, после которой д-р В. Хирак (Dr. V. Hyrak) объявил о начале и Д.М. стал читать стихотворение Бессмертный сын, которое он написал для Степана Бандеры. После этого мужской хор Украинского Народного Дома в Эдмонтоне исполнил несколько религиозных и националистических песен. Портрет Бандеры дополнял оформление сцены. Он был подготовлен специально к этому случаю «профессором» Буцманюком (Butsmaniuk). Портрет висел на черной стене на фоне даты рождения и смерти Бандеры с обеих сторон с огромным венком и трезубец, символом Украины, а также двумя корзинами красных роз, помещенных ниже.⁷²

Подобные религиозно-идеологические прославления Степана Бандеры происходили во многих других местах по всему миру после того, как украинская диаспора попрощалась со своим «провиньком».⁷³ ОУН-ЗЧ (Иностранный отдел – Закордонні частини), использовали смерть Бандеры, чтобы создать фонд под названием Фонд освободительной борьбы Степана Бандеры (Фонд визвольної боротьби ім. С. Бандери), они собирали деньги для возможной войны против Советского Союза и освобождения Украины.⁷⁴

⁷¹ U pokloni Providnykovi [Deference to the Providnyk]. In: Ukrainian Echo 46/XI (07.11.1959), p. 3.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Na Fond vyzvol'non borot'by im. Ste-pana Bandery [For Stepan Bandera's Liberation Struggle Fund]. In: Ukrainian Echo 46/XI (07.11.1959), p. 5.

Первая годовщина смерти Бандеры отмечалась по всему миру: в Мюнхене, Филадельфии, Оттаве, Кливленда, Лондоне, Нью-Йорке, Чикаго, Торонто, Эдмонтоне и многих других городах со значительной украинской диаспорой.⁷⁵ В Эдмонтоне, торжества начались с панихиды в Украинском католическом соборе Св. Иосифа. После панихиды празднование переместилось в Украинский Национальный Дом, где Петр Башук от Виннипег (Winnipeg) выступил с речью. Башук заявил о том, что Степан Бандера был борцом за «права Бога и людей в Украине» и о том, что украинский народ был в состоянии постоянной борьбы. Он подчеркнул, что украинский народ был проникнут духом христианского идеализма, добавив, что Запад должен принимать те же идеалы, что и украинские националисты, если они настроены выиграть борьбу против «московских большевиков». Женский хор добавил веселую нотку к прославлению некоторыми националистическими и религиозными песнями.⁷⁶

Вторая годовщина смерти Бандеры в Эдмонтоне проходила в аналогичной манере. Празднующие сначала встретились в Соборе Св. Иосифа, где прах, Юрий Ковальский провел панихиду. Ковальский напомнил собравшимся, что, поскольку украинцы потеряли настолько много со смертью Бандеры, осталось важным сохранение религиозного и национального духа. После панихиды толпа переместилась в Украинский Национальный Дом, где состоялась встреча мужских и женских частей Лиги Освобождения Украины. Собрание началось с выступления М. Когута, который рассказал о Степане Бандере как символе освободительной борьбы. Кроме того, г-жа Апонюк (Mrs. Aponiuk) прочитала стихотворение 15 октября 1959, далее

⁷⁵ U pershu richnyciu smerty sl. p. Providnyka S. Bandery [The First Anniversary of Stepan Bandera's Death]. In: Ukrainian Echo 44/XII (29.10.1960), p. 2; U richnytsiu smertysl. p. S. Bandery [On the Anniversary of Bandera's Death]. In: Ukrainian Echo 45/XII (05.11.1960), p. 7.

⁷⁶ U pershu richnytsiu smerty S. Bandery [On the First Anniversary of Bandera's Death]. In: Ukrainian News 43/XXXIII (28.10.1960), p. 7.

было прочтение мемуаров Морозенко о Бандере. Сцена была декорирована в аналогичном с предыдущим годом стиле: портрет Бандеры написанный Ю.Ботсманюком (Iu. Butsmaniuk) был окружен с обеих сторон сроками: 1959 и 1961, с венком, цветами, дата «Октябрь 15», а также украинский и флаг ОУН снизу. Это изображение означало, что украинская община в Эдмонтоне была вынуждена преодолеть все трудности повседневной жизни и продолжать борьбу за освобождение без «провидныка» в течение двух лет. Настроение у 170-сильной толпы, которая собралась для разбирательства было очень торжественным.⁷⁷

В некоторой степени третья годовщина смерти Бандеры был омрачена судом над убийцей Бандеры Богдан Сташински, который состоялся между 8 и 19 октября 1962 года в Карлсруэ (Karlsruhe), Западная Германия. Этот судебный процесс был сенсацией СМИ для украинских общин по всему миру. За это время, те люди, которые призывали к суду, сразу после смерти Бандеры теперь объявили, что его убийца был советским агентом. Тот факт, что Сташински походил из Западной Украины было тревожным фактом для националистов. Тем не менее, это дало новое основание для тех украинских националистов, которые провозгласили «крестовый поход» против Москвы, дав новый импульс их политической деятельности. Так же, как и в два предыдущих года, празднование началось с панихиды в Соборе Св.Иосифа в Эдмонтоне, переместившись затем в Украинский Национальный Дом, где, под портретом Бандеры Ботсманюка, участники могли видеть золотой трезубец и трезубец, обвитый колючей проволокой в окружении тернового венца (символ Освенцима и Страстей Христовых). Галина Шевчук, член Украинской Молодежной Ассоциации, открыла ритуалы, читая Воспоминания Рена (Ie. Ren's) о Бандере, затем - чтение Олегом Гнатюком поэмы «Мы не перестанем

⁷⁷ Vidznachyly rokovyny smerty S. Bandery [We Celebrated the First Anniversary of Bandera's Death]. In: Ukrainian News 43/XXXIV (23.10.1961), p. 3.

бороться» («Не кинемо зброї»). Иван Шевчук рассказал о Бандере как о человеке и как о «лидере» («провиднык»), помимо этого предоставляя информацию о судебном процессе над его убийцей - советским агентом – который начался на предыдущей неделе.⁷⁸

В последующие годы, сторонники Бандеры отмечали годовщину его смерти на регулярной основе, обычно это не делалось каждый год, как это было в течение первых трех лет, но в итоге она отмечалась каждые пять-десять лет. В 1964 году торжества в Эдмонтоне и Виннипеге состоялись 18 октября, идеологические части украинской диаспоры могли отдать дань уважения их лидеру, сначала посетив масштабную антисоветскую демонстрацию перед советской дипломатической миссией 15 октября в Нью-Йорке и 17 октября в Вашингтоне и Оттаве.⁷⁹ 18 октября украинская община в Виннипеге отмечала смерть Бандеры пением националистических песен, таких как «Марш националистов» и «Украина восстанет».⁸⁰ Сообщество украинцев в Саскатуне не имело возможности принять участие в протестах перед советским посольством в Нью-Йорке, потому что они решили отпраздновать в точную дату годовщины смерти.⁸¹ Украинская община в Эдмонтоне решила объединить празднование годовщины смерти Бандеры с двумя другими национальными или религиозными праздниками: первым был праздник Покровы, а второй – Праздник Оружия. Как и в предыдущие годы, торжества начались в Соборе Св.Иосифа. После этого праздничная толпа из 200 человек слушала речи об их лидере в Украинском Национальном Доме, которая был записана за

⁷⁸ U tretiu richnytsiu smerty S. Ban-dery [On the Third Anniversary of S. Bandera's Death]. In: Ukrainian News 42/XXXV (18.10.1962), p. 3.

⁷⁹ For the demonstration in New York on 15 October 1959 and 17 October 1959 in Washington and Ottawa, cf. Protymoskovs'ki demonstartsni [Anti-Muscovite Demonstrations]. In: Ukrainian Echo 45/XVI (31.10.1964), p. 2.

⁸⁰ U 5-tu richchia smerti Stepana Bandery [On the Fifth Anniversary of Stepan Bandera's Death]. In: Ukrainian Echo 45/XVI (31.10.1964), p. 5.

⁸¹ U 5-tu richchia smerti Stepana Bandery [On the Fifth Anniversary of Stepan Bandera's Death]. In: Ukrainian Echo 46/XVI (07.11.1964), p. 7.

пять лет до и которая давала им возможность полюбоваться «дальнозоркостью и политическим предвидением» их «провидныка».⁸²

В субботу, 18 октября 1969 года, сторонники Бандеры использовали 10-ю годовщину его смерти, чтобы продемонстрировать в Оттаве. Наиболее важные моменты их демонстративного и памятного марша в Оттаве проходили в парламенте и советском посольстве.⁸³ В Виннипеге празднование 10-й годовщины со дня смерти Бандеры обогатилось реликвией: почвой с могилы Бандеры в Мюнхене, которая была привезена в Виннипег Семеном Ижигом (Semen Īzhnyk), излучая ауру «националистической» святости для 500 собравшихся.⁸⁴ В Эдмонтоне, между 11 октября и 13 Организации украинского освободительного движения совместили 40-ю годовщину ООН с 10-й годовщиной со дня смерти Бандеры, приняв атактистический и героический девиз «Или вы создатите украинское государство, или умрете в борьбе за это»⁸⁵

В 1979 году Международный Праздничный Комитет (Міжнародний Святковий Комітет) предложил сторонникам идеологии украинского национализма со всего мира приехать в Мюнхен, чтобы отпраздновать 20-летие со дня смерти Бандеры на месте его могилы в субботу, 13 октября.⁸⁶ Видные деятели украинского национализма, такие как Николай Климишин, старый друг и тюремный компаньон Бандеры, и сын Бандеры, Андрей Бандера, приехали из Канады в Мюнхен. Климишин выступил с речью на могиле его лидера

⁸² U 5-tu richchia smerti Stepana Bandery [On the Fifth Anniversary of Stepan Bandera's Death]. In: Ukrainian Echo 46/XVI (07.11.1964), p. 3.

⁸³ Provincial Archives of Alberta, accession number 97.732/161 (Orhani- zatsin Ukrannskoho Vyzvol'noho Frontu. Obizhnyi Lyst – Zaklyk), without a number of leaf.

⁸⁴ Desiaty rokovyny smerty Bandery [The 10th Anniversary of Stepan Bandera's Death]. In: Ukrainian News 43/XLII (23.10.1969), p. 5.

⁸⁵ U 10-tu richchia smerti Stepana Bandery [On the 10th Anniversary of Stepan Bandera's Death]. In: Ukrainian Echo 46/XXI (29.11.1969), p. 3.

⁸⁶ Na poshanu sl. P. Stepana Bandery [Paying Homage to Stepan Bandera]. In: Ukrainian Echo 39/XXXI (19.09.1979), p. 1.

13 октября, и двинулся с другими приверженцами Бандеры по улицам Мюнхена, протестуя против Советского Союза, и держа плакаты с изображением Бандеры. В свою очередь, Андрей Бандера присоединился к Ярославу Стецьку, хорошему другу Бандеры и еще одному важному украинскому националисту и лидеру ОУН-ЗЧ (ОУН – Зарубежные части) и Антибольшевистскому блоку Наций, на конференции, которая состоялась 12 октября в отеле Плази (the Plazi Hotel) в Мюнхене.⁸⁷ Канадские украинцы, которые не смогли посетить могилу Бандеры в Мюнхене на праздновании 20-летия его смерти, отмечали юбилей дома, о чем свидетельствовали в Саскатуне.⁸⁸

Просматривая номера газеты «Украинские новости», которая публиковалась в Эдмонтоне, и газеты «Украинское эхо», которая публиковалась в Торонто, я не нашел ни одной статьи или доклада с анализом празднования годовщины смерти Бандеры в 1984, 1989 и 1999 годах в Эдмонтоне. «Украинское эхо», однако, размещала статьи, призывавшие своих читателей отмечать годовщину смерти Бандеры, и я нашел отчеты с торжеств, которые имели место в других городах Северной Америке и в Европе. Самые значительные из этих празднований состоялись в Мюнхене, где празднующие собрались около посмертной плиты Бандеры.⁸⁹

С 1989 года и особенно после создания независимого украинского государства в 1991 году, политический миф Степана Бандеры и политический культ вокруг его

⁸⁷ Na poshanu Stepana Bandery [Paying Homage to Stepan Bandera]. In: Ukrainian Echo 46/XXXI (07.11.1979), p. 1f.

⁸⁸ U 50-richchia OUN [On the 50th Anniversary of the OUN]. In: Ukrainian Echo 7/XXXII (06.02.1980), p. 3.

⁸⁹ For encouragement for celebration, cf. Zvernennia KUK [Appeal of the KUK]. In: Ukrainian Echo 43/XXXVI (24.10.1984), p. 2. For celebrations in Munich in 1984, cf. U pokloni Stepa-novi Banderi [Obeisance to the Pro-vidnyk]. In: Ukrainian Echo 44/XXXVI (31.10.1984), p. 1f., 4. For celebrations in Munich in 1989, cf. Zhalobni vidz-nachennia v Miunkheni [Mourning Ceremony in Munich]. In: Ukrainian Echo 45/XLVI (08.11.1984), p. 1f. For celebrations in Munich in 1999, cf. Povidomlennia [Announcement]. In: Ukrainian Echo 37/LI (04.10.1999), p. 1.

изображения также процветал в Украине. Тем не менее, украинская диаспора продолжает организовывать свои празднования Бандеры. В 2009 году я был свидетелем того, как украинская община в Эдмонтоне отметила годовщину со дня смерти Бандеры.

Это было комбинированное торжество, посвященное 100- летию со дня рождения Бандеры и 50- летию со дня его смерти. Оно состоялась в здании Украинской ассоциации молодежи на 9615-153 Авеню в Эдмонтоне в воскресенье, 25 октября 2009 года, примерно между 2:30 и 5:30 вечера. Комплекс был назван в честь Романа Шухевича, ведущего бандеровца и Лидера УПА в 1943-1950 годах. Шухевич нес более прямую ответственность за преступления ОУН-УПА против человечества, такие как этнические чистки поляков на Волыни и Галиции и убийства евреев.⁹⁰ В 1972 году бюст Романа Шухевича был помещен перед входом в здание, в результате чего все празднующие проходили мимо него по пути к месту торжества.

Празднование годовщины со дня смерти Бандеры проходило в сочетании с религиозным праздником Праздника Покровы. Зал был украшен огромной картиной Девы Марии. Картина была зафиксирована на кресте, сделанном из синих и желтых тканей, цветов украинского флага. Фон - красный и черный, символы ОУН борьбы за кровь и землю. Этот религиозный, националистический и фашистский коллаж был главным украшением на сцене. Украинские и канадские флаги были установлены по обе стороны от этого украшения. На правой стороне сцены зрители могли видеть огромный портрет Бандеры с датами 1909-1959. Золотой трезубец был подвешен над сценой, над изображением Божьей Матери.

⁹⁰ On Roman Shukhevych and the ethnic cleansing against Poles in Volhynia and Galicia, cf. Motyka 2006, p. 367. For Shukhevych's atrocities against the Jews see Bruder 2007, p. 150. For Shukhevych's atrocities in 1942 in Belarus, cf. Rudling, Per Anders: Schooling in Murder: Schutzmannschaft Battalion and Hauptsturmführer Roman Shukhevych in Belarus 1942. In: Prawda historycz-na a prawda polityczna (volume in progress after a conference in Wrocław with the same title).

Подиум был покрыт красной и черной тканями, с трезубцем, закрепленным на вершине.

Около 400 человек приняли участие в праздновании. Все началось с панихиды, в ходе которой участники пели панихиду по Степану Бандере и провели широкий спектр религиозных обрядов под руководством трех или четырех священников. Националистические ритуалы началось после этого религиозного компонента. Очень таинственное, националистическое и с «мученическим оттенком» повествование об истории Украины было представлено в виде нескольких коротких, от двух до трех минут, сегментов спикером римской Романом Британом (Brytan) который также координировал всё мероприятие. Между выступлениями, различные артисты и музыкальные коллективы пели поп-музыку, фольклорные и классические песни для прославления Степана Бандеры. Некоторые из них были основаны на текстах песен ОУН и УПА. Всего состоялось около 15 выступлений. Исполнители были одеты в крестьянские блузки и казачьи костюмы. Кроме того, дети СУМ были одеты в светло-коричневую форму и повязки, которые напоминали цвет и дизайн униформы гитлерской молодёжи (the Hitler Youth), пели различные поп-песни об ОУН, УПА и Оранжевой революции.

В дополнение к музыкальным выступлениям, Богдан Тарасенко прочитал 1936 речь Бандеры перед польским судом во Львове, в которой Бандера объяснил, почему он дал разрешение на ликвидацию числа поляков и русских, а также некоторых украинцев, которые, в его понимании, предали украинский народ. Организаторы также воспроизвели записанное интервью Бандеры, которое он дал западным журналистам в 1950 году, объясняя необходимость войны против Советского Союза. Мероприятие завершилось выступлением Игоря Брода (Ihor Broda), лидера Лиги украинских канадцев в Эдмонтоне, в ходе которого он возблагодарил участников торжества и артистов за то, что те являются представителями такой «духовной нации»,

подчеркивая также, что участники помогли сохранить Бандеру живым, придя на праздник. В речи он также утверждал, что современная Украина находится под угрозой «Москвы», потому что Россия планирует покорить Украину, как это было сделано в прошлом. У меня сложилось впечатление, что для Брода, Бандера для Брода является воплощением человека, который может помочь украинцам защитить себя от «Москвы».

Празднование было прорекламировано на плакатах и в газете «Украинские новости».⁹¹ Канадский Институт Украинских Студий также был вовлечен в продвижение этого события, демонстрируя плакат на своей территории (рис. 3), а также отправки одного сотрудника, доктора Андрея Хорняткевича (Dr. Andriy Hornjatkevyc) для обогащения художественной программы празднования, чтобы тот сыграл фольклорную музыку на бандуре и спел фольклорные песни в честь Степана Бандеры. Кроме того, за неделю до праздника, «Украинские новости» опубликовали статью Игоря Брода о

Степане Бандере на первой странице.⁹² Брода характеризовал Бандеру как символ эпохи, в которой ОУН и УПА боролись за независимое украинское государство. В этой статье Бродом не упоминается о злодеяниях против человечества, которые совершили ОУН и УПА потому, что он считает, что ОУН и УПА состояли только из героев. Для Брода, Бандера как символ ОУН и УПА, может быть охарактеризован по этому целостному, героическому, жалкому и апологетическому пути.

Брода предоставил доказательства этого самоочевидной природы Бандеры в двух предложениях: «Высоко цивилизованные народы и честные люди могут уважать даже иностранных героев. Только примитивы могут быть враждебным [к героям], они могут только позорить, порочить,

⁹¹ Ukrainian News 20/LXXXII (15-28.10.2009), p. 8.

⁹² Broda, Ihor: Stepan Bandera – po-kljin bezsmertnomu [Stepan Bandera – Deference to the Immortal]. In: Ukrainian News 20/LXXXII (15.-28.10.2009), p. 1, 8.

проклинать их, и предоставлять лживую пропаганду». Брод не рассуждает, являются ли «герои» радикальными националистами, фашистами, антисемитами или военными преступниками, с его точки зрения это не является актуальным вопросом, так как он прославляет Бандеру как героя и гражданского святого.⁹³ Кроме того, как Бандера, заключения Брода не могут быть неправильными из-за «осознания того, что Бог с нами [с ним, Бандерой и украинскими националистами]».⁹⁴ Эта логика может быть удивительной, но это логика является фундаментальной для верующих в идеологию украинского национализма.

Интересно отметить, что Брод относит политический миф Степана Бандеры к периоду, в котором украинское государство существует, таким образом, не осталось больше ничего, за что бороться и сражаться. Брод утверждает, что Украина остается под угрозой «Москва», с угрозой войны, нависшей над обоими «врагами». Первый враг – «современная украинская нация» которая должна быть «образована, вдохновлена, снабжена национальным самосознанием», так, чтобы она могла понять, что она является потомком казаков ...». Второй враг – «Российская нация в России и Украине».⁹⁵

«Украинское эхо» уделило из общих 35 страниц издания целых 32 страницы для пропаганды политического мифа и культа Степана Бандеры.

⁹³ Ibid., p. 1.

⁹⁴ Ibid., p. 2.

⁹⁵ Ibid.

Рис. 3. Постер, рекламирующий Праздник Покровы вместе с 100-летним юбилеем со дня рождения Бандеры и 50-летней годовщиной со дня его смерти.

Ліга Українців Канади Ліга Українок Канади
Спілка Української Молоді
запрошують до участі в святковому концерті

25 ЖОВТНЯ
2009 р.
Дім Української Молоді
9615—153 Авеню

2:30 Панахида
3:00 Концерт

СВЯТО ПОКРОВИ

Виступають:

- Юнацтво СУМ
- Пласт
- "Світлоок"
- Саїплана Сех
- Др Андрій Горинькович

Роман Британ—ведучий

• Богдан Тарасенко
• Хор "Дніпро"
• Хор "Верховина"
• Едмонтонський чоловічий Хор
• Ро-Мінор

"Українська Повстанська Армія—Історія Нескорених"
Виставка архівальних світлин

Відзначимо:

- 100-річчя від дня народження та 50-річчя від дня смерті Степана Бандери
- 80-річчя Організації Українських Націоналістів
- 300-річчя від дня смерті гетьмана Івана Мазепи
- 150-річчя перемоги під Конотопом

1906—1959

1906—1959

"Змагання за волю і славу, за Бога і за Батьківщину мусять бути головним змістом життя поневоленого народу..." - Степан Бандера

Вступ \$10, діти та студенти—безкоштовно

Fig. 3: Poster promoting Sviato Pokrovu combined with the 100th anniversary of Bandera's birth and the 50th anniversary of his death.

Все пропагандистские меры и методы, которые использовала эта газета более пяти десятилетий, были мобилизованы и в этом вопросе. Главная страница полностью представляла собой портрет Бандеры. Статьи и фотографии служили двум основным целям. Во-первых, они должны были убедить читателей в величии Бандеры, его героизме и готовности к самопожертвованию. Во-вторых, они должны

были продемонстрировать, что Бандера был не только героем среди украинской диаспоры, но и в Украине. В этой связи газета размещала статьи с обсуждением демонстраций и празднований в Украине, а также фотографии памятников и музеев, прославляющих Бандеру в Киеве и западных украинских городов, поселках и сёлах.⁹⁶

Выводы

В этой статье проанализированы некоторые аспекты политического мифа Степана Бандеры в Канаде, в особенности сформировавшегося в Эдмонтоне. Миф Бандеры представляет украинский вклад в канадский мультикультурализм. В то же время он обеспечивает механизм, посредством которого канадские украинцы взаимодействовали с украинской и европейской историей. Он являет собой рамки мышления, которые несовместимы с демократическими ценностями, а также отношению к войне, насилию, фашизму, национализму и антисемитизму, которое сформировалось в Европе после Второй мировой войны. Похоже, что украинские общины в Канаде представляют «их» или украинскую историю со смыслом в церкви, а на политических митингах, отказываясь изучать «их» историю на основе публикаций, написанных профессиональными учеными.

Украинцы Эдмонта смогли прославить Бандеру в Оттаве, Вашингтоне, и на могиле Бандеры в Мюнхене. Основанная в Торонто газета «Украинское эхо», в меньшей степени, «Украинские новости», основанные в Эдмонтоне, были основными источниками вдохновения и ориентации в развитии культа Бандеры. Трудно установить «уникальность» культа Бандеры в Эдмонтоне, для этого потребуется более детальное изучение других националистических украинских

⁹⁶ Cf. Ukrainian Echo 35/LXI (2009) (Special Section without a specific day of publication).

общин, но два замечания об уникальности Эдмонта и Альберта здесь можно сделать.

Во-первых, Эдмонтон является домом для Канадского Института Украинских Студий (КИУС), финансируемом правительством Альберты, который университет Альберты наделил академической аурой. Эта аура, похоже, подверглась насилию со стороны института. С самого начала, КИУС отказались справляться в критической и профессиональной манере с современной украинской историей. На момент написания этой статьи, КИУС не инициировал никаких программы по изучению украинской истории времен Второй мировой войны, рассмотрению вопросов, касающихся сотрудничества ОУН и УПА с нацистами, украинского фашизма, роли украинцев в Холокосте или любых других связанных с предметом изучения вопросов. В этом смысле КИУС последовал по стопам Украинского Свободный Университета в Мюнхене, где Владимир Ианив (Volodymyr Ianiw) работал ректором между 1968 и 1986 годами.⁹⁷ Ианив принимал активное участие в ОУН в первой половине 1930-х годов и был членом национального провода наряду со Степаном Бандерой, Ярославом Стецько и Романом Шухевичем, а исполнители проводили ряд покушений против

⁹⁷ Golczewski 2010, p. 450. At the time of writing of this article the dean of the Philosophy Department at the UFU is the director of the Toronto office of the CIUS, Prof. Dr. Frank Sysyn. The dean of the Department for State and Economics Studies is Prof. Iaroslav Hrytsak, the director of the Institute for Historical Research at the L'viv University and visiting professor at the Historical Department of the Central European University in Budapest. Cf. *Українische Freie Universitdt/Ukrains'kyi Vil'nyi Univer-sytet/Ukrainian Free University Flyer*. Munich: *Українische Freie Univ.* 2010, p. 2. In an interview in 2009 Iaroslav Hrytsak wondered as to whether documents existed that would confirm that Roman Shukhevych contributed to the destruction of Jews in Ukraine. Since Franziska Bruder's 2007 monograph proved this in the case of at least two villages, Hrytsak's wondering seems remarkable. For the interview with Iaroslav Hrytsak, cf. *Istoryk Ia. Hrytsak: Avtor kontseptsii henotsydu spyravsia na pryklad holodomoru* [The Author of the Concept of Genocide Argued about the Famine]. In: *Unian* (15.09.2009) <http://www.unian.net/ukr/news/news-336228.html> (accessed: 30.09.2010). For Bruder's monograph and the Nachtigall battalion under the command of Roman Shukhevych, which slaughtered the entire Jewish population of two villages, see Bruder 2007, p. 150. Also see the original document in TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 5 7, l. 17 (Autobiographies of well-known OUN members).

«врагов украинской нации».⁹⁸ КИУС также повторял мнения таких националистических «очистителей» украинской истории как Роман Ильинитский, Петр Мирчук, Николай Климишин и Владимир Косык, которые либо симпатизировали ОУН, или были участниками движения, позже провёл ряд апологетических исторических исследований об украинском национализме. В 2009 году академический ореол КИУС также пошёл на компромисс с участием института в торжествах, посвящённых празднованию годовщин со дня смерти Бандеры в комплексе Романа Шухевича, а один из ученых не только рекламировал мероприятие, но и принимал активное участие в художественной самодеятельности.⁹⁹ Один год спустя, 8 ноября 2010, КИУС даже пригласил Владимира

⁹⁸ TsDIA (Tsentralnyi Derzhavnyi Istorychnyi Arkhiv), f. 371, op. 1, spr. 8, ed. 7 7, l. 69.

⁹⁹ Very interesting in this regard is the UCC Task Force for »Developing Community Strategies regarding Recent Attacks on Ukraine's Liberation Movement« which was established in March 2009 by the UCC. This Task Force was also made up of such CIUS employees as Jars Balan and other believers in the ideology of Ukrainian nationalism, living mainly in Canada and Ukraine, including Steven Bande-ra, the grandson of Stepan Bandera. During a teleconference on March 8, 2009, the UCC Task Force discussed both this paper and another article by the author that were to be presented at the *Holocaust and Memory Politics Workshop* at the University of Alberta on March 11 . At another conference, the UCC Task Force discussed the question of how to prevent research on issues surrounding the Holocaust and War Criminality in Ukraine. As the director of the UCC Paul Grod mentioned, the UCC Task Force considered how to »put pressure on North American academic institutions which are funded by community money (Harvard [Ukrainian Research Institute], the CIUS, and the Chair of Ukr[ainian] Studies [at the University of Ottawa], etc.)«. Shortly prior to my presentation of this article at the Holocaust Workshop, Bohdan Klid, the assistant director of the CIUS and a well-known activist of Ukrainian nationalism, came up to me and demanded to speak to me about my article. I declined and invited him to the workshop to express his concerns. Klid did not appear at the workshop. Information about the UCC Task Force and the content of the teleconferences come from e-mails by Lesia Demkowicz to [name withheld], March 2, and of Jars Balan to Lesia Demkowicz et al., March 14 , 2010, in addition to an e-mail from Paul Grod to community leaders sent out on March 14, 2010. I am grateful to John-Paul Himka for providing me with the e-mails concerning the UCC Task Force for »Developing Community Strategy regarding Recent Attacks on Ukraine's Liberation Movement«.

Вятровича, известного своими антисемитскими заметками о евреях и ОУН, чтобы тот дал лекцию.¹⁰⁰

Тем не менее, было бы неправильно утверждать, что все сотрудники КИУС находятся под влиянием мифа Бандеры и не пытаются отделить активизм от учебы (научной работы). По крайней мере два историка, которые работают в КИУС, Дэвид Марплз (David Marples) и Иоанн-Павел Химка (John-Paul Himka), оба бывшие студенты¹⁰¹, или коллеги¹⁰² Ивана Лысяка-Рудницкого, пытались отделить активизм от учёбы (научной работы). В последние два десятилетия, Марплз и Химка опубликовали несколько критических статей и одну монографию о недавней украинской истории.¹⁰³ Кроме того, они не принимали участия в торжествах по случаю Степана Бандеры 25 октября 2009 года в комплексе Романа Шухевича в Эдмонтоне. Интересно отметить, что и Марплз, и Химка, не были заинтересованы в критическом исследовании украинского национализма в 1980-х, и даже разработали

¹⁰⁰ The Harvard Ukrainian Research Institute invited Viatrovych a month later, on December 8, 2010, to give a lecture, as well. On Viatrovich's anti-Semitic writing about Jews and the OUN-UPA, cf. Kurylo, Taras/Himka, John-Paul: *Iak OUN stavylasia do ievreiv: formulovannia pozycii na tli ka-tastrofy* [What was the Attitude of the Organization of Ukrainian Nationalists toward the Jews? Reflections on Volodymyr Viatrovych's Book]. In: *Ukraina Moderna* 2/13 (2008), pp. 252-265. On anti-Semitism in contemporary Ukraine in general, cf. Per Anders Ruling: *Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology*. In: *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes* XLVIII/ 1-2 (2006), pp. 81-119. On Viatrovych's lecture at the CIUS, cf. http://www.uofaweb.ualberta.ca/EVENTS/details.cfm?ID_event=25450 (accessed: 15.12.2010). On Viatrovych's lecture at the HURI, cf. <http://www.huri.harvard.edu/calendar.html> (accessed: 15.12.2010).

¹⁰¹ For David Marples and Ivan Lysiak-Rudnytsky, see Marples, David R.: *Studying Ukraine*. In: http://www.hist.cam.ac.uk/seminars_events/semi-nars/modern-european/marples-wri-ting-history-of-ukraine.pdf (accessed: 31.07.2010).

¹⁰² For John-Paul Himka and Ivan Lysiak-Rudnytsky, cf. Himka, John-Paul: *My Past and Identities*. In: Suny, Ronald Grigor/Kennedy, Michael D. (Eds.): *Intellectuals and the Articulation of the Nation*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Pr. 1999, pp. 165-169, here p. 168.

¹⁰³ The monograph is an introduction into historical discourses on the famine of 1932–1933 in Soviet Ukraine and the Ukrainian nationalism, cf. Marples, David R.: *Heroes and Villains. Creating National History in Contemporary Ukraine*. Budapest: Central European UP 2007.

позитивные отношения к УПА, после чего возникает вопрос о том, что побудило их пересмотреть свои предыдущие отношения к ОУН и УПА и к тому, чтобы начать критически относиться к вопросу украинского национализма в 1990-х и 2000-х годах.¹⁰⁴

Во-вторых, учитывая уникальность Эдмонтона и Альберты, следует отметить, что некоторые местные украинцы разработали стратегию, чтобы перенаправить государственные средства на свои националистические проекты, изображая их как украинский вклад в канадской мультикультурализм. Хорошим примером этого является массовое комплекса СУМ, где празднование годовщины со дня смерти Бандеры состоялось в 2009 году, и который назван в честь сотрудничавшего с нацистами и военного криминала, Романа Шухевича. Этот комплекс был построен между 1972 и 1974 годами, а политика мультикультурализма была официально принята с 1971 года. На строительные работы ушло \$ 750,000 канадских долларов, сумма частично была предоставлена правительством Альберты и канадским правительством.¹⁰⁵

¹⁰⁴ For John-Paul Himka admiring the U PA in the 1980s, advising historians to follow the rules of the ideology of Ukrainian nationalism and being angry with historians who do not follow them, cf. the correspondence between John-Paul Himka and Janusz Radziejowski in: Interview with John-Paul Himka (a manuscript forthcoming in *Крытика*). For David Marples uncritically following a Cold War narrative that whitewashed the OUN and U PA of crimes against Jews, Poles, non-nationalistic Ukrainians, Russians etc., cf. Marples, David: Ukraine During World War II: Resistance Movements and Reannexation. In: *The Ukrainian Weekly* 41/LIII (13.10.1985), p. 7, p. 13. In this article, Marples euphemizes UPA's crimes with the statement that »some undisciplined actions on the part of an armed group were almost inevitable« (ibid.) and claims that the U PA was a multicultural force as he writes that according to a Western source, the nationality groups within the [UPA's] ranks included Azerbaijanis, Uzbeks, Tatars, and Jews« (ibid.).

¹⁰⁵ *Buduemo dim ukrains'koi molodi* [We are Building a Home for Ukrainian Youth]. In: *Ukrainian News* 8 (22.02.1973), p. 4; Rudling, Per: Multi-culturalism, Memory and Ritualization. Ukrainian public memorials in Edmonton, Alberta (article in progress which will explore in more depth the financial background of multiculturalism and Ukrainian nationalism in Edmonton).

Исследование ритуалов, окружающих политический миф и культ Степана Бандеры также доказывает, что части украинской диаспоры в Канаде использовали идеологию украинского национализма как ориентир в своей культурной и политической деятельности. Некоторые из этих мероприятий, в первую очередь новые, проиллюстрированные на примере статьи Игоря Брода, являются такими человеко-ненавистническими, что их следует рассматривать как подстрекательство к ненависти. На самом деле, если бы Брод не определял войну в своей статье, как «пропаганду войны», а как «вооруженный конфликт», он мог бы быть привлечен к ответственности за свою статью «Степан Бандера - Отсылка к Бессмертности», которая появилась незадолго до празднования годовщины со дня смерти Бандеры в 2009.¹⁰⁵ Пока статья Брода не вызывает никакого беспокойства со стороны читателей. В связи с тем, что Брод может представить свою деятельность в рамках канадско-украинской культуры и политики, он может претендовать на вклад в канадский мультикультурализм.

Это наводит на вопрос, почему канадцы могут терпеть, игнорировать или одобрять глорификацию украинского радикального национализма в Канаде. Не исключено, что до 1990 года, это было время холодной войны, которая побуждала к поддержке любых антисоветских действий или мнений. Действительно, позитивное отношение к культуре Бандеры может рассматриваться как реакция на советскую пропаганду, которая демонизировала украинских националистов. Можно также рост неоднозначных суждений о Бандере трудностями в получении доступа к советским архивам, как до 1991 года, так и, в меньшей степени, позже. Однако, несмотря на эти соображения, до сих пор, кажется, что-то не так, как в интеллектуальной сфере украинских общин в Канаде, так и с историками и другими учеными в Канаде, которые были не в состоянии понять украинцев в Канаде в течение длительного периода времени. До недавнего времени лишь несколько человек были

заинтересованы в проведении критического исследования этих фракций украинской диаспоры, которых одурманены идеологией украинского национализма и, таким образом прославляют фашистов, радикальных националистов, военных преступников и антисемитов, как мучеников и героев.

Grzegorz Rossoliński-Liebe, PhD student at the University of Hamburg, dissertation on *Stepan Bandera: Deconstructing the Myth of a Ukrainian Fascist*. Recent publications: The »Ukrainian National Revolution in the Summer of 1941. Discourse and Practice of a Fascist Movement. In: *Kritika: Explorations of Russian and Eurasian History* 12/1 (2011), pp. 83-114; Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs über den pol-nisch-ukrainischen Konflikt 1943-1947. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 57 (2009), pp. 54-85; in co-operation with Henke, Lutz/Ther, Philipp (Eds.): *Eine neue Gesellschaft in einer alten Stadt. Erinnerung und Geschichtspolitik in Lemberg anhand der Oral History/Нове суспільство в давньому місті. Память та історична політика засобами oral history*. Wrocław: Wydawnictwo Atut 2007; Der Raum der Stadt Lemberg in den Schichten ihrer politischen Denkmäler. In: *Kakanien Revisited*, <http://www.kakanien.ac.at/beitr/fall-studie/GRossolinski-Liebe1.pdf>; Umbenennungen in der Ziemia Lubuska nach 1945. In: Vogenbeck, Bernd (Ed.): *Terra Transoderana: zwischen Neumark und Ziemia Lubuska*. Berlin: Be.bra 2008, pp. 59-68; reviews in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, *Osteuropa* and *H-Soz-U-Kult*.

Гжегож РОССОЛИНСКИ-Либе

«Степан Бандера: жизнь украинского революционного ультранационалиста и память о нем, 1909-2009 гг.»

*(конспект лекции, прочитанной в посольстве ФРГ в Украине
в г. Киев) 1-го марта 2012 г.)*

Роджер Гриффин определял фашизм как "революционную форму радикального национализма". Фашизм существовал в промежутке между двумя войнами - в Италии с 1922-го, в Германии с 1933-го, в Португалии с 1926-го, в Испании с 1936-го.

Фундаментальные основы украинского фашизма - греко-католическая церковь и польский национализм. Хотя украинские фашисты пытались использовать религию для пропаганды своих идей, в них отчетливо звучит христианская антимораль - скажем, в националистических заповедях Степана Ленкавского вместо "Не убей!" звучит "Ты можешь осуществить большое преступление, если это хорошо для дела" ["Декалог украинского националиста" Ленкавского можно прочитать на "Википедии" - ИГ].

В довоенной Польше поляки относились к украинцам как к людям второго сорта. До своего ареста в 1934 году Степан Бандера руководит пропагандистским отделом ОУН и является проводником краевой экзекутивы. Организуются убийства других украинцев, и Бандера настаивает на том, чтобы их убивать. Всего в те времена оуновцами было уничтожено от 500 до 1000 человек. Другие исследователи говорят о нескольких десятках жертв - я думаю, что это малореально. Мировоззрение Бандеры: национализм, фашизм, антисемитизм, часто - влияние марксизма, революционность, расизм, политическое насилие и массовые убийства как законный метод политики. В целом его взгляды

трудно реконструировать, потому что Бандера писал преимущественно под псевдонимами.

С началом Второй мировой войны и падением Польши Бандера освобождается из тюрьмы и едет в Краков. В это время и появляется приветствие "Слава Украине - Героям слава!", скопированное из нацистских аналогов. Это гитлеровское приветствие употреблялось на II-м Съезде ОУН [речь идет о собрании, созванное пробандеровским ответвлением ОУН (революционной), будущей ОУН (б) - ИП] в Кракове в апреле 1941 года. В изданной брошюре описывается, что при приветствии надо вытягивать руку чуть выше головы, вот так [в этом месте Гжегож несколько раз продемонстрировал зрителям нацистское приветствие, сопровождая его лозунгом "Слава Украине! - Героям слава!"] Красно-черный флаг - аналог нацистской "Крови и Почвы". Евреи в оценке бандеровцев - опора большевистской системы. ОУН (мельниковцы) - враги. Появляется утверждение об "Украинской расе". Традиционное западноукраинское приветствие "Слава Иисусу Христу!" тоже заменяется на "Слава Украине!".

В том же 1941 года Риббентроп говорит Канарису, чтобы тот готовил украинское восстание - чтобы "горели дома поляков и уничтожались евреи". В это время в СССР в подполье находится 20 000 оуновцев. И еще 7 тысяч в "юности".

В июне-июле 1941 года перед отступлением советская власть уничтожает 9 тысяч человек в тюрьмах Западной Украины. После прихода нацистов во Львов в последние дни июня и первые дни июля происходит погром, который организует ОУН и в котором приняло участие гражданское население города.

Дискурс "жидо-коммуны" становится очень популярным. Евреев изгоняют из квартир и заставляют убирать трупы замученных НКВД из тюрем. Евреев бьют и убивают - как украинцы, так и поляки. Неизвестно, сколько их было тогда убито во Львове - называют цифру в 4 тысячи человек.

Правительство Ярослава Стецько, который 30 июня 1941 провозглашает Акт восстановления Украинского Государства, требует уничтожения евреев и реализации украинского "плана Ост". Стецько говорит: "Считаю главным врагом Москву считаю целесообразным перенести в Украину немецкую практику экстерминации еврейства".

5 июля немцы арестовывают Бандеру и вывозят в Берлин. Бандера пишет письмо Розенбергу, но немцы больше не заинтересованы в сотрудничестве - у них есть Кубийович и ОУН (м). 200 оуновцев попадают в концлагерь Аушвиц. 30 из них там и погибли, среди них двое братьев Бандеры. Интересный нюанс: мы видим в Аушвице фашистов и антисемитов - есть косвенные доказательства, что братья Бандеры участвовали в убийствах евреев. В 1942-43 годах ОУН создает Украинскую повстанческую армию. Она убивает поляков и евреев, которые скрывались в лесах. Есть приказы Службы Безопасности ОУН, выданные незадолго до прихода Красной Армии, ликвидировать в подполье евреев-неспециалистов. 6% ведущих УПА погибли в борьбе против немцев и 44% - против советской власти.

После Сталинграда ОУН начинает ориентироваться на Великобританию и США. Начинается фальсификация оуновской истории и "демократизация" - предоставление формальных прав меньшинств тем людям, которых оуновцы убивают.

В ноябре 1944-го немцы освобождают Бандеру и предлагают ему вместе с россиянином Власовым бороться против СССР. Бандера не хочет, но не отказывается коллаборировать (сотрудничать) с немцами в украинском комитете. В январе 1945 года Бандера переезжает в Вену. Начинается Холодная война, во время которой УПА продолжает партизанские действия. За годы этих действий советская власть убила 153 000 западных украинцев, арестовала 134 тысячи, выслала 203 000. УПА убила 20 тысяч гражданских и 10 тысяч работников НКВД и советского персонала.

За рубежом остаются 250 000 украинцев, которые не хотят возвращаться в Украину, потому что боятся Советской власти. УПА и ОУН остаются на Западе и начинают сотрудничество со спецслужбами (ЦРУ, Ми-6, разведка ФРГ) и фальсификации собственной истории. Процесс фальсификации начал Николай Лебедь.

Как Лебедь с Пиховшеком СССР развалили. На деньги американской разведки

В 1954-м Бандера прекращает сотрудничество с Ми-6 и работает с разведкой ФРГ. Диктатор Франко зовет его в Испанию, но оуновский центр уже находится в Мюнхене, поэтому Бандера остается в Германии. В октябре 1959 года Сташинский убивает Бандеру, а через два года сдаётся властям ФРГ. После смерти Бандеры остается 120 000 его сторонников.

Чествование Бандеры всегда сопровождается религиозной церемонией – сначала служба, потом политическая часть. [Приводятся фото торжественных мероприятий в диаспоре – ИП] К этому добавляются антикоммунистические демонстрации. Петр Мирчук – руководитель пропагандистского отдела с 1939 года [биографию Мирчука можно прочитать в украинской или польской Википедии – ИП] - пишет первую биографию Бандеры. В стиле жития святых. Происхождение приветствие "Слава Украине!" не объясняется.

В советской пропаганде Бандера и его движение преимущественно высмеивается. Бандеровцев публично вешают, иногда на глазах у специально собранных школьников. На Западной Украине сооружаются памятники жертвам УПА, сейчас их нет. В последние годы СССР на родине Бандеры в Старом Угринове устанавливают памятник. Он, как и другой памятник, был взорван - предполагают, что

советскими спецслужбами. Но третий монумент, переделанный из бывшего Ленина, стоит и поныне.

Националистические продолжатели дела проводника ОУН, глорифицируют Бандеру, считают все антисоветское демократическим [демонстрируются фото современных памятников Бандере и политических мероприятий у них - преимущественно "Свобода", КУН и национал-демократы вроде "Нашей Украины" - ИП].

Только некоторые историки пытаются открыть правду о Бандере и его движении. Тимоти Д. Снайдер и Джон Пол Химка рассказывают историю Бандеры подобно мне. Другие люди, среди которых [называет фамилии], не могут определиться, был ли Бандера демократом, национальным героем или фашистом. И есть лагерь фанатиков - [называет фамилии]".

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

- ОУН принадлежит к серии фашистских организаций без государства.

- Для меня совершенно ясно, что и поляки так же убили многих украинских гражданских, но изучать это я не имел времени, потому сосредоточился на действиях ОУН и УПА. Для меня совершенно ясно, что и поляки так же убили многих украинских гражданских, но я не говорил об этом в этой лекции, так сосредоточился на действиях ОУН и УПА. Если бы у меня была возможность прочитать планируемые лекции о политическом и этническое насилие, я бы говорил о военных преступлениях Армии Крайовой и "Народных вооруженных сил" (NSZ).

- Я бы желал другого украинских-польского примирения, чем сейчас - чтобы мы не примирялись с фашизмом, а критически оценивали историю.

- Фальсификации истории ОУН - вот с этим процессом я абсолютно не согласен.

- Различные ультранационалистические движения постоянно нападают на меня, что я работаю ненаучно. Но скоро выйдет моя монография на 600 страниц. Может, некоторые из моих утверждений есть и неверными, но в монографии есть все необходимые ссылки, можно уточнить.

- То, что мои тезисы похожи на тезисы советской историографии, еще не значит, что я пишу свои работы на основе советских работ. Я работаю очень основательно.

- Я высказываюсь за то, чтобы очень осторожно обращаться с памятниками - особенно военному преступнику Роману Шухевичу.

- Я начал исследовать Бандеру после того, как сравнил его представления в польском националистическом дискурсе с советской демонизацией. Потом я увидел памятники ему - и это меня заинтересовало.

- Возможно, я выразился неправильно относительно УГКЦ. Я не говорил, что митрополит Шептицкий был фашистом. Он спас, наверное, больше евреев из всех украинских.

- ОУН и УПА имели долгую историю. Так, оуновская программа 1930-х была шовинистическая, но позднее они перешли на демократические рельсы, проголосовшы вполне адекватное лозунг "Свобода народам - свобода человеку". Разве не может Бандера быть одновременно и военным преступником, и борцом за освобождение от тирании? Разве такой не может быть целая организация? Он АК осуществляла теракты в берлинском метро, но она все равно почитается как освободительное движение ...

- Интерпретация Бандеры как демократа является неправильной. Он никогда не переходил на демократические рельсы. Он употреблял слово "демократия" как ругательство или для камуфляжа во время сотрудничества с американскими или британскими спецслужбами.

- Так же никогда не было демократической составляющей и в украинском националистическом движении. Были попытки минимальной демократизации, но в целом ОУН не демократизировалась. И до сих пор ОУН отрицает свои военные преступления, что свидетельствует о том, что ОУН и сегодня не является демократической организацией.

- Историки, которые изображают Бандеру как демократа (Владимир Вятрович или Александр Гогун), путают демократию с национализмом. В целом они считают, что все антисоветское автоматом было демократично. По этой логике, даже Муссолини и Гитлер были демократами.

Материал под названием «Лекция про «фашиста» Бандеру. Конспект и хронология скандала» был опубликован на сайте «Исторической правды» <http://www.istpravda.com.ua/articles/2012/03/5/75689/> 5 марта 2012 года. Автор – Павел Солодько.

**«Украинская Национальная Революция» 1941 года:
дискурс и практика фашистского движения»**

В июле, августе и сентябре 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз, сотни писем были посланы руководителю (проводнику) Организации украинских националистов (ОУН) Степану Бандере; немецкому фюреру Адольфу Гитлеру; главе украинского правительства, провозглашенного ОУН-Б вскоре после начала немецко-советской войны, Ярославу Стецько.(1) Письма выражали уважение к Гитлеру, любовь к Бандере и благодарность к Стецько; к ним были приложены несколько тысяч подписей западных и не только украинских сторонников ОУН-Б.

Массовый сбор этих писем был последней попыткой ОУН-Б спасти «Украинскую Национальную Революцию». (2) ОУН-Б стала инициатором этой программы с началом немецко-советской войны 22 июня 1941 г. и готовилась по нацистскому согласию главным правительством в 1940-41 гг., а также в Западной Украине как подпольное движение. Две основные цели революции были: во-первых, объявить и создать Украинское государство и, во-вторых, очистить территорию этого государства от евреев, поляков, советов и других врагов в соответствии с лозунгом «Украина для украинцев». «Украинская Национальная Революция», таким образом, была главным недостающим звеном между провозглашением Украинского государства Ярославом Стецько во Львове 30 июня 1941 г. и участием ОУН-Б в погромах против евреев, или в сотрудничестве с нацистами или по собственной воле. (3)

В 1940-41 гг. в соответствии со своим учением, ОУН имела две основные группы врагов. Первыми были «оккупанты», то есть, граждане государств, в которых большинство украинцев жило в течение последних двух десятилетий. В частности, это были поляки и советы. Вторая

группа врагов была евреями, крупнейшим меньшинством в Украине, которое, согласно стереотипу «иудео-большевизма», часто ассоциировалось с советами. ОУН-Б очень хотела массово убивать и устранять представителей этих групп из Украины. Во время «Украинской Национальной Революции» погромов против евреев было больше, они были лучше организованы и более заметны, чем акты насилия против поляков, в первую очередь потому, что еврейские погромы были одобрены и поддержаны нацистами, у которых не было большого интереса в поддержке или организации подобных мер против польского населения на тот момент. ОУН-Б провела основную кампанию насилия против поляков позже: на Волыни в 1943 г. и в Галиции в 1944 г., когда около 70000-100000 польских граждан было убито. Группы украинского населения были подвергнуты насилию во время жестокого конфликта между ОУН-УПА и Советами на Западной Украине между 1944 г. и 1951 г. (4)

Эта статья содержит три взаимосвязанные цели. Первая заключается в изучении «Украинской Национальной Революции» как плана, подготовленного ОУН-Б в 1940-41 гг. и реализованного летом 1941 г. Во-вторых, эта статья анализирует письма «украинского народа» к Бандере, Гитлеру и Стецько, которые являются одними из наиболее важных источников для получения информации о проведении и социальном контексте этой предполагаемой революции. (5) Наконец, я утверждаю, что с момента своего основания в 1929 г. ОУН сочетала в себе элементы фашизма с радикальным национализмом и революционными идеями. В частности, в 1940 и 1941 гг. в то время, когда ОУН-Б готовилась к «Украинской Национальной Революции» ее фашистские элементы вышли на первый план. Целью этой организации было создание украинского государства в «Новой Европе» под эгидой национал-социалистов.

Первая мировая война и украинский фашизм

Последствия Первой мировой войны оставили украинский народ без государства и в еще более сложном положении, чем недовольные антиверсальские фашистские государства. Это было основной причиной создания в 1929 г. ОУН, которая вместе с ее военизированным крылом, сформированным в начале 1943 г. - Украинской Повстанческой Армией (УПА), впоследствии стала наиболее радикальной и экстремистской по настроению украинского движения в 20-м веке. ОУН боролась за создание государства, принятие радикальной национал-фашистской идеологии, которая в значительной степени зависела от представлений о мистическом прошлом. Эта система веры позволила превратить ее членов в фанатиков, которые не отказались бы выполнять любые дела, в том числе совершать убийства, чтобы получить государство. Ее основной целью была мобилизация масс вокруг харизматического лидера и тоталитарного государства.

На втором генеральном Конгрессе украинских националистов в Риме 27 августа 1939 г. после убийства Евгения Коновальца 23 мая 1938 г. первый руководитель ОУН Андрей Мельник взял на себя руководство. В это время ОУН состояла двух поколений, младшее из которых было более радикальным и боеспособным. Позже известная как «поколение Бандеры», эта когорта была слишком молода, чтобы воевать в Первой мировой войне, но достаточного возраста для того, чтобы пережить войну и ее последствия для украинцев. Эти группы ОУН считали, что Мельник, старший, более осторожный человек, не был определенным, радикальным, и харизматичным, чтобы быть способным лидером. Поэтому они заменили Мельника Степаном Бандерой, который лучше оправдывал свои надежды как более радикальный и авторитарный лидер. Весной 1940 г. это вызвало раскол ОУН на две соперничающие группировки:

ОУН-М, которую возглавил Андрей Мельник, и ОУН-Б, во главе со Степаном Бандерой. (6)

ОУН с особенной враждебностью и насилием относилась к украинцам, которые не одобряли радикального национализма ОУН. Такие люди считались конкурентами и предателями священной концепции нации. Таким образом, ОУН была не только антидемократической, но и антилиберальной и антиконсервативной, потому что она хотела бороться со всеми другими украинскими партиями и создать украинское государство, которым будет править как диктатор. ОУН пыталась, в частности, в 1940-41 гг., уподобляться ведущим европейским фашистским движениям и перенять как можно больше их ритуалов, символов и методов пропаганды. Кроме того, она была чрезвычайно антиматериалистической и антикоммунистической, поддержав идеологию крови и земли, считая, что подлинная этническая украинская территория должна быть очищена от любого неукраинского элемента. (7)

В 1935 г. член ОУН Николай Сциборский, который после раскола остался в ОУН-М и 30 августа 1941 г. был убит в Житомире, разработал проект конституции. Согласно этому документу будущее украинское государство должно было быть «независимым», «тоталитарным» и «авторитарным». (8) Политической системой должна была быть так называемая нациократия, что означает «власть народа в государстве» и может быть охарактеризована как украинский вариант фашизма. (9) Самый важный человек в государстве в соответствии с настоящей Конституцией должен был быть лидером нации (вождь нации), который будет «воплощать независимость и единство нации», и пока он жив и пожелал править, лидер ОУН должен был быть этим лидером нации. (10) Политическая и социальная жизнь в этом государстве должна была быть построена и управляться ОУН. Все другие политические группы, организации или стороны должны были быть запрещены. (11)

Украинский национализм, который часто характеризуется как «интегральный национализм», стал предметом многочисленных исследований. (12) Концепция украинского фашизма, однако, не получила такого же внимания ученых. Большинство историков украинского национализма упомянули лишь некоторые фашистские элементы ОУН, вероятно, чтобы избежать обвинения в том, что у них антиукраинский настрой. Например, Александр Мотыль утверждает, что ОУН была националистической организацией с сильным фашистским влиянием, но не могла быть фашистской организацией из-за отсутствия украинского государства. (13) Для восточноевропейских фашистов, однако, «состояние без государства» было довольно распространенным явлением. Как Дэниел Урспрунг показал недавно, что было только несколько фашистских группировок в Восточной Европе в межвоенный период, которым удалось править государством: «фашизм в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе редко проявляется в виде политической системы, но в первую очередь в виде групп и движений, которые стремились к власти, но добились этого лишь в нескольких случаях, и то лишь на короткое время». (14)

После того, как ОУН была основана в 1929 г., такие фашистские украинские организации, как Союз украинских фашистов, присоединились к нему. (15) Позже, в 1941 г., ОУН-Б приняла все символические рамки фашизма, которые не противоречили, но на самом деле дополняли радикальный националистический характер ОУН. (16) Скорее всего, ОУН хотела идти в ногу с нацистской Германией, а также с другими радикальными националистическими и фашистскими государствами, полагая, что это может помочь организации добиться признания в качестве равноправного партнера в «Новой Европе».

На втором генеральном конгрессе ОУН, который состоялся в апреле 1941 года в Кракове, его состав узаконил отделение ОУН-Б из ОУН и призвал к революционным

действиям. Они заявили, что нынешний лидер этой организации, Андрей Мельник - предатель, который действует в отношении ОУН и причинение вреда организации. Кроме того, они назвали Степана Бандеру украинским провидником (эквивалентом немецкого фюрера и итальянского дуче) и отмечали его после этого, особенно в «Украинской Национальной Революции», как лидера украинской нации. (17) Бандера таким образом стал в фашистском стиле символом Украинского государства. (18) После второй конференции ОУН-Б также использовала фашистские приветствия повышения правой руки «немного вправо, чуть выше вершины головы», призывая: «Слава Украине!» (Слава украинцев!) И отвечала: «Слава героям!» (19) Красный и черный флаг, символизирующий кровь и землю, был представлен на этой конференции в качестве эмблемы ОУН-Б. Это был отклик расистской и националистической немецкой идеологии, которая предложила неразрывность людей со своей родиной, а также естественное влечение к «земле», которую взяла как духовный и мифологический подтекст. ОУН-Б пыталась создать украинское общество с фашистскими и авторитарными элементами, так как украинское государство должно было регулироваться и контролироваться со стороны ОУН и провидника, который также был символом всей Украины. Все остальные украинские партии и политические организации были восприняты как «оппортунистические» или обструктивные и должны были быть устранены в ближайшем будущем. Все общество должно было быть милитаризованным и всегда держать боевую готовность. Этнические меньшинства Украины рассматривались как потенциальные враги украинского государства, особенно евреи, в которых ОУН-Б видел «руку московско-большевистского режима». (20)

Таким образом, если в 1930 году ОУН-Б сочетала в себе элементы как фашизма, так и радикального национализма, в начале 1940 г. она подготовила «Украинскую Национальную Революцию», став образцовым примером для Восточной

Европы фашистской организации. ОУН-Б оказалась очень похожа на другие восточно-европейские фашистские организации: Железная гвардия в Румынии, Глинки партия Словакии, Партия Скращенных стрел в Венгрии, и усташей в Хорватии. Тот факт, что ОУН-Б не удалось убедить нацистов поддержать ее проект, как и некоторых других восточноевропейских фашистских организаций, не означает, что ОУН-Б действовала против нацистов во время «Украинской Национальной Революции» или не хотела стать частью новой Европы под их эгидой. Это также не означает, что ОУН не была заинтересована в сотрудничестве с нацистами в конце Второй мировой войны, поскольку Советы вернулись, чтобы занять Западную Украину.

В 1943 году, когда нацисты начали проигрывать войну, ОУН поняла, что ее новым главным союзником против СССР может быть США и Великобритания, оба из которых были демократическими государствами. С этого момента ОУН начала зачищать свое фашистское и антисемитское прошлое и развивать свой демократический образ. Она представлял себя как освободительное движение за свободу. ОУН часто называла этот процесс «демократизацией». Тем не менее, даже «демократизация» считалась в стадии реализации, когда некоторые подразделения УПА остались верны фашистской доктрине «Украина для украинцев» и проводили этнические чистки польского населения на Волини, а затем в Восточной Галиции. (21)

Планирование и подготовка «Украинской Национальной Революции»

В 1940-41 гг., ОУН-Б была готова к германо-советской войне. Она ожидала, что война и освобождение украинских земель от советской оккупации приведет к удобной ситуации для создания украинского государства. Таким образом, ОУН-Б поддерживала хорошие связи с абвером и вермахтом, хотя и не со всем аппаратом нацистов, особенно не более с

экстремальными нацистскими лидерами, такими как Гитлер или Гиммлер, которые находились в плену расовой идеологии. (22) Последние были категорически против создания независимого украинского государства. В политическом воображении Гитлера украинские территории, как и многие другие восточноевропейские территории, должны были регулироваться в соответствии с Генпланом Ост: немцы должны быть урегулированы на украинской территории, а украинцы – попасть в рабство или быть «уничтожены». (23) Разрозненность нацистского аппарата и разнообразные отношения отображают для Восточной Европы тот факт, что в то время, когда не-немцы уже служили в вермахте батальонов, Гитлер по-прежнему утверждал, что «никто кроме немцев никогда не может быть разрешен к ношению оружия». (24)

Готовясь к своей революции весной 1941 года ОУН издала по крайней мере два важных документа по этому вопросу. Первый называется «Инструкция по довоенному периоду, времени войны и революции, и в первые дни государственного строительства». (36) Этот документ подтверждает настрой ОУН-Б начать революцию, которая приведет к государственности. Написанная с декабря 1940 г. по апрель 1941 года с фашистской, героической и военной точки зрения, она должна была ориентироваться на революционеров в решающие первые дни революционных действий и агитации. В тексте указывается, что лидеры ОУН-Б считают, что они должны мобилизовать украинцев к революции, потому что в их понимании только такое массовое движение может создать государство. Для этого они должны были использовать все виды пропаганды, распространять слухи, петь национально-революционные песни, печатать и распространять брошюры и газеты, вести радиовещание «национально-революционной» пропаганды. (37) Основное содержание пропаганды было «обновление» украинского государства на ОУН-Б и необходимая война с «московскими евреями» и другими врагами, характерный лозунг «Убей

врагов среди вас, евреев и информеров». (38) Важной частью «революции» была также мобилизация украинских сел против космополитических городов, в которых, в соответствии с текстом, большинство украинцев жили с врагами. Другой важной задачей было убедить украинский народ, что провозглашение или «возрождение» государства - не просто театр, а реальность. Для этой цели члены ОУН-Б организовывали встречи при каждом удобном случае и читали собравшимся свой манифест про «обновление украинского государства». (39) Стандартный текст этого манифеста гласил:

От имени всей Украины Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает Украинское государство, для которого целые поколения лучших сынов Украины отдали свои жизни. Организация украинских Националистов, которая под руководством ее Творца и руководителя Евгения Коновальца провела напряженную борьбу за свободу последних десятилетий московско-большевистского гнета, призывает весь украинский народ не складывать оружие, пока не будет суверенной украинской власти над всеми украинскими землями.

Суверенные украинские власти гарантируют украинскому народу закон и порядок, всестороннее развитие всех его сил и удовлетворение всех его потребностей. (40)

Содержание этого провозглашения очень похоже на то, что было в некоторых из писем, адресованных Гитлеру, Бандере и Стецько.

Согласно «Инструкции», план был таков: взять власть на революционных территориях, провести разоружение противника (Народный комиссариат внутренних дел [НКВД] или советской власти), а затем организовать встречу местных жителей и объявить государственность, читая воззвание. Во время акта провозглашения весь зал, в том числе женщины и дети, должны были взять на себя обязательство быть под руководством Степана Бандеры и принести клятву верности

до смерти украинскому государству. Кроме того, все присутствующие должны были поклясться, что они будут служить украинскому государству своей жизнью, защищая его до последней капли своей крови. После чтения прокламации каждый украинец, годный для эксплуатации, должен был быть введен в украинскую национальную армию и быть мобилизованным для немедленного развертывания в этом районе. Цель всей процедуры провозглашения было «включение собравшихся в украинское национальное государство», как духовно, так как официально. (41)

Не должно было быть никакой пощады для украинцев, не согласных с политикой ОУН-Б и не представленных своих политических ожиданий. Украинский народ должен был понимать, что ОУН-Б была бы единственной властью в Украине. Чтобы убедить массы в этом, члены ОУН-Б пытались запугать непокорные части страны угрозой наказания. (42) Авторы «Инструкции» приравнивали волю ОУН-Б с волей всего народа, общей дорогой фашистского и радикального националистического дискурса.

Другой важный документ, касающийся «Украинской Национальной Революции» с мая 1941 года был под названием «Борьба и деятельность ОУН во время войны». (43) Согласно этому документу, главной целью революции была не борьба с НКВД, хотя некоторые из ОУН-Б делали это от случая к случаю после начала германо-советской войны. (44) Целью было использовать политический вакуум, оставленный после ухода Советов и до прихода немцев в создании органов ОУН-Б государства. (45) В этот период группа 10-15 членов ОУН-Б в каждой деревне должна была удалить местные силовые структуры и попытаться убедить или принудить население к поддержке ОУН-Б. Еще более важным революционным актом было приветствование немецких войск во имя Степана Бандеры и украинского государства, а также объяснение немцам, что ОУН-Б очистила территорию Советов и выразила готовность к дальнейшей борьбе на стороне Германии. (46)

«Украинская Национальная Революция» на практике

Как уже упоминалось выше, «Украинская национальная революция», (47), иногда также называемая ОУН-Б «Украинская революция», (48) была задумана как захват власти силами как внешними, так и внутренними, как ознакомление населения с идеалами украинского государства и пропагандой ОУН-Б, как организация новой администрации и провозглашение государственности на публичных собраниях по всей стране. Согласно планам ОУН-Б, ряд других стран Восточной Европы, которые, как и Украина были советскими республиками, должны были присоединиться к революции и борьбе за свою государственность. Лозунг революции был таков – «Свобода народам и человеку!». (49)

Большинство украинцев не знало о расколе и вражде в ОУН в 1940 г., потому что жизнь в Советском Союзе отрезала их от такой информации. (50) В решающие первые дни германо-советской войны это позволило более активным участникам ОУН-Б утверждать, что только ОУН-Б является подлинной ОУН, чей лидер, Степан Бандера, приведет украинскую нацию к великому и героическому будущему. Кроме того, когда с 1935 г. варшавские и с 1936 г. львовские судебные процессы против ОУН стали происходить, Степан Бандера стал одной из самых популярных фигур среди западных украинцев.

Первым и самым важным шагом в «Украинской Национальной Революции» стало провозглашение государственности во Львове, крупнейшем городе Западной Украины. Это провозглашение было не столь впечатляющим, как должно было быть провозглашение в столице страны – в Киеве, но оно было достаточно значительным, чтобы быть замеченным и серьезно воспринятым новыми оккупантами и западным украинским населением. Это произошло в тот же день, в который Львов был взят немецкими и украинскими войсками вермахта - 30 июня 1941 г. Государственность была

провозглашена в восемь часов вечера, в небольшом зале в здании общества Просвита. Первоначально ОУН-Б хотела провести провозглашение в государственном театре, более внушительном здании, но германская армия уже реквизировала его. (51) Два немецких офицера, Вильгельм Эрнст зу Эйкерн и Ганс Кох приняли участие в заседании; Кох, возможно, даже приветствовал его, но только как событие по празднованию освобождения от большевиков, а не как провозглашение государственности. Офицеры напомнили собравшимся, что война еще не закончена, так что это не подходящее время, чтобы провозглашать государственность, и что единственный человек, который может решить, вступит ли существование украинского государства в силу – это Адольф Гитлер. (52)

Степан Бандера, наиболее важная фигура в революции, не мог провозгласить государственность сам, поскольку она был «конфискован» немцами за день до церемонии провозглашения и получил запрет на выезд во Львов. (53) В связи с этим «карантином» одного из самых представительных украинских политиков, государственность была провозглашена представителем Бандеры Ярославом Стецько, приехавшим во Львов с «целевой группой». Стецько воспользовался политическим вакуумом. Он пытался выступить в качестве представителя национальной воли и никак не препятствовать немецким интересам. Во время встречи в зале Просвиты, после приветствия Степана Бандеры, Стецько прочитал официальное заявление: «В соответствии с волей украинского народа, Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинского государства, для которого целые поколения лучших сынов Украины принесли в жертву себя». (54) Декларация также заявила, что независимая украинская власть будет гарантирована для украинского народа, а во-вторых, что украинский государственный орган, возникающий в Западной Украине, позднее будет подчинен власти в Киеве, и, в-

третьих, о том, что Украинское государство будет тесно сотрудничать с «национал-социалистической Великой Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться от московской оккупации». (55)

Вечером, после прочтения декларации, люди собрались в зале и пели национальный гимн, прерывая его аплодисментами несколько раз. Греко-католическая церковь была представлена на собрании Иосифом Слепым. Другой священник, в абвер форме, д-р Иван Хрынюк представлял батальон Нахтигаль, который люди в национальном экстазе 1941 г. также называли «Батальон Степана Бандеры»(56), который, по словам одного из солдат этого батальона, под командованием Романа Шухевича уничтожил все еврейское население двух сел через несколько дней после церемонии в зале Просвиты. (57) Собрание было завершено салютами на имя Степана Бандеры, Адольфа Гитлера и митрополита Андрея Шептицкого, и пением национального гимна «Ще не вмерла Украина». (58)

Вечером того же дня и на следующий день, 1 июля 1941 г. в 11:00 утра, активисты ОУН-Б использовали радиостанцию во Львове, который был занят батальоном Нахтигаль после советских войск и переименовали ее на «Станция Евгена Коновальца». (59) Вещатели ОУН-Б сообщали, на украинском и немецком языках, о церемонии провозглашения и существования украинского государства. Солдат говорил эмоционально в эфире о своем приезде во Львов и о братских отношениях между немецкой и украинской сторонами, особенно их лидеров, и пел немецкие и украинские песни. (60) Диктор также проинформировал слушателей о существовании «Украинского Вермахта». (61) Кроме того, ОУН-Б ознакомила радиослушателей с письмом главы греко-католиков, Андрея Шептицкого, который объявил, среди прочего, что государство ОУН-Б пришло на свет по воле Бога. (62).

Для театральных целей ОУН-Б были возведены триумфальные арки во многих местах с украинскими и немецкими флагами и надписями на них: «Да здравствует Украина! Да здравствует Бандера! Да здравствует немецкая армия! Хай Гитлер! ... Да здравствует лидер [провидный] Степан Бандера!» и «Свободу Украине - Смерть Москве!». (63) Местное население в национальных костюмах приветствовало нацистов традиционным хлебом и солью. Немецкие войска быстро приняли к сведению механические, повторяющиеся действия ОУН-Б и театральные принятие украинского государства.(64) Кроме того, ОУН-Б призвала украинское население развесить украинские и немецкие флаги в деревнях. Все коммунистические книги и портреты должны были быть принесены на главную площадь и сожжены, в это же время, местное население должно было быть собрано для пропаганды. Могилы павших активистов ОУН должны были быть украшены цветами; люди, проходящие мимо могилы, должны были поднять правую руку, чтобы почтить память погибших героев.(65) Шептицкий приказал всем греко-католическим священникам, чтобы они украсили свои церкви немецкими флагами и подчинялись немецкой и новой украинской власти. (66)

Все это время воплощение революции, Степана Бандеру, нельзя было найти на революционной территории. Его тело находилось под контролем немцев сначала в Кракове, а затем в Берлине. Но дух и харизма провидника были с революционными массами. Наличие Бандеры был ощутимым и в церемонии провозглашения, и во всех письмах, адресованных Гитлеру, Бандере и Стецько. Иван Клымыв написал Степану Бандере, что он сразу знал, где показать свою привязанность после раскола ОУН, потому что он и другие члены ОУН «видели Бандеру дважды под виселицей как непобедимого и привязанного к идее». (67) Для них было очевидным, что Бандера был истинным украинским провидником и что в ходе «Украинской

Национальной Революции» все революционные территории должны быть покрыты плакатами и листовками, восхваляющими Бандеру. Эти агитационные материалы подстрекали население к серии жестоких и театральных революционных действий.

Бандера, хотя и менее харизматичный, чем первый лидер ОУН, Евген Коновалец, который был убит в 1938 г. в Роттердаме – приобрел подобный культ личности. Под влиянием ОУН-Б украинское население на «освобожденных территориях» с энтузиазмом чествовало Бандеру и Гитлера как строителей «новой Европы». Во многих местах портреты Гитлера были выставлены на всеобщее обозрение. Например, в Тернополе 3 июля 1941 г., портреты Бандеры, Гитлера и Коновальца были выставлены на совещании, где члены ОУН-Б приветствовали немцев, отмечали освобождение от «иудо-большевизма» и провозгласили государственность. (68)

3 июля 1941 г. Ярослав Стецько, глава недавно созданного правительства, направил официальные письма к ряду европейских фашистских лидеров: одно для дуче Италии Бенито Муссолини, одно для хорватского лидера Анте Павелика, одно для каудильо Испании, Франсиско Франко, и одно, конечно же, фюреру Адольфу Гитлеру. Письма были написаны на немецком языке, на языке новой фашистской Европы. Стецько сообщил Павелику, что «в результате многовековой борьбы украинского народа за свой суверенитет украинское государство было провозглашено во Львове 30 июня 1941 г.». Он заявил о своем твердом убеждении, что «обе революционные нации [украинская и хорватская], закаленные в боях, будут гарантировать создание здоровой обстановки в Европе нового порядка». Аналогичное стремление к «творческому сотрудничеству», на этот раз между испанским и украинским народами, было показано в письме Стецько к Франко. Муссолини, между тем, сообщил, что украинское государство было восстановлено на территории «освобожденной от московско-еврейской

оккупации ... в соответствии с волей украинского народа, которая находит свое выражение в Организации Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры». Стецько также направил итальянскому лидеру свои теплые приветствия, пожелал скорейшей победы своего храброго народа и выразил уверенность, что Украина станет частью «нового фашистского порядка, чтобы заменить Версальскую систему». (69) В письме к Гитлеру, Стецько принес свои поздравления и выразил желание «во имя украинского народа и его правительства, которое возникло в освобожденном Львове» о том, чтобы немецкий лидер будет «увенчан борьбу вечным триумфом». Стецько также написал, что победы немецкой армии позволили Гитлеру расширение новой Европы на ее восточную часть. «Таким образом, вы [Гитлер] позволили украинскому народу, как одному из полноправных и свободных членов европейской семьи народов в своем суверенном украинском государстве, принимать активное участие в грандиозном плане». (70) Кроме этих официальных писем фашистским лидерам, Стецько планировал направить иностранных представителей ОУН-Б в правительство Словакии, Румынии, Японии, Хорватии, Германии, и, возможно, некоторых других государств-членов новой фашистской Европы. (71)

Правительство, о котором Стецько пытался объявить фашистским лидерам Европы, вызванное к существованию по воле Бандеры, было названо Государственным управлением Украины (Державне Правління України). Это правительство не состояло исключительно из членов ОУН-Б, но все его члены были лояльны к ОУН-Б. Через несколько дней после своего образования, государственная администрация Украины была запрещена нацистами и перестала функционировать, но для правления был создан Совет старейшин. Эти две организации должны были выполнять функции парламента в государстве ОУН-Б, и они выразили желание проводить свои заседания во внушительном здании университета Львова, который до 1918 года использовался

как парламент Галиции. (72) Проект парламентской системы будущего государства ОУН-Б был подготовлен осенью 1940 г. юристом и членом ОУН-Б Михаилом Степаньяком, который в 1930 г. был привлечен к ответственности за свою коммунистическую деятельность. (73)

Из фрагментов протокола заседаний правительства мы знаем, что Государственная администрация была готова организовывать кампании по уничтожению евреев в Украине. Участники дискуссии не уточняли, однако, как именно это «действия по уничтожению» должны были проводиться. Кроме того, правительство обсуждало с большим энтузиазмом своего рода украинский Генплан. Согласно этому плану все не-украинцы, проживающие в Украине, должны были быть эвакуированы или уничтожены, и все украинцы, живущие за пределами «этнической» украинской территории должны были быть переселены на «этническую» украинскую территорию или территории, где жили эти украинцы, должны были быть включены в украинское государство. Например, все украинцы из Москвы и Ленинграда должны были быть переселены в Украину. По словам одного из членов правительства, национальный вопрос в Украине должен был быть решен «немецким путем». (74)

Выход Советов с украинских территорий и провозглашение Украинского государства во Львове, действительно сопровождалось серией погромов в Западной Украине. (75) Во Львове самый жестокий этап погромов начался утром 1 июля 1941 г., всего через несколько часов после того, как ОУН-Б провозгласила государственность, и это вряд ли может быть простым совпадением. (76) Насилие было спровоцировано нацистами в сотрудничестве с членами ОУН-Б, которые обнаружили в подвалах и тюрьмах Львова тела около 3000 человек, которые были убиты, а их трупы оставил НКВД. Принужденные немцами и членами ОУН-Б вынести трупы из подвалов, евреи были обвинены в убийстве.

Это был один из наиболее значимых факторов в общем пробуждении насильственного гнева. Импульс не сработал бы, однако, без мощного антисемитского стереотипа «иудео-большевизма» и революционной пропаганды ОУН-Б, которая также была направлена против евреев.

Общее количество погромов и их жертв, а также той роли, которую немцы играли в них, трудно оценить. По самым надежным подсчетам, около 4000 евреев были убиты во время погрома во Львове (77), в то время как во всей Западной Украине между 13000 и 35000 евреев были убиты. (78).

Готовясь к «Украинской Национальной Революции», ОУН-Б решила включить ликвидацию «польских, московских и еврейских активистов» как цель для фазы революционного хаоса. (79) Главным образом, это стало задачей украинской народной милиции, в которой все мужчины от 18 до 50 лет, которые могли носить оружие, должны были служить. (80) Из-за того, что в ОУН-Б не было никакой униформы для милиции, каждый милиционер обязан был носить сине-желтый браслет или белый браслет с надписью «Национальная милиция».

Руководитель милицейского блока должен быть «известным националистом», лояльны к ОУН-б идеологии. (81) Эти отряды милиции принимали заметное участие в погромах (82) и, как ожидалось, должны были принять аналогичные меры против других врагов Украинской нации, таких как русские (москалы), поляки (окупанты), и украинские информеры (сексоты). (83) Создание милиции после вывода советских войск было запланировано заранее ОУН-б, как мы знаем из ранее упомянутых документов «Борьба и действия ОУН во время войны». Ярослав Стецько, сильно антисемитски настроенный во время революции, (84) написал Степану Бандере 25 июня 1941 года, за пять дней до провозглашения государственности, из села Млины: «Мы организуем Украинскую милицию, которая будет помогать нам устранить евреев и защитить население». (85)

Лица, которые были приняты на работу в милицию и получили идеологическую подготовку: Владимир Панасюк, Волынянин, который прошел подготовку в качестве милиционера Украинских националистов из Галиции, должен был дать клятву Степану Бандере и независимой Украине. После этой индукции, Панасюк и его тренеры пели национальный гимн. (86), Панасюк, как и многие другие милиционеры, был, вероятно, обучен либо членами ОУН-б, которые находились в подполье Климова до революции, либо «целевыми группами» из генерал-губернаторства, которые распространяли идеи «Украинской Национальной Революции» и организации ОУН-б государства.

Потому что погромы во Львове состоялись почти одновременно с провозглашением ОУН-б государства, город был полон плакатами, прославлявшими ОУН-б, Адольфа Гитлера, Степан Бандеру, «Великую Немецкую Армию», ведущую войну против «Еврейских коммунистов» и так далее. (87) Под этими плакатами лежали тела убитых Евреев. В национальной группе, наиболее широко представленной среди преступников, были Украинцы, подстрекаемые ОУН-б. Вполне вероятно, однако, что некоторые из преступников были Поляками, так как ими, как и Украинцами, были найдены тела своих родственников среди жертв НКВД. ОУН-б газеты на территории «Украинской Национальной Революции», которая перекликалась с местами погромов, были полны восхищения вождями революции. Газета «Самостійна Україна» в Станиславовской области печатала пропаганду ОУН-б государства с 7 июля и далее; 10 июля она напечатала текст прокламации с фотографией Ярослава Стецько на первой странице. (88) 24 июля «Украинское слово» напечатало фото провидныка Степана Бандера наряду с пропагандистскими статьями об Украинской немецко-венгерской войне против НКВД и злодеев, которые пытали Украинскую Нацию». (89)

Несмотря на то, ОУН-б имела тесные идеологические связи с нацистской Германией и была заинтересована в

поддержке нацистов в их войне против «Жидо-Большевизма», ни ведущие нацистские политики в Берлине, ни офицеры абвера в контакте с украинскими националистами, которые сотрудничали с ОУН до начала немецко-советской войны, и некоторые из которых (в том числе Ганс Кох) присутствовали на собрании 30 июня 1941 года, не согласились с провозглашением Украинской государственности. Заместитель госсекретаря в генерал-губернаторстве, Эрнст Кундт, организовал заседание 3 июля в Кракове, на котором четыре политика недавно провозглашенного правительства и лидер ОУН-б государства, Степан Бандера, принимал участие. На встрече Кундт сообщил своим гостям, что, хотя украинцы могут считать себя союзниками немцев, на самом деле они таковыми являлись. По официальной номенклатуре, нацисты были «завоевателями» на советской территории, и было бы лучше для Украинских политиков не вести себя иррациональным образом, это означает, что они не должны провозглашать и попытаться создать государство до того, как война против Советского Союза на Украинской территории закончится. Кундт сказал, что понимает ненависть украинцев по отношению к полякам и русским, и их стремление к созданию Украинского государства с соответствующей Украинской армией, но он подчеркнул, что, если они хотят остаться в хороших отношениях с нацистской Германией, а не компрометировать себя в глазах Украинского народа, они должны «прекратить делать вещи» и ждать решения Гитлера. (90)

Бандера, который опоздал на встречу, подчеркнул, что Украинские националисты были в бою против большевиков, «не пассивными наблюдателями, а активными членами, в том виде, в котором немецкая сторона позволяла им». Он пояснил, что он отдал приказ своим людям, чтобы те сражались на стороне немцев и немедленно создали на оккупированных немцами территории Украинскую администрацию и Украинское правительство. Он пытался сделать ясной свою политику с офицерами абвера, но они

были не компетентны решать эти политические вопросы. Бандера объявил себя лидером Украинского народа. Его власть заключалась в качестве лидера ОУН, организации, которая возглавляла Украинскую Нацию. Кундт ответил, что, насколько он понимает дело, только фюрер был уполномочен создать Украинское правительство, Бандера ответил, что, хотя его высшая санкция не была получена, Украинское правительство уже существовало и было намерено сотрудничать с немцами. Украинский лидер не смог сказать, получили ли ОУН-б активисты одобрение кого-либо с немецкой стороны до провозглашения государственности, но он подчеркнул, что Украинский военный священник д-р Иван Хринох присутствовал на провозглашении встречи в немецкой форме. (91)

Встреча закончилась короткими монологами от каждой из двух сторон. Кундт повторил, что провозглашение Украинской государственности не было в немецких интересах и что только фюрер может решить, будет ли и в какой форме должны быть сформированы Украинское государство и правительство. Он также пояснил, что даже если бы ОУН-б сообщила немецкой стороне о своем намерении провозгласить государственность, что ОУН-б и пыталась сделать, это не означает, что ОУН-б было разрешено продолжить. (92) Бандера признал, что не имело смысла продолжать утверждать, что он действует с согласия немецких учреждений и заявил, что он действовал под руководством мандата, который он получил от Украинского народа. Наконец, ища примирения с Кундтом, он сказал, что в тот момент он считал, что Украинское государство может быть построено только благодаря соглашению с немцами. (93)

С одной стороны, разногласия между нацистами и ОУН-б политиками относительно политической системы в Украине возникли из-за наивности руководства ОУН-б и его заблуждения относительно сотрудничества на равных условиях с нацистской Германией. С другой стороны, разногласия были вызваны намерением нацистского

руководства использовать Украину экономически, без политического участия Украинского народа. В результате этого столкновения интересов государство, провозглашенное Стецько, не было принято нацистами, как и другими восточноевропейскими фашистскими государствами, какими были Хорватия и Словакия. Бандера был арестован 5 июля и Стецько 9 июля, после перенесения покушения во Львове. Оба были доставлены в Берлин. 14 июля они были освобождены из-под ареста при условии, что они регулярно будут отчитываться полиции. (94) В середине сентября 1941 года, несколько членов ОУН-б были арестованы, а летом 1942 года некоторые из них были доставлены в концентрационный лагерь в Освенциме. (95) Отделения ОУН в Берлине и Вене были закрыты. (96) Тем не менее, до начала сентября 1941 г. ОУН-б все еще пыталась примириться с нацистами. В декабре 1941 года Бандера дал члену ОУН-б Евгению Стахову, который посещал его в Берлине в то время, сообщение, информировавшее его заместителя в Украине, Николая Лебеда, что ОУН-б не должны воевать с немцами и должны стараться вместо того восстановить немецко-украинские отношения. (97)

Письма как источник для изучения «Украинской Национальной Революции»

Письма, написанные после того, как немцы арестовали Бандеру и Стецько были, вероятно, наименее жесткой мерой, благодаря которой ОУН-б пыталась спасти свою революцию и улучшить свои отношения с нацистами. Немцы знали о кампании рассылки писем и сборе подписей под «ходатайством о разрешении на въезд» (98) для Бандеры, но, насколько я могу сказать, немцы оставались холодными и расчетливыми, и не уделяли большого внимания этим массовым мероприятиям.

К моменту написания этой статьи, письма, написанные во время «Украинской Национальной Революции» находились в семи файлах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины в Киеве (99) и в политических архивах Министерства иностранных дел в Берлине. (100) Файлы в Киеве имеют название «Резолюции, касающиеся провозглашения так называемого «Украинского государства», принятые на Ассамблеях Украинских граждан» (Постанови зборів громадян у справі проголошення так званої «Української держави»).

Письма собраны в файлы в соответствии с областями, в которых они были написаны. Содержание писем в этой коллекции немного отличается, но все письма были написаны с одной целью: поддерживать существование Украинского государства, провозглашенного Ярославом Стецько 30 июня 1941 года и продление «Украинской национальной революции», которая должна была привести к созданию Украинского государства под контролем ОУН-б.

Семь файлов писем разных размеров. Самый маленький содержит только 65 листов с 30 письмами. Крупнейший имеет 141 лист, или около 80 - 90 писем. Некоторые письма имели лишь несколько строк, (101), а другие - две или три страницы. (102) Некоторые были изготовлены на пишущей машинке, в то время как другие были рукописными. Некоторые начали с заголовка «заявление», (103), другие - с «разрешения» (резолюции), (104), в то время как третьи были адресованы напрямую, без заголовка, к «лидеру Организации Украинских Националистов Степану Бандере» (105) или «вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру» (106) или «главе правительства Украинского государства Ярославу Стецько». (107)

Один тонкий файл только из 65 листов содержит письма из Волынской, Житомирской, Киевской, Каменец-Подольской и Станиславской областей. (108) Два файла с письмами из Львовской области охватывают только места, которые начинаются с буквы Б через К и П к Я. Письма из

Тернопольской области находятся в трех файлах. Но здесь есть только письма из мест с начальными буквами Б через Д и Ж через Я. Даже с этой простой оценки, очевидно, что многие письма не нашли свой путь ни к одному из архивов. (109) Общее количество писем, написанных в 1941 году, более не может быть установлено. Вполне вероятно, что значительная часть была потеряна во время Второй мировой войны.

Письма, как правило, были подписаны сотнями людей, чтобы передать сообщение, что их политические цели пользуются большой популярностью. Учитывая, что письма были в основном написаны и подписаны в селах со смешанным еврейским, польским и украинским населением, среднее число колеблется от 60 до 500 подписей в населенном пункте, в зависимости от района, в котором они были собраны, указывает на значительную поддержку инициатив ОУН-б в украинском обществе. К количеству подписей следует относиться с осторожностью, однако, так как это было в интересах ОУН-Б, чтобы их число было высоким.

Что интересно, - это количество мест и районов, в которых государственность была провозглашена ОУН-б. По данным группы историков, которую создало Украинское правительство в 1997 году для изучения истории ОУН-УПА, было 213 районов по всей Украине, 187 - в Западной Украине и 26 - в Восточной Украине, в которых ОУН-б в 1941 году проводила революцию, пыталась установить государственность и мобилизовать население писать письма. (110) Если в каждом из этих районов ОУН-б нашла 8000 сторонников, как это было в Золочевском районе, (111), то в целом ОУН-б была бы в состоянии убедить 1.704.000 людей для поддержки государственного проекта. Учитывая короткий промежуток времени, в котором ОУН-б работа по установлению государственности, «Украинская Национальная Революция» ОУН-б видимо быстро распространилась и закончилась внезапно и исчез из-за конфликта с нацистами. Для сравнения, в соответствии с подсчётами ведущего члена

ОУН-б, Ивана Климова, ОУН-м провозгласила государственность только в двух районах. (112)

Число сторонников ОУН-б государства должно быть оценено с осторожностью. Например, к некоторым письмам были добавлены подписи или списки подписей, которые позволяют проверить количество подписей, заявленное в письмах. Другие, однако, без подписей и содержат только утверждение относительно числа людей, которые согласились с их содержанием и должны были подписать их. Вполне возможно, что члены ОУН-б, собиравшие подписи, преувеличивали их число в некоторых случаях. Тем не менее, можно предположить, что в июле и августе 1941 года в Западной Украине, ОУН-б удалось убедить большое количество людей, чтобы поддержать её «Украинскую Национальную Революцию».

Бандера, Гитлер, Стецько как идола революционных масс

Основной целью написания писем было поддерживать существование «Украинского государства», создание которое было провозглашено во Львове 30 июня 1941 года. Некоторые письма не имеют стандартной формы. Их авторы используют различные аргументы и стратегии в поддержку ОУН-б государства. Другие письма представляют собой стандартные тексты, перепечатанные с минимальным изменением или вообще без изменений. Они соответствуют модели, положенной в основу «Инструкции к довоенному периоду, времени войны и революции, и первые дни государственного строительства». Самое важное различие между буквами и провозглашенным в «Инструкции», написанной за несколько месяцев до «Украинской Национальной Революции», является введение аргументов, призванных убедить Гитлера или нацистов в необходимости Украинского государства и освобождении Степана Бандеры. В то время, как «Инструкции» были написаны, ОУН-б не предполагали, как революция будет разворачиваться. После того, как она

началась, члены ОУН-б адаптировались к ситуации и использовали заседания с целью сбора подписей и призыва население писать «полномочные письма» Гитлеру.

Стандартные письма, вероятно, читались вслух только на собраниях, созванных ОУН-б, кратко обсуждается и не обсуждались вовсе, подписывались и отправлялись. Вот пример одного из таких нормативных документов:

Мы, граждане села Рудники, были созданы на торжественное собрание, на котором независимое Украинское Государство было провозглашено.

Мы слушали текст провозглашения акта с невыразимым удовольствием: мы гордимся тем, что имеем такого лидера [rrovidnyuk] ОУН и всей Украинской Нации, как Степан Бандера. Мы очень благодарны непобедимой Союзнической Немецкой Армии и ее лидеру [Вождю] Адольфу Гитлеру, который помогает освобождению Украинского народа из Еврейско-Московского рабства.

Да здравствует Великая Национал-Социалистическая Германия и ее лидер Адольф Гитлер.

Да здравствует Независимое Украинское Объединенное Государство.

Да здравствует лидер ОУН и всей Украинской Нации Степан Бандера. (113)

Мы находим здесь краткие ссылки на то многое, что имело место во время «Украинской Национальной Революции»: деятельность ОУН-Б после начала немецко-советской войны, взаимодействие между ОУН-б и местным Украинским населением, политическое настроение в регионах Украины, которые были непосредственно оккупированы нацистской Германией, и популярность Степана Бандеры среди украинцев, которые стремились к созданию собственного государства.

Второе письмо, которое я хотел бы представить не является одним из напечатанных, стандартных текстов, оно - рукописное, вероятно, разработанное местным человеком с сильной связью с ОУН-б. Письмо написано в очень простом стиле. Она включает в себя многочисленные грамматические

ошибки, которые указывают на то, что автор был крестьянином со слабым пониманием письменного языка:

*Лидеру Организации Украинских националистов
Степану Бандере.*

Объявление

Мы, жители деревни Ксаверивка, собрались в воскресенье 19 июля 1941 года на площади, чтобы продемонстрировать перед всем миром, что Украинская Нация борется за свои права и Независимое Украинское Государство.

Мы твердо подчинены Украинскому Правительству, которое было провозглашено во Львове, и мы будем выполнять все приказы верно, которые будут даны нам. Мы обращаемся к лидеру Немецкой Нации, чтобы подтвердить временный совет деревни.

Мы благодарны Немецкой Армии и ее Лидерам. Прежде всего, мы благодарны Канцлеру Адольфу Гитлеру за его команду его героической Армии относительно того, чтобы вытеснить Большевистских Еврейских бандитов и Польских изменщиков, которые угнетали Украинский Народ в тюрьмах и лагерях. Мы встретили Немецкую Армию с большим счастьем, потому что она изгнала бандитскую армию из нашей Украины и освободила нас.

Мы считаем, что Германия не желает поработить Украинскую Нацию и что она делает из Украинского Народа раз и навсегда Нацию воли и дела, которая вступит в борьбу с Еврейским коммунизмом и всеми угнетателями Украинского Народа, кто угнетал Украинский Народ и сильно противостоял Германии и Гитлеру.

Мы просим великого Гения немецкого народа Адольфа Гитлера освободить для нас нашего лидера ОУН Степана Бандеру, возглавлявшего Украинский Народ много лет во время террора, осуществляемого Польшей и Москвой, и мы считаем, что теперь он будет также вести нас по правильному пути, как он делает до сих пор. Украинский Народ и Организация Украинских Националистов верит в свои силы, и в то, что только он, как

Лидер Украинских Националистов может вести нас и положить конец всему коммунистическому потоку и сделать сотрудничество с великой Германией это возможным.

Слава немецкой армии!

Слава Фюреру Немецкой Нации Адольфу Гитлеру!

Слава Украине!

Слава Героям! (114)

Эти два письма являются показательными относительно других писем, адресованных Бандере, Гитлеру и Стецько. Они дают важную информацию об ОУН-б, а также о психическом и политическом состоянии, в котором ОУН-б пытался столкнуть революционные Украинские массы. Во всех этих письмах мы находим антисемитские отрывки, в которых обсуждается тема освобождения Украины от «Еврейско-Московской оккупации». «Еврейско-Московский» стереотип, который приравнивал всех евреев с коммунизмом, был широко распространен во время "Украинской Национальной Революции". Она была усилена двумя годами советской оккупации и убийством тысяч заключенных, среди них - украинцы, по вине НКВД которые оказались во многих западных украинских тюрьмах, а затем закреплена в массовом сознании пропагандистским использованием трупов нацистами и ОУН - б. Это презрение к евреям и коммунистам, которые в общественном мнении стали одним и тем же, иногда выражено даже сильнее, чем в письмах, приведенных выше.

В селе Стенятин, например, три сложные письма были написаны Бандере, Гитлеру и Стецьку. (115) Авторы этой переписки называли себя «крестьянами и интеллигенцией». Они выразили глубокую благодарность и восхищение Немецкому Фюреру и его армии. Они считали, что «Великий Вождь Немецкой Нации ... навсегда уничтожил врагов наших [Украинского] народа и коммунистическую угрозу для цивилизованного мира». (116) Гитлер освободил их от коммунистического варварства, что позволяет им вернуться в «цивилизованный мир». Эта нацистская мораль на самом деле сделала этот «цивилизованный мир» одним из

современных видов варварства, который не влиял на их изъявленное желание стать его частью. Авторы писем восхищались Гитлером за его «непобедимую, всемирно известную армию», его «справедливость», и его волю к освобождению Украинского народа из «ига Еврейско-Московских и Польско-Большевистских нечеловеческих существ, палачей Украинского народа». Все письма и встречи, провозглашавшие государственность, заканчивались приветствием вроде «Да здравствует великий вождь и гений Адольф Гитлер!» (117).

Образ Адольфа Гитлера, проводимый в письмах писателей 1941 года, кажется, соответствует образу, который создавали галицийские крестьяне, предки писателей, по отношению к императорам Габсбургов в 19 веке. Они искренне верили, и ожидали, что Адольф Гитлер прочтает их письма, поймёт их ходатайства, а также защитит их от «всех врагов Украины». Тем не менее, в то время как писатели 19-го века просили императоров Габсбургов, чтобы те защитили их от польских панов, которые держали крестьян в состоянии, сходном с рабством, их коллеги из 20-го века обращались к Гитлеру с ходатайствами расовой направленности. (118)

Тем не менее, справедливый и славный Гитлер, каким он казался «революционным массам», арестовал и заключил в тюрьму Бандеру в Берлине. Это был акт, который массы не одобрили, но не осмелились протестовать. Некоторые авторы писем выразили надежду на то, что «Германия не желает подавлять Украинскую Нацию». Это означает, что, с одной стороны, массы восхищались Гитлером как освободителем, но с другой стороны, они не были уверены в своем отношении к нему и им оставалось только надеяться, что Гитлер «раз и навсегда сделает из Украинского Народа Нацию воли и действия, которая вступит в борьбу против Еврейского коммунизма». (119)

Другие письма были открыты в выражении желания, чтобы Бандера вернулся домой. ОУН-б, должно быть, проинформировала авторов и подписавших ареста лидера и

убедила их, что только Бандера может привести Украинский народ к независимости. Эти Украинские авторы надеялись, что решающее значение их лидера будет понято «братской Немецкой нацией». (120) ОУН-б брало понятие «одна нация, одна партия, один вождь» из более политически продвинутых фашистских правительств и организаций. (121) Пропаганда на эту тему, похоже, задела за живое крайней мере, людей, писавших и подписывавших письма, которые были, таким образом, невольно привлечены к фашистской идеологии.

Некоторые авторы заявили, что слов было недостаточно, чтобы выразить силу своего восхищения лидером и что их любовь к Бандере был неоценима. Несколькими было указано, что они любят Бандеру с «чистым сердцем крестьянина» - высшая форма любви. Их единственным желанием было быть «верными слугами своего лидера и своего народа». Они хотели быть похожим на него и других великих героев «Украинского народа. (122) С помощью таких чувств, ОУН-б организовала военизированные молодежные организации под именем Степана Бандеры. Дети до 12 лет должны были дать клятву их лидеру. (123)

Последний объект восхищения, Ярослав Стецько, изображен в письмах, как известный борец за свободу и ведущая фигура в ОУН. В письмах Стецько приветствуется националистическим салютом. Он является человеком, который провозгласил государственность во Львове и, таким образом осуществил самое революционное действие, модель, которую в настоящее время наследуют в деревнях, поселках и городах по всей Украине. В качестве главного героя 30 июня 1941 года, Стецько вызвал то же восхищение и сыновнюю любовь, как «провидник». (124)

Заключение

«Украинская Национальная Революция» была хорошо спланированным курсом действий, который, в конечном счете, не удался, потому что ОУН-б не смогла убедить нацистское руководство согласиться на это. Высокопоставленные нацистские лидеры, такие, как Адольф Гитлер и Ганс Франк, были заинтересованы только в экономической эксплуатации, а не политическом сотрудничестве с украинцами. ОУН-б удалось успешно работать только с офицерами или нижестоящими политиками, связанными с абвером и вермахтом.

Двумя основными целями «Украинской Национальной Революции» было создание Украинского государства и очищение своей территории от всех врагов по версии ОУН-б из украинского националистического движения, среди которых были не только евреи, поляки, и русские, но и многие Советские или нелояльные Украинцы. Эти двойные цели прошли долгий путь, чтобы объяснить, почему территории, где произошли погромы, пересеклись с территориями, где государство было провозглашено.

Массовые убийства Евреев были целью и ОУН-б и нацистов, но это произошло не только в Западной Украине. Погромы прошли также в других территориях, в том числе Литве и на северо-востоке Польши, которые были «освобождены» от немцев из советской оккупации. В Западной Украине, однако, погромы произошли также в городах, поселках и деревнях, в которых нацисты никогда не проходили, но где ОУН-б была активной. В некоторых других местах произошли погромы до прибытия нацистов. Это означает, что стремление ОУН-б к бойне евреев во время «Украинской Национальной Революции» было похоже на аналогичное у нацистов.

Этот жестокий антисемитизм, а также общая враждебность по отношению к «врагам Украинского народа», четко выражена в письмах на имя Гитлера, Бандера, и

Стцько. Хотя они были пропагандистскими документами, эти письма появились на свет как результат взаимодействия между ОУН-б и активистов местного украинского населения. Письма были написаны главным образом западными украинскими крестьянами, которых подстрекала или вынуждена это сделать ОУН-б. Письма помогают нам понять, «Украинскую Национальную Революцию» 1941 года и её влияние на население. Эти длинные, индивидуально созданные письма проливают свет на общественное мнение и пропаганду ОУН-б. ОУН-б мобилизовала массы к участию в революции и подстрекала их против евреев, поощряя тем самым антисемитское насилия, которое дало «Украинской Национальной Революции» значительную часть своего импульса. Наконец, в кампания писем показывает, что революционная ОУН-б переоценила свои силы и неправильно истолковала нацистские цели по отношению к Украине, она быстро потерял контроль над революцией и не смогла убедить нацистов созерцать ОУН-б Украинское государство в фашистской Новой Европе.

Письма особенно отличаются фашистскими элементами. В этот период ОУН-б стремилась выступать более эффективно на международной арене, особенно с нацистами. По этой причине **при подготовке и проведении «Украинской Национальной Революции» ОУН-б, вероятно, пыталась стать более фашистской, авторитарной, антидемократической, чем оригинальные итальянские фашисты и нацисты.** Это была темная сторона истории ОУН-б, что позже попытаются скрыть. Советы, напротив, использовали данные о фашизме ОУН, чтобы очернить не только ОУН и УПА, но все Украинское национальное движение в течение десятилетий после войны.

Фашистские элементы ОУН-б попали под более пристальное внимание ОУН-б членов в их противостоянии с Восточной Украиной. Евгений Стахив, который в 1941 году принимал участие в одной из «целевых групп», которые шли из генерал-губернаторства в Восточную Украину, чтобы

мобилизовать массы для «Украинской Национальной Революции», вскоре понял, что восточные украинцы весьма скептически настроены и характеризовались устойчивостью к ОУН-б и её планам к созданию Украинского государства. Стахив признал, что нельзя было победить их. Следовательно, по его словам, он начал понимать, фашистские, авторитарные и антидемократические стороны ОУН-б. (125)

Wernigeroder Str. 17

10589 Berlin, Germany rossolinski@web.de would like to thank Michal Mlynarz, Lida Somchynsky, Per Anders Rudling, and John-Paul Himka for their assistance while I was preparing this article.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Bibliography for: "The "Ukrainian National Revolution" of 1941: discourse and practice of a fascist movement"

(1) The abbreviation OUN-B is used to distinguish the Bandera faction of the OUN from the faction led by Andrii Mel'nyk (OUN-M).

(2) The term "Ukrainian National Revolution" is a propaganda term that the OUN-B used in 1940-41 to describe its plans for the Ukrainian territories after the outbreak of the conflict between Nazi Germany and the Soviet Union. For this reason, in this article, this term is always placed within quotation marks. For use of this term by the OUN-B, see Tsentral'nyi derzhavnyi arkhiv hromads'kykh obiednan' Ukrainy (TsDAHO) f. 1 (Tsentral'nyi komitet kompartii Ukrainy), op. 23, spr. 926, ll. 188, 193 (Postanovy II. Velykoho zboru Orhanizatsii Ukrains'kykh Natsionalistiv, 15, 25). For the alternative "Ukrainian Revolution," see Tsentral'nyi derzhavnyi arkhiv wshchych orhaniv vlady ta upravlinnia Ukrainy (TsDAVOV) f. 3833 (Kraewi provid Orhanizatsii ukrains'kykh natsionalistiv na zakhidnoukrains'kykh zemliakh), op. 2, spr. 1, l. 17 (Borot'ba i diial'nist' OUN pid chas viiny). The concept of a revolution, also termed a "national" or "permanent" one, is older than the OUN-B itself. The basic idea of the revolution was that it should liberate the Ukrainians from "occupiers." In 1940-41, however, the OUN-B invested this idea with a fascist, antisemitic, and racial meaning. For the older concepts of revolution, see, e.g., "Permanenma revoliutsiia," *Surma* 37, 10 (1930): 4-7; and Mykola Stsibors'kyi, "Peredposylka natsional 'noi revoliutsii," *Rozbudova natsii* 54-55, 7-8 (1932): 161-69.

(3) Scholars working on this topic have already indicated some overlap between the proclamation of the Ukrainian state and the organization of pogroms and other acts of violence, but to date no one has analyzed them as parts of the same event, i.e., the "Ukrainian National Revolution." See, e.g., Franziska Bruder, "Den Ukrainischen Staat erkampfen oder sterben!" *Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929-1948* (Berlin: Metropol, 2007), 149.

(4) For violence against Poles in Volhynia and eastern Galicia, see Grzegorz Motyka, *Ukrainska partyzantka 1942-1960: Dzialalnosc Organizacji ukrainskich nacjonalistow i Ukrainskiej powstanczej armii* (Warsaw: Rytm, 2006); Motyka, *Tak Byto w Bieszczadach: Walki polskoukrainskie 1943-1948* (Warsaw: Oficyna wydawnicza Volumen,

1999), 110-15, 125-28; Timothy Snyder, "'To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All': The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943-1947," *Journal of Cold War Studies* 1, 2 (1999): 93-100. For the second Soviet occupation of western Ukraine, the brutal conflict between the Soviets and the OUN-UPA, and the terror conducted by the Soviets and the OUN-UPA against the civilian population, see Jeffrey Burds, "AGENTURA: Soviet Informants' Networks and the Ukrainian Underground in Galicia, 1944-1948," *East European Politics and Societies* 11, 1, (1997): 89-130, here 104-15; and Bruder, *Den Ukrainischen Staat erkiimpfen odersterben*, 231-32, 261-62. For the murder of Poles after the beginning of World War II and the German-Soviet war, see Motyka, *Ukrainska partyzantka 1942-1960*, 71-73, 99-100; and Wladystaw Siemaszko and Ewa Siemaszko, *Ludobojstwo dokonane przez nacjonalistow ukrainskich na ludnosci polskiej Wolynia 1939-1945* (Warsaw: Wydawnictwo von borowiecky, 2000), 2:1034-37.

(5) Other scholars have studied these documents, but as far as I know nobody has given them adequate attention. See, e.g., Frank Grelka, *Die ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/1942* (Wiesbaden: Harrassowitz, 2005), 271-73. Grelka argues that in July and August 1941 the OUN-B had little support in western Ukrainian society. To justify this view, Grelka cited much too low a number of people signing the resolutions: he estimates "an average of no more than 60 per district" (Get. Bezirk, Ukr. pavit or rajah) in Ternopil" oblast, referring to the document "Plebitytova aktsiia" in TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 32. Here Grelka mistakes 60 signatures for a village in Ternopil" oblast to refer to an entire district, which usually comprised dozens of villages. This same file also includes a list of 71 villages from Zboriv district in L'viv oblast. The village with the lowest number of signatures on this list is Popolivka, with 53, and the one with the highest number is Ozirna with 1,045. Most others lie somewhere between 53 and 1,045 per village. The number of signatures collected in a district was therefore much higher than 60. In Zolochiv district alone, for instance, the OUN-B collected 8,000 signatures. See TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 34, l. 40.

(6) Frank Golczewski, "Die Kollaboration in der Ukraine," in *Kooperation und Verbrechen: Formen der "Kollaboration" im ostlichen Europa 1939-1945*, ed. Christoph Dieckmann, Babette Quinkert, and Tatjana Tonsmeyer (Gottingen: Wallstein, 2003), 162; R. Lisowi, *Rozlam*

v OUN (Krytychni narysy z nahody dvatsiatylyttia zasnuvannia OLIN) (s.l.: Vydavnytsvo Ukraina, 1949), 38-40.

(7) For the ideology of the OUN, see Bruder, *Den Ukrainischen Staat erkampfen oder sterben*, 37-48; and Alexander J. Motyl, *The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919-1929* (New York: Columbia University Press, 1980), 163-69.

(8) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 7, 1.2 (Draft of the constitution of a Ukrainian state).

(9) *Ibid.* For a more detailed characterization of natsiokratia, see Bruder, *Den ukrainischen Staat erkampfen oder sterben*, 34-35.

(10) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 7, ll. 2, 7.

(11) *Ibid.*, l. 7.

(12) The term "integral nationalism" became popular among historians of nationalism in the 1940s. Integral nationalism has been associated with the OUN and the Ukrainian nationalist movement since studies such as John Armstrong's *Ukrainian Nationalism* (New York: Columbia University Press, 1955), 19-21. To some extent, this is a problematic connection. The term "integral nationalism" was invented by the protofascist French monarchist Charles Maurras. Like Maurras, the OUN claimed that the nation is a "prior condition of every social and individual good" but the OUN did not claim, for example, that the "traditional hereditary monarchy" is a necessary condition for a state, as Maurras did. For this and several other reasons, the Ukrainian nationalist movement and in particular the OUN in the 1920s, 1930s, and 1940s can by no means be reduced to integral nationalism. Nor did contemporary ideologists of Ukrainian nationalism, like Dmytro Dontsov, who inspired the OUN in the 1920s and 1930s, use this term. Dontsov frequently characterized Ukrainian nationalism as being fascist and nationalistic, claiming that it belonged to the family of European fascist movements. From the contemporary point of view, Armstrong's *Ukrainian Nationalism* is a problematic study. It is partially based on interviews with OUN activists and UPA veterans and misses many important archival documents that were not accessible during the Cold War. Due to his method of investigation, Armstrong misses such crucial events as pogroms against the Jews in western Ukraine in the summer of 1941 and the ethnic cleansing of the Polish population by the UPA in Volhynia and Galicia in 1943-44. On Charles Maurras and integral nationalism, see

Steve Bastow, "Integral Nationalism," in *World Fascism: A Historical Encyclopedia*, ed. Cyprian P. Blamires (Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2006), 1:338. On Dontsov, see Tomasz Stryjek, *Ukrainska idea narodowa okresu miedzywojennego: Analizy wybranych koncepcji* (Wroclaw: FUNNA, 2000), 118-19, 132, 139-40, 143-51; Taras Kurylo and John-Paul Himka, "Iak OUN stavylasia do ievreiv: Formulovannia pozytsii na tli katastrofy," *Ukraina moderna* 13, 2 (2008): 264; and Motyl, *The Turn to the Right*, 68, 71-85.

(13) Motyl, *The Turn to the Right*, 163-69. Heorhii Kas"ianov, in an article about the ideology of the OUN ("Ideolohiia OUN: Istoryko-retrospektyvnyi analiz," *Ukrains "kyi istorychnyi zhurnal* 1 [2004]: 38-41), recently came to a similar conclusion. Kas"ianov's study emphasized the uniqueness of the OUN and underestimated ideological transfer from outside, quoting dubious semi-scholars from the OUN like Petro Mirchuk. The study lacks a sufficiently analytical approach, although it does provide a few useful interpretations of Ukrainian ideology.

(14) Daniel Ursprung, "Faschismus in Ostmittel- und Siidosteuroopa: Theorien, Ansätze, Fragestellungen," in *Der Einfluss von Faschismus und Nationalsozialismus auf Minderheiten in Ostmittel- und Siidosteuroopa*, ed. Mariana Hausleimer and Harald Roth (Munich: IKGS-Verlag, 2006), 22. For the peculiarities of East European fascism, see also Stephen FischerGalati, "Introduction," in *Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism*, ed. Stein Ugelvik Larsen, Bernt Hagtvet, and Jan Petter Myklebust (Bergen: Universitetsforlaget, 1980), 351-53.

(15) For the incorporation of the League of Ukrainian Fascists into the OUN in 1929, see Frank Golczewski, *Deutsche und Ukrainer 1914-1939* (Paderborn: Schöningh, 2010), 550; Oleksandr Panchenko, *Mykola Lebed* ("zhyttia, dial'nist; derzhavno-pravovi pohliady) (Kobeliaky: Kobeliaky, 2001), 15.

(16) Excellent discussions of the theory of fascism, in addition to characterizations of fascism and fascist movements, can be found in Michael Mann, *Fascists* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 1-23; Roger Eatwell, *Fascism: A History* (London: Chatto and Windus, 1995), 3-12; Roger Griffin, *The Nature of Fascism* (London: Pinter, 1991), 1-19; Jerzy W. Borejsza, *Schulen des Hasses: Faschistische Systeme in Europa* (Frankfurt am Main: Fischer TB, 1999), 54-56; Stanley G. Payne, *A History of Fascism, 1914-1945* (Madison: University of Wisconsin Press, 1995), 3-19, 26-52; and Wolfgang Wippermann,

Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert his heute (Darmstadt: Primus, 2009). For the influence of fascism on East Central and Southeastern Europe, see Ursprung, "Faschismus in Ostmittel-und Sudosteuropa," 9-52.

(17) The other Ukrainian term for leader--vozhd'--was reserved for Andrii Mel'nyk after the Second General Congress of the OUN on 27 August 1939. Therefore, the OUN-B, to distinguish its Fuhrerprinzip from that of the OUN-M, called Bandera providnyk. For more on this congress, see Golczewski, *Deutsche und Ukrainer 1914-1939*, 943-44.

(18) TsDAHO f. 1, op. 23, spr. 926, ll. 199-202, 207.

(19) *Ibid.*, l. 199. This salute later embarrassed the OUN. In postwar publications reprinting the resolutions of the Second General Congress of the OUN-B in April 1941, the resolution about the fascist salute was deleted from the text. Compare, for example, OUN v svitli postanov Velykykh zboriv (s.l.: Zakordonni chastyny Orhanizatsii ukrains'kykh natsionalistiv, 1955), 44-45, with the original publication Postanovy II: Velykoho zboru Orhanizatsii ukrains 'kykh natsionalistiv of 1941 in TsDAHO f. 1, op. 23, spr. 926, l. 199.

(20) TsDAHO f. 1, op. 23, spr. 926, ll. 190-93.

(21) For a rethinking of these elements of fascism in the OUN, see O. I. Steaniv, "Za pravvl'nvi pidkhid," in *Ideia i chyn*. no. 2 (1943): 22. For a resolution to collect and remove from circulation documents which discussed the involvement of Ukrainian militia in the pogroms of 1941 and their assistance to the Germans in the shooting of Jews, see Kurylo and Himka, "lak OUN stawlasia do ievreiv," 260. See also the document itself: TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 43, 1.9 (Nakaz ch. 2/43). On the process of "democratization," see David R. Marples, *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine* (Budapest: Central European University Press, 2007), 194-96.

(22) Grelka, *Die ukrainische Nationalbewegung*, 269.

(23) On the "Generalplan Ost," see Czeschw Madajczyk, "Vom Generalplan Ost zum Generalumsiedlungsplan," in *Der "Generalplan Ost".* Hauptrichtungen der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik, ed. Mechtild Rossler and Sabine Schleiermacher (Berlin: Akademie, 1993), vii. For Hitler's attitude toward Eastern Europeans and Ukraine, see Czeschw Madajczyk, *Vom Generalplan Ost zum Generalumsiedlungsplan* (Munich: Saur, 1994), 23-25; and Henry

Picker, Hitler Tischgesprache: Im Fuhrerhauptquartier 1941-1942 (Bonn: Athenäum, 1951), 50-51, 69, 115-16.

(24) Hans Werner Neulen, An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS (Munich: Universitas, 1992), 17.

(25) Rolf-Dieter Müller, An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim "Kreuzzug gegen den Bolschewismus" 1941-1945 (Berlin: Links, 2007), 194.

(26) Andreas Kappeler, "Hans Koch (1894-1959)," in Osteuropäische Geschichte in Wien: 100 Jahre Forschung und Lehre an der Universität, ed. Arnold Suppan, Marija Wakounig, and Georg Kasmer (Innsbruck: Studien, 2007), 243; Philipp-Christian Wachs, Der Fall Theodor Oberlander (1909-1998): Ein Lehrstück deutscher Geschichte (Frankfurt am Main: Campus, 2000), 55-71.

(27) Kappeler, "Hans Koch," 243; Ray Brandon, "Hans Koch," in Handbuch der völkischen Wissenschaften, ed. Ingo Haar and Michael Fahlbusch (Munich: K. G. Saur, 2008), 329-32.

(28) Mykola Klymyshyn, V pokhodi do voli (Detroit: Ukrainska knyhania, 1987), 293-94.

(29) The Ukrainians called the battalions Druzhyny ukrains "kykh natsionalistiv (Brotherhoods of Ukrainian Nationalists). See John A. Armstrong, Ukrainian Nationalism (New York: Columbia University Press, 1963), 74; and I. K. Patryliak, Viis "kova diial'nist" OUN (B) u 1940-1942 rokakh (Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2004), 274-88.

(30) Klymyshyn, for example, mentions meeting with such a Ukrainian soldier working in the Abwehr (V pokhodi do voli, 322-23). On the recruitment of Ukrainians for the Abwehr, see Andrii Bolianovs 'kyi, Ukrains 'ki viis 'kovi formuvannia v zbroinykh sylakh Nimechchyny (1939-1945) (L'viv: L'vivskiy natsional'nyi universytet Im. Ivana Franka, 2003), 53-54.

(31) Klymyshyn, Vpokhodi do voli, 297-301.

(32) Motyka, Ukrainska partizantka 1942-1960, 93. According to another estimate, there were between 5,000 and 7,000 OUN-B members in the "task forces"; compare Oleksii Leonidovych Khodanovych, "Viis'kovo-politychna diial'nist' pokhidnykh hrup OUN na terytorii Ukrainy v roky Druhoi svitovoi viiny" (unpublished dissertation available in Natsional'na biblioteka Ukrainy ira. V. I. Vernads'koho, 2006).

(33) Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 84-85. An autobiographical description of the organization and functioning of the *pokhidni hrupy* can be found in Klymyshyn, *V pokhodi do voli*, 315-53. This recollection is, however, as Klymyshyn himself admits, whitewashed of every dark spot at the request of Stepan Bandera (*V pokhodi do voli*, 333).

(34) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 45, ll. 1-2.5,000 in Volhynia, 13,000 in Galicia, and 1,200 in L'viv.

(35) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 45, l. 2.

(36) *Ibid.*, spr. 69, ll. 23-28 (*Propahandyvni Vkazivki na predvoennyi chas, na chas viiny i revoliutsii ta na pochatkovi dhi derzhavnoho budivnytstva*).

(37) *Ibid.*, ll. 23, 25-28. The OUN-B modified, for example, the hymn of the European prole tariat, "The Internationale," for use in its "national revolution." See *ibid.*, 1.25.

(38) *Ibid.*, 1. 24; *ibid.*, op. 2, spr. 1, l. 80 (*Borot'ba i diial'nist' OUN pid chas viiny*). In *Ukrainian Vbyvaite vorohiv, shcho mizh vamy--zhydiv, i seksotiv*. This slogan was developed for factory workers.

(39) *Ibid.*, op. 1, spr. 69, 1.26.

(40) *Ibid.*, 1.43.

(41) *Ibid.*, 1.26.

(42) *Ibid.*, 1.27. For details on how the OUN-B wanted to control the political situation in the Ukrainian state, see *ibid.*, op.2, spr.1, ll.44-45.

(43) *Ibid.*, op. 2, spr. 1, ll. 15-89.

(44) *Ibid.*, op.1, spr.15, 1.7 (Internal telegram of the OUN, 31 July 1941)

(45) *Ibid.*, op. 2, spr. 1, l. 32.

(46) *Ibid.*, ll. 22, 31-32, 83.

(47) TsDAHO f. 1, op. 23, spr. 926, ll. 188, 193.

(48) TsDAVOV f. 3833, op. 2, spr. 1, l. 2.

(49) TsDAHO f. 1, op. 23, spr. 926, l. 189; Klymyshyn, *V pokhodido voli*, 303-4, 311-13.

(50) Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 77.

(51) *Ibid.*, 79-80.

(52) "Aufzeichnungen des Vortragenden Legationsrats Grosskopf," *Akten zur deutschen Auswartigen Politik 1918-1945, Serie D, Band XIII*, ed. Walter Bussmann (Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1970), 167-68. See also Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde (BA Berlin-Lichterfelde) R.

6 (Reichsministerium für die Besetzung Ostgebiete)/150, 11. 4-5 (Rücksprache mit Prof. Dr. Koch am 10.7.1941); and Kost' Pankivs'kyi, Vid derzhavy do komitetu (New York Toronto: Zhyttia i mysl', 1957), 30-32.

(53) Iaroslav Stets'ko dubbed the arrest of Stepan Bandera a "confiscation" (TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 6, l.2).

(54) Ibid., spr. 5, l.3 (from the proclamation act signed by Iaroslav Stets'ko).

(55) Ibid., 1.3.

(56) Ibid., spr. 4, l. 6 (Minutes of the proclamation ceremony).

(57) Ibid., spr. 57, l. 17 (Autobiographies of well-known OUN members); Bruder, Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben, 150.

(58) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 4, l. 7.

(59) Myroslav Kal'ba, U lavakh druzhynnykiv (Denver: Vydannia Druhyn ukrains'kykh natsionalistiv, 1982), 9-10; BA Berlin-Lichterfelde: NS 26 (Hauptarchiv NSDAP)/1198, l. 1 (Information leaflet no. 1, 1 July 1941).

(60) BA Berlin-Lichterfelde: NS 26/1198, ll. 1, 12 (Niederschrift über die Rücksprache mit den Mitgliedern des ukrainischen Nationalkomitees und Stepan Bandera von 3.7.1941).

(61) Ibid., l. 2.

(62) Ibid., ll. 1-3. For Sheptyts'kyi's pastoral letter, see OUN v svitli postanov Velykykh Zboriv (s.l.: Zakordonni chastyny Orhanizatsii Ukrains'kykh Natsionalistiv, 1955), 58.

(63) For an OUN-B instruction to erect triumphal arches, see TsDAVOV f. 4620, op. 3, spr. 379, l.34 (Instruktsiia propahandy, ch. 1). For pictures and descriptions of triumphal arches, see V. Cherednychenko, Natsionalizm proty natsii (Kyiv: Polityvdav Ukrainy, 1970), 93; Grelka, Die ukrainische Nationalbewegung, 256; Archiwum Wschodnie (AW) II/737, l.25; and the cover of Aleksandr Diukov, Vtorostepennyi vrag: OUN, UPA i reshenie "evreiskogo voprosa" (Moscow: Regnum, 2008).

(64) BA Berlin-Lichterfelde: R 58 (Reichssicherheitshauptamt)/214, Ereignismeldungen UdSSR, Berlin, 17 July 1941, no. 25, l. 202.

(65) TsDAVOV f. 4620, op. 3, spr. 379, l. 34.

(66) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 15, l. 4 (Zvit pro robotu v spravi orhanizatsii derzhavnoi administratsii na tereni Zakhidnykh oblastei

Ukrainy). For a photo of Sheptyts'kyi with a swastika badge on his coat during the revolution, see B. E. Sabrin, *Alliance for Murder: The Nazi-Ukrainian Nationalist Partnership in Genocide* (New York: Sarpedon, 1991), 172.

(67) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 45, l.3. By claiming that he "saw Bandera twice under the gallows unconquerable and loyal to the idea," Klymiv meant the trials against the OUN in 1935-36 in Warsaw and in 1936 in L'viv, at which Bandera was sentenced to death but was said not to have expressed any fear. At the second trial the death penalty was changed to life imprisonment.

(68) The picture of a German officer and two men in plain clothes at the podium is printed in Cherednychenko, *Natsionalizm praty natsii*, 93. For the date of this event, see TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 15, l. 15.

(69) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 22, ll. 1-3.

(70) *Ibid.*, op. 3, spr. 7, l. 26.

(71) *Ibid.*, op. 1, spr. 10, l. 4 (A list of deputies of the Ukrainian government abroad).

(72) BA Berlin-Lichterfelde, R 58/214, Ereignismeldungen UdSSR. Berlin, 4 July 1941, no. 12, l. 69. On the Council of Seniors, see also TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 15, l.3.

(73) On all the projects of the state apparatus drafted by Stepaniak, see Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) f. R-9478 (Glavnoe upravlenie po bor'be s banditizmom MVD SSR), op. 1, d. 136, ll. 14-15. On Stepaniak's communist activities in the 1930s, see *ibid.*, l. 10.

(74) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 9, 11. 1, 3 (Copy of the minutes of the meeting of the Administration of Ukraine). Ukrainian postavyty spravupo nimets "ky. *Ibid.*, 1.1. For a very similar statement about dealing with the "non-Ukrainians" in "Ukraine," see *ibid.*, spr. 69, 1.36.

(75) On the pogroms in western Ukraine, see Dieter Pohl, "Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine--A Research Agenda," in *Shared History--Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939-1941*, ed. Elazar Barkan, Elizabeth A. Cole, and Kai Struve (Leipzig: Leipziger Universitatsverlag, 2007), 305-13; and Gabriele Lesser, "Pogromy w Galicji Wschodniej w 1941 r.," in *Ternary polsko-ukrainskie*, ed. Robert Traba (Olsztyn: Wspolnota Kulturowas Borussia, 2001), 103-26. Similar waves of pogroms also broke out shortly after the start of the German-Soviet war in northeastern Poland and in Lithuania.

For pogroms in Poland, see Andrzej Zbikowski, "Pogroms in Northeastern Poland--Spontaneous Reactions and German Instigations," in *Shared History--Divided Memory*, 315-54. For pogroms in Lithuania, see Christoph Dieckmann, "Lithuania in Summer 1941--The German Invasion and the Kaunas Pogrom," in *Shared History--Divided Memory*, ed. Barkan, Cole, and Struve, 355-85.

(76) The pogrom started on 30 June 1941 or even before. For testimonies that date the beginning of the violence to 1 July 1941, see Kurt I. Lewin, *Przezytem: Saga Swietego Jura spisana w roku 1946* (Warszawa: Zeszyty literackie, 2006), 56-57; and ZIH 229/54, Teka Lwowska, 1.2. For the course of the pogrom in L'viv, see Christoph Mick, "Ethnische Gewalt und Pogrome in Lemberg 1914 und 1941," *Osteuropa* 53, 12 (2003): 1810-11, 1824-29; Hannes Heer, "Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941," *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 49 (2001): 410, 424; Bruder, *Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben*, 140-50; Grelka, *Die ukrainische Nationalbewegung*, 276-86; Dieter Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens* (Munich: Oldenbourg, 1997), 60-62; and Wachs, *Der Fall Theodor Oberlander (1909-1998)*, 71, 78-80. For posters and other OUN-B propaganda in L'viv during the pogrom, see Jan Rogowski, "Lwow pod znakiem swastyki: Pamietnik z lat 1941-1942" (unpublished manuscript) in *Zaklad narodowy im. Ossolinskich in Wroclaw*, 16711/II, 10; Lewin, *Przezylem*, 65; Eliyahu Yones, *Die Strasse nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941-1944* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999), 18; and Diukov, *Vtorostepennyi vrag*, 47-52. According to Diukov, some soldiers of the Nachtigall battalion participated in the violence in L'viv as well (*Vtorostepennyi vrag*, 71-72). Eyewitnesses saw soldiers from the Nachtigall battalion beating Jews on 1 July in the yard of the prison on Zamarstynivs'ka Street (AZIH, 30/12242, Zygmunt Tune, 1; Lewin, *Przezylem*, 61).

(77) Mick, "Ethnische Gewalt und Pogrome in Lemberg 1914 und 1941," *Osteuropa* 53, 12 (2003): 1825. During this pogrom, 4,000 Jews were killed. In addition, on 5 July, between 2,500 and 3,000 Jews were shot by the German task forces. Cf. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944*, 61, 69. Between 25 and 28 July 1941 another pogrom, dubbed the "Petliura days," occurred in L'viv. Several hundred Jews were killed, mainly by Ukrainian militiamen and

Ukrainian peasants who came to L'viv from adjacent villages to take part in the violence. Cf. AZIH, 301/230, Jakub Dentel, 2; AZIH, 301/1864, Salomon Goldman, 5; AZIH, 301/4654, Henryk Szyper, 11; AZIH, 301/1584, Izak Weiser, 1; AZIH, 302/26, Lejb Wieliczker, 21; AZIH, 301/4944, Jan Badian, 1-6; AZIH, 301/1117, Leonard Zimmerman, 1; AZIH, 301/1801, Henryk Baldinger, 1-4; and AZIH, 301/2278, Lucyna Hallensberg, 1.

(78) Dieter Pohl, "Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine," in *Shared History--Divided Memory*, ed. Barkan, Cole, and Struve, 306.

(79) TsDAVOV f. 3833, op. 2, spr. 1, l.32.

(80) *Ibid.*, ll. 62, 64. All Ukrainian men between 18 and 50 who were obliged to join the militia were to have been divided into professional militiamen who were employed full-time and reserve forces ("volunteer members"--*chleny-dobrovol'tsi*) who earned a living elsewhere but could be mobilized at any time.

(81) *Ibid.*, l.62.

(82) For the activities of the Ukrainian militia during the pogrom, see Yones, *Die Strasse nach Lemberg*, 18-19; AZIH, 301-1809, Jaroslaw Korczynski (*Zeznania ocalalych Zydow*), 1; AZIH, 301/4654, Henryk Szyper, 6; AZIH, 301/1864, Salomon Goldman, 1; AZIH 229/22, Maurycy Allerhand (*Teka Lwowska*), 1; and AZIH: 229-54, *Teka Lwowska*, 1. For general accounts of the Ukrainian police forces during World War II in Ukraine, see Dieter Pohl, "Ukrainische Hilfskrafte beim Mord an den Juden," in *Die Tater der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche?* ed. Gerhard Paul (Gottingen: Wallenstein, 2002), 202-34; and Gabriel N. FINDER and Alexander V. Prusin, "Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust," *East European Jewish Affairs* 34, 2 (2004): 95-118. For information on German assistance in anti-Jewish measures, see Patryliak, *Viis "kova diial "nist" OUN (B) u 1940-1942 rokakh*, 232.

(83) TsDAVOV f. 3833, op. 2, spr. 1, ll. 60, 62.

(84) On the antisemitism of the OUN-B leader Iaroslav Stets'ko, see Karel C. Berkhoff and Marco Carynyk, "The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 *Zhyttiepys*," *Harvard Ukrainian Studies* 23, 3/4 (1999): 149-84. For the activities of the Ukrainian militia, see Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 46.

(85) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 12, l. 10 (Telegram of Iaroslav Stets'ko to Stepan Bandera, no. 13, 25.6.1941).

(86) U.S. Holocaust Memorial Museum, Record Group (USHMM RG) 31.018M, reel 20; Upravlinnia sluzhby bezpeky Ukrainy v Rivens'kii oblasti (USB v Rivens'kii oblasti), no. 19090, t. 3, ll. 3, 3v., 100, 101. On the militia, see also Pohl, Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien, 46.

(87) According to Dmytro Honta, the printer of the posters, ten Jews were forced to help print the propaganda posters: see his "Drukarstvo Zakhidnoi Ukrainy pidchas okupatsii," Konkurs na spohady, Oseredok Ukrainian Cultural and Educational Centre Winnipeg, ll. 14-16. Some of the posters are in the collection of TsDAVOV. See TsDAVOV f. 3822, op. 1, spr. 63, ll. 112-14.

(88) "Akt prohloshennia Ukrains'koi derzhavy," Samostiina Ukraina, 10 July 1941, 1.

(89) "Sviatochna akademiia," Ukrains'ke slovo, 24 July 1941, 1.

(90) BA Berlin-Lichterfelde: NS 26/1198, ll. 1-5, 10.

(91) Ibid., ll. 9-12.

(92) The OUN-B member Volodymyr Stakhiv sent to "Your Excellency" Adolf Hitler on 23 June 1941 an official letter in which he informed Hitler that the OUN believed that the Jewish-Bolshevik impact on Europe would soon be checked and that the "recreation of an independent national Ukrainian state in the terms of the Brest-Litovsk peace treaty will stabilize the national [volkisch] New Order." In the name of the OUN leader Stepan Bandera, Stakhiv also sent out a memorandum about the resolution of the Ukrainian question. See Bundesarchiv Koblenz R 43 II (Reichskanzlei)/1500, l. 61, memorandum on ll. 63-77. The OUN-B member Rikhard (Riko) Iaryi also sent a telegram from Vienna to Berlin; he assured Hitler of the OUN-B's loyalty, its readiness to struggle together with the "glorious German Wehrmacht" against "Muscovite Bolshevism," and its willingness to mobilize more Ukrainians living in Germany who could fight for the "liberation of Ukraine" and "finish with the chaos in Eastern Europe." See TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 22, l. 10.

(93) BA Berlin-Lichterfelde: NS 26/1198, ll. 12-14.

(94) Bruder, Den ukrainischen Staat erkampfen oder sterben, 135.

(95) Ibid., 137. Franziska Bruder, "'Der Gerechtigkeit dienen': Die ukrainischen Nationalisten als Zeugen im Auschwitz-Prozess," in Im

Labyrinth der Schuld: Täter--Opfer--Anklager, ed. Irmtrud Wojak and Susanne Meinel (Frankfurt am Main: Campus, 2003), 138, 148.

(96) Diukov, Vtorostepennyi vrag, 66.

(97) Ievhen Stakhiv, Kriz' tiurny, pidpillia i kordany (Kyiv: Rada, 1995), 99-100.

(98) BA Berlin-Lichterfelde, R 58/217, Ereignismeldungen UdSSR, Berlin, 10 September 1941, no. 79, 1. 10; Berlin-Lichterfelde, R 58/216, Ereignismeldungen UdSSR, Berlin, 9 September 1941, no. 78, 1. 355.

(99) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 29-35.

(100) There are only four letters in the Politische Archiv des Auswartigen Amtes, R 105191 (Akten betreffend Ukraine: Lage der Volksdeutschen. Gebietsanspruiche Rumaniens. Ukr. Nationalbewegung, Denkschrift z. Entwicklung d. ukr. Gebiete). I cannot say how many letters were actually sent to Berlin.

(101) For example, TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 29, l. 4 (Letters from Iavlon'ka, Raznychi, and Tel'chi).

(102) For example, *ibid.*, spr. 31, ll. 29-30 (Letter from Steniatyn to Stepan Bandera, 19 July 1941) or spr. 30, ll. 8-9 (Letter from Barani Peretoki to Iaroslav Stets'ko).

(103) *Ibid.*, spr. 31, l. 1. The handwritten letter is titled Zaiava da Uriadu Iaroslava Stets'ka.

(104) *Ibid.*, spr. 29, ll. 2-3 (Resolution from the village of Elblanivka, 13 July 1941). Here and below, these citations are example texts.

(105) *Ibid.*, l. 13 (Letter from the village of Ksaverivka, 19 July 1941).

(106) *Ibid.*, spr. 31, l. 36 (Letter from Steniatyn to Adolf Hitler, 19 July 1941).

(107) *Ibid.*, spr. 29, l. 9 (Letter from the village Ksaverivka to Iaroslav Stets'ko, 18 July 1941).

(108) *Ibid.*, spr. 29.

(109) Letters and telegrams from various places declaring loyalty to the OUN-B government and the new administration as well as several descriptions of celebrations of the proclamation of the Ukrainian state are in *ibid.*, spr. 15.

(110) "Zvit robochoi hrupy istorykiv pry Uriadovii komisii z vvychennia diial'nosti OUN i UPA," www.ukraine-poland.com/u/publicystyka/publicystyka.php?id=3480 (accessed 24

February 2009); TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 45, l. 2. See also "Zvit pro robotu v spravi orhanizatsii derzhavnoi administratsii na tereni Zakhidnykh oblastei Ukrainy," TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 15, ll. 1-4.

(111) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 34, l. 40 (Report from the meeting of Ukrainian citizens of Zolochiv district).

(112) *Ibid.*, spr. 45, l. 2 (Ivan Klymiv's report to the leadership of the OUN).

(113) *Ibid.*, spr. 29, l. 1. The text of the letter from the village of Rudnyky was used with small modifications in letters from other places like Omel'no, Kulikovychi, Iavlon'ka, Raznyi, Tel'chi, etc. See *ibid.*, ll. 1, 4-5.

(114) *Ibid.*, ll. 13-14. A list of 80 signatures is affixed to the letter. The same letter was also addressed to Iaroslav Stets'ko and signed by 75 people (*ibid.*, ll. 9-12).

(115) *Ibid.*, spr. 31, ll. 29-30, 36-37, 31-32, respectively.

(116) *Ibid.*, l. 36. In another part of the same letter the enemies are called "bestial Asiatics" (zizvirili aziaty).

(117) *Ibid.*

(118) Regarding plenipotentiaries in 19th-century Galicia and the Habsburg empire, see John Paul Himka, *Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century* (Basingstoke, UK: Macmillan, 1998), 20-21.

(119) TsDAVOV f. 3833, op. 1, spr. 29, ll. 13-14.

(120) *Ibid.*, spr. 31, l. 36.

(121) *Ibid.*, op. 2, spr. 1, l. 85. In the Ukrainian language of the OUN-B, *Odyn narid--odyn provid--odna vlada*.

(122) *Ibid.*, op. 1, spr. 31, l. 29.

(123) *Ibid.*, spr. 12, l. 15.

(124) *Ibid.*, spr. 31, l. 31.

(125) Ievhen Stakhiv, interviewed by author, Berlin, NJ, 11 November 2008.

Grzegorz Rossolinski-Liebe "The "Ukrainian National Revolution" of 1941: discourse and practice of a fascist movement". *Kritika*. FindArticles.com. 05 Apr, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово. Ещё раз об исторической правде и построении современной Украины. Вадим Колесниченко3

Об автору. Пер Андерс Рудлинг (Per Anders Rudling) 8

Интервью с доктором Пером Андерсом Рудлингом на темы коллаборационизма, военных преступлений и национальной памяти, записанное Кристофером Хейлом от 29 января 2012 года 12

Пер Андерс Рудлинг. ОУН, УПА и Холокост: исследование о создании исторических мифов..... 21

Об авторе. Тимоти Д. Шнайдер (Timothy D. Snyder)..... 144

Тимоти Д. Шнайдер. Фашистский герой в демократическом Киеве..... 147

Об авторе. Гжегож Россолински–Либе (Grzegorz Rossoliński-Liebe)..... 155

Гжегож Россолински–Либе. Прославление фашизма и военной преступности в Эдмонтоне. Политический миф и культ Степана Бандеры в мультикультурной Канаде..... 157

Гжегож Россолински–Либе. «Степан Бандера: жизнь украинского революционного ультранационалиста и память о нем, 1909-2009 гг.» (конспект лекции) 185

Гжегож Россолински–Либе. «Украинская Национальная Революция» 1941 года: дискурс и практика фашистского движения»..... 212

Серия «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА»
Том II

Пер Андерс Рудлинг, Тимоти Шнайдер,
Гжегож Россолински-Либе

**СБОРНИК СТАТЕЙ «ОУН И УПА:
ИССЛЕДОВАНИЯ О СОЗДАНИИ «ИСТОРИЧЕСКИХ»
МИФОВ»**

Корректоры: О. Верховых, К. Аверина, А. Голембиовская

«Перевод выполнен Международным антифашистским
фронтом»

С электронной версией книги и перечнем библиотек, в
которых Вы можете получить это издание можно ознакомиться
по ссылкам:

<http://www.antifashyst.org/kniga/kniga.pdf>

<http://r-u.org.ua/kniga/kniga.pdf>

Формат 60x84/16, Усл. печ. л. 32,5

Бумага офсет, Печать офсет.

Тираж 10000 экз.

Издательство „Золотые ворота”

Типография ФОР РЯБОКОНЬ О.В.

г. Киев, 04123,

ул. Осиповского, 3-А

Тел. 227-6853

Распространяется бесплатно.